

ҚДА

ISSN 0869-4427

3621

Отечественные **АРХИВЫ**

4

2006

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации «Архивная школа»

«Архивная школа» имеет лицензию и аккредитацию в рамках Российского государственного гуманитарного университета на ведение всех видов образовательной деятельности. Обучение в «Архивной школе» предназначено для повышения профессиональных знаний в области делопроизводства и архивного дела:

- второе высшее образование по специальностям:

020800 «Историко-архивоведение», квалификация – «историк-архивист»;

350800 «Документоведение и документационное обеспечение управления», квалификация – «документовед», специализация «Документовед – специалист по документированию деятельности кадровой службы». Срок обучения – 3 года.

- среднее профессиональное образование по специальности

0611 «Документационное обеспечение управления и архивоведение», квалификация – «специалист по документационному обеспечению управления и архивист». Срок обучения – 2,5 года.

- курсы повышения квалификации

для работников делопроизводственных, кадровых, банковских и архивных служб.

Формы обучения: очная, очно-заочная, заочная,
дистанционная и группы выходного дня

Оказываем содействие в трудоустройстве выпускников

Адрес факультета: Россия, 103012, г. Москва,
ул. Никольская, д. 15 (для «Архивной школы».
Телефон/факс: (495) 628-92-21.
E-mail: arhschool@yandex.ru
<http://rsuh.ru>, <http://iai.rsuh.ru>

Проезд:
м. «Площадь Революции»,
«Театральная», «Лубянка»
ул. Никольская, 15,
кабинет № 3

Отечественные АРХИВЫ

4
2006

научно-
практический
журнал

Издается с 1923 года. Выходит один раз в два месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

История и практика архивного дела

- А.И. Костанов, Ю.М. Эскин.** Архивы и архивное дело в Сибири и на Дальнем Востоке в допетровский период 3
- С.С. Батурина.** Ф.П. Шевченко как историк-архивист 19
- И.Г. Асфандиярова.** Региональное архивное законодательство России: тенденции развития 29
- И.А. Дегтярева.** Размышляя над проектами федеральных законов об информации 38
- Н.Ю. Черепенина.** Информационный потенциал ЦГА Санкт-Петербурга: негативные тенденции последних десятилетий 46
- А.А. Бровина, Э.Г. Чупрова.** Персонифицированная информация о гражданах в архивах должна стать полнее 50

В фондах российских архивов

- В.А. Иванов.** Документы Госархива Калужской области о численности чиновников губернии в предреформенный период (1855 – январь 1861 г.) 52
- М.В. Борисенко.** Организация и источники персонального учета сельского населения России XVIII – начала XX в. 58

В зарубежных архивах

- Р.М. Толу.** Архивы Италии сегодня 70

* * *

- Как гармонизировать интересы пользователей и хранителей документов: размышления исследователей и архивистов 74

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- «Позволено... учредить в городе... пансион». Документы Национального архива Республики Татарстан по истории частных учебных заведений в Поволжье. Конец XVIII – начало XX в. Публикацию подготовила **С.А. Фролова** 82
- «Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом!» Письма королевы эллинов Ольги в фондах РГАВМФ. 1922 г. Публикацию подготовили **М.Е. Малевинская, В.С. Соболев** 102
- Рисунки партийных деятелей в личных фондах РГАСПИ. Публикацию подготовила **Л.Н. Малащенко** 108

ИНФОРМАЦИЯ И ХРОНИКА

Конференции, совещания, семинары

- Л.А. Кобелькова.** Юбилейные «Тихомировские чтения» 113

В.Г. Ларина. «Обеспечение сохранности архивных документов в современном мире»	114
О.А. Агеева. Совещание в Кемеровской области	115
Л.М. Пузыревская. Читинские архивисты совещаются	117
Б.М. Пудалов. Выездное заседание коллегии Комитета по делам архивов Нижегородской области	118
Л.С. Георгиевская. «Формирование и научное описание архивных коллекций»	119
В.Л. Богданов. «Роль курского земства в культурной и научной жизни губернии (1864–1918 гг.)»	119
С.С. Смородина. «Локальные войны глазами пермяков»	121
М.В. Шишлова. «Любовь к Родине как призвание»	122
<i>Выставки</i>	
Н.А. Буравченко. В Выставочном зале федеральных государственных архивов	123
М.В. Шишлова. «Государственный архив Курской области: история и современность»	124
Г.Н. Кибиткина. Открылся выставочно-экспозиционный зал Архивной службы Челябинской области	125
А.М. Елизаров. У архивистов Костромской области	126
* * *	
А.П. Финадеев. О реализации федеральных законов в архивном деле Челябинской области	127
М.А. Александрова, О.В. Игнатьева. У архивистов Чувашии	129
В.В. Ситникова. Альтернативная гражданская служба в архиве	131
Л.И. Скворцова. РГВА: сбор документов личного происхождения	131
О.Г. Учкина. Совершенствование научно-справочного аппарата Госархива современной документации Астраханской области	133
<i>Юбилеи</i>	
М.П. Ирошников, С.О. Шмидт. Юбилей Г.А. Победимовой	134
В.Р. Клейну – 60 лет	135
* * *	
Г.Н. Кибиткина (г. Челябинск), Е.Э. Макеева (г. Сыктывкар), Т.В. Безденежных (г. Пермь), Л.С. Ласочко (г. Курск), Н.С. Зелов (г. Москва). Вышли в свет	136
В.В. Брызгалов, Н.А. Шумилов. Находка архангельских архивистов ..	140
Памяти Ж.В. Поляковой	141
Наши авторы	142

Главный редактор Т.И. БОНДАРЕВА

Редакционная коллегия

**В.И. АДАМУШКО, А.Н. АРТИЗОВ, В.Д. БАНАСЮКЕВИЧ, Е.М. БУРОВА,
В.К. ВИНОГРАДОВ, Т.М. ГОРЯЕВА, И.Н. КИСЕЛЕВ, Л.А. КОБЕЛЬКОВА
(зам. главного редактора), В.М. ОСИН (редактор отдела), Т.Ф. ПАВЛОВА,
Е.В. СТАРОСТИН, Е.А. ТЮРИНА, В.Н. ШЕПЕЛЕВ, С.О. ШМИДТ**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям*

© Отечественные архивы, 2006 г.

История и практика архивного дела

А.И. Костанов, Ю.М. Эскин

Архивы и архивное дело в Сибири и на Дальнем Востоке в допетровский период

Появление в российских архивах документальных источников о Закаменной Руси, как называли наши предки Сибирь, относится к рубежу XVI–XVII вв. Это было начало эпохи географических открытий русских первопроходцев, завершившейся присоединением к России земель Северо-Восточной Азии, островов Тихого океана и северо-западной части Американского континента.

Следует отметить, что в отечественной историографии по проблемам архивного дела в дореволюционной России¹ региональные аспекты изучены пока недостаточно, особенно это касается допетровской эпохи². Небольшие работы известных русских архивистов Н.Н. Оглоблина и Д.Я. Самоквасова, посвященные провинциальным архивам XVII в., давно стали библиографической редкостью, к тому же представленный в них фактический материал ограничен пределами европейской части страны³.

В данной статье предпринята попытка показать зарождение архивов и организацию архивного дела в Сибири и на Дальнем Востоке в допетровский период: конец XVI – начало XVIII в., т.е. начиная с «поставления» сподвижниками и последователями Ермака первых городов-острогов и до распространения на Сибирь губернской реформы Петра I. В статье речь пойдет лишь об архивах российского происхождения. За пределами исследования мы сознательно оставляем проблему существования за Уралом архивов эпохи, предшествующей «освоению» Сибири. Она представляет чисто гипотетический интерес, будучи, главным образом, объектом изучения археологов, лингвистов и этнологов.

Ключом к пониманию происхождения и непростой судьбы архивов Сибири является история культуры этого огромного региона, которая на протяжении столетий развивалась под мощным воздействием культурных традиций Европейской России. С созданием административных центров (острогов) и местного управленческого аппарата в документах находили отражение различные стороны жизни на восточных окраинах страны. Со временем старые бумаги накапливались, образуя комплексы исторических документов, ставших источниковой базой гуманитарных и естественнонаучных исследований по широкому спектру проблем истории Сибири, Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Образование на

присоединенных землях первых учреждений, осуществлявших властные полномочия Русского государства («съезжих» или «приказных изб»), можно считать отправной точкой зарождения сибирских и дальневосточных архивов в их традиционном понимании⁴.

Сибирь, как новый край Русского государства, сначала управлялась Посольским приказом, а с 1599 г. – Приказом Казанского дворца. (Все ранние сибирские дела в архиве Казанского дворца полностью сгорели в 1626 г.⁵) Царским указом от 19 февраля 1637 г. было повелено «Сибирскому приказу быти особено, а ведати указал государь» тот приказ боярину князю Б.М. Лыкову⁶. В компетенции Сибирского приказа на протяжении XVII в. находились дела административные, финансово-податные, таможенные, военные, торговые и даже дипломатические. В его структуре и делопроизводстве не выдерживался единый принцип, что вообще свойственно приказной системе. Управленческими вопросами занимались территориальные столы (Томский, Ленский, Мангазейский и др.), а внутрприказными – функциональные подразделения (Расценная, Купецкая, Казенная палаты и т.д.). Распределение дел по столам не совпадало с административным делением Сибири на разряды⁷.

Даже в конце XVII в. Сибирский приказ был сравнительно «молодым», и иногда бумаги его компетенции по традиции уходили в архивы иных центральных учреждений. Так, еще до создания в XVI в. Посольского приказа дипломатическая документация велась на Казенном дворе. И спустя полтора столетия сюда, как в главное государственное хранилище ценностей, в том числе государственных регалий, продолжали поступать подлинники некоторых важных дипломатических документов. Среди них, например, текст Нерчинского договора, заключенного с Китаем в 1689 г.⁸ Лишь в феврале 1708 г. по указу Петра I, после очередного пересмотра и описания документов, находившихся в Казенном дворе, этот важнейший акт был перенесен на хранение в Посольский приказ⁹.

Для изучения сибирской и дальневосточной проблематики XVII – первой половины XVIII в. хранящийся в РГАДА архив Сибирского приказа считается одним из основных документных комплексов, давно и хорошо известным исследователям благодаря прекрасному описанию Н.Н. Оглоблина¹⁰. В 1708 г., с образованием Сибирской губернии, приказ преобразован в ее Московскую канцелярию, в 1730 г. восстановлен и окончательно упразднен только в 1763 г. Он представлен в РГАДА двумя фондами: первый вошел в собрание бывшего Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ) (Ф. 214, 10 070 ед. хр. за 1594–1780 гг.) как архив самого приказа почти в том же самом виде, каким был в конце 1760-х гг., включает дела по управлению Сибирью – Посольским приказом и Приказом Казанского дворца (1594–1636), Сибирским приказом (1637–1708), Московской канцелярией Сибирской губернии (1708–1730) и Сибирским приказом (1730–1763); второй фонд (Ф. 24, 642 ед. хр. за 1703–1825 гг.)¹¹ из собрания бывшего Государственного архива МИД, основанного в 1834 г., был сформирован по коллекционному признаку из бумаг личных императорских канцелярий, центральных и местных учреждений, в том числе ведавших делами управления и хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока¹². Какая-то небольшая часть документов, безусловно, утрачена, ибо после 1763 г. архив Сибирского приказа, и без того пребывавший в весьма

запущенном состоянии, несколько лет оставался петропугым. Затем его изучением занялась комиссия во главе с профессором Г.Ф. Миллером. Наконец 15 января 1768 г. последовал указ Сената «Об отдаче старых дел бывшего Сибирского приказа в Разрядный Сенатский архив»¹³. Документы передавались без какого-либо упорядочения, поскольку указ разрешал сдавать архивные дела на хранение «коим есть описи, те с описями, прочие же от гнилости поврежденные так, как они есть...»¹⁴.

Следует отметить, что по сей день в отечественной архивоведческой литературе роль Сибирского приказа в становлении архивного дела за Уралом как-то ускользала из поля зрения авторов. Между тем известно, что к концу XVII в. сложилась жестко централизованная система документооборота между столицей и уездами Сибири. Об этом свидетельствует датированный 1684 г. документ, обращенный к сибирским восводам, чтобы те не доверяли грамотам, поступившим «из иных розных приказов, а не из Сибирского приказу, и по тем грамотам, о чем они присланы будут, никаких дел не делать, не отписываясь великим государям к Москве...»¹⁵. В связи с этим из множества функций Сибирского приказа подчеркнем одну: надзор за делопроизводством в приказных избах сибирских воевод и состоянием их архивов, которым придавалось серьезное значение. Первым это отметил Н.Н. Оглоблин, выделивший виды документации, характеризующие уровень архивного дела в Сибири допетровской эпохи.

Прежде всего, речь идет об архивных описях, появление которых в сибирских учреждениях известно, по крайней мере, с 1630-х гг. Их анализ говорит об использовании подьячими сибирских приказных изб присмов и способов описания документов, отвечавших общероссийским нормам. Глухие заголовки в описях, как правило, замещаются подробными, раскрывая главные отличительные признаки документов. В описях почти всегда отмечаются печати и подписи («приписи»), внешние признаки: материал, на котором они написаны, наличие дефектов и следов порчи; документы обязательно датируются, а при отсутствии дат делаются оговорки об этом. Топографические отметки о местонахождении документов – почти непременный атрибут описей, что придает им четко выраженный инвентарный (учетный) характер. Подьячие в описях зачастую обозначают и содержание документов¹⁶. Отмеченные элементы описания документов характерны и для государственных учреждений на восточных окраинах России. Можно говорить об унификации приказного делопроизводства в российской провинции XVII – начала XVIII в. Это подтверждается идентичностью делопроизводственных приемов, видовым составом документов и системой палеографических признаков, в частности данными сфрагистики и геральдики.

Анализ изображений и надписей на сибирских печатях позволяет считать их уникальными памятниками делопроизводственной культуры. Надевание городов и острогов Сибири собственными печатями являлось важным государственным актом и оформлялось указами московских царей. Известно, например, что по указу Василия IV (Шуйского) в июне 1607 г. были присланы «печати в Сибирь в три города: на Верхотурье, в Тобольск, на Березов...»¹⁷. Подлинных сибирских печатей XVII в. сохранилось мало, но благодаря архивным документам, запечатлевшим их изображения и описания, о них известно больше, чем о печатях других областей. Помимо городских печатей, которыми пользовались восводы, имелись и таможенные пе-

чати. В некоторых городах гербы на таможенных и воеводских печатях отличались друг от друга¹⁸. Сибирская эмблематика той поры, наряду с четко выраженными региональными элементами, непременно подчеркивала принадлежность края к Русскому государству¹⁹.

Встречающиеся иногда при раскопках сибирских и дальневосточных острогов XVII в. канцелярские принадлежности также несут отпечаток общероссийской делопроизводительной культуры и традиций, уходящих в далекое прошлое. Например, обнаруженные в Мангазее футляры для вислых восковых печатей хорошо известны археологам по древнему Новгороду, где их часто находят в слоях XV в. и ранее. В раскопе одного из домов Мангазеи, близ таможни, найдены кисточка для смахивания песка и несколько чернильниц из керамики, внутри одной сохранились даже налипшие на стенки следы чернил²⁰.

Наиболее распространенными средствами хранения архивных бумаг в допетровское время служили сундуки, ящики, коробья, ларцы с замками и печатями²¹. Степень сохранности дошедших до нас архивов приказных изб Сибири различна, но в целом они свидетельствуют о развитой системе делопроизводства, аналогичной в общих чертах иным государственным учреждениям XVII в. Основная масса документов составлялась в виде столбцов, формировавшихся в отдельные документы и дела из листовой россыпи по хронологическому или номинальному признакам, что было типичной формой приказного делопроизводства XVII в.²² Хранить столбцы и пользоваться ими при растущем объеме документации было крайне сложно. Это видно из царской грамоты енисейскому воеводе Б.Д. Глебову от 11 декабря 1700 г., в которой сказано: «И во всех сибирских городах наших великого государя дел случается по все годы много, и те дела до нынешнего времени писали в столбцы на одной страницы, и в том исходило бумаги много, а дела клеили в столбцы и сбирали в годовые большие столбцы, которые, лежа в полатах, от сырости росклеивались и гнили и мыши портили, и для справок частных ради приисков во многом разбивании с краев и в средних те большие столбцы дрались, и от того многие старые дела, докладные записки и указы, валяясь по разным местам в небрежении, терялись и во все пропадали, и многие трудности и отпускам мешкоты и остановки от того чинились»²³.

Названная грамота, посланная согласно именному указу Петра I из Сибирского приказа в Енисейск, центр одноименного разряда (области), включавшего огромную территорию от Мангазеи до Иркутска и Нерчинска, – важнейший документ, появившийся в связи с реформированием всего государственного делопроизводства и переходом от столбцовой формы документации к тетрадно-книжной. Он содержал и требования, способствовавшие в какой-то мере улучшению архивного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. В грамоте, во-первых, шла речь о писании деловых бумаг не в столбцах, а «в лист и на обеих сторонах в тетради», отчего расход бумаги будет меньше, «да и в тетрадях и в книгах лежат дела прочнее». Во-вторых, подробно излагались новые правила формирования дел и описания документов, включая их оглавление и внутреннюю опись. Главной же целью этого нововведения было улучшение и ускорение выдачи справок: «А впреди всякой книги написав оглавление, что в которой книге каких выписок, грамот и отписок, сказок, допросов и всяких дел по главам именовать, какие есть выписки

к выпискам, а грамоты к грамотам, а отписки к отпискам... И то соверша и тетради переплетя в книгу, на корени той книги приклеить широкий ерлык, большими словами подписать, косяго стола и повытыть и году или полугоду та книга, и поставить на полках по годам сряду, чтоб для справки всякое дело скоро и удобно сыскать было возможно»²⁴. В-третьих, грамота регламентировала порядок хранения старых документов, с которых для практического использования предписывалось снять в тетради заверенные копии, «потом уж переплесть в книги и учинить такие оглавления, как писано выше сего; а подлинны по се число обретающиеся столпы впредь для справки подклея, держать в сундуках за замками и печатями в таких местах, где бы от случай пожарных и от всякой гибели было бы в сохранении»²⁵.

Новые правила составления бумаг и их хранения в сибирских канцеляриях были введены в связи общей реформой делопроизводства, начатой Петром I. Таким образом, можно сказать, что по видовому составу и делопроизводственным приемам документы приказных изб в Тобольске, Томске, Якутске или Нерчинске во второй половине XVII в. внешне мало отличались от аналогичных бумаг в городах Европейской России, как, например, Смоленск или Воронеж²⁶.

Судьба документа (в частности, попадет он в Сибирский приказ или останется на месте) во многом зависела от воеводы и его ближайшего окружения. В связи с этим необходимо отметить, что распространению в Сибири российской делопроизводственной культуры и, следовательно, становлению архивного дела в крае способствовали некоторые традиции функционирования самой воеводской системы управления. Дело в том, что в XVII в. вновь назначенный воевода отправлялся из Москвы в Сибирь, особенно в ее крупные города, не один, а с «товарищем» (второй воевода), дьяком, иногда и с подьячими²⁷, которые и становились вершителями дел в сибирских канцеляриях.

Выявление сведений о ранних сибирских архивах – задача более трудная, нежели традиционное изучение документов тех же самых архивов. Это объясняется тем, что внутриархивная документация, в частности описи местных архивов того периода, по которым можно судить об их содержании, встречаются крайне редко. Самый же распространенный тип архивных описей XVII в., выделенный еще Н.Н. Оглоблиным, по нынешней терминологии можно назвать слаточными. Появление этого типа описей связано с особенностями ведения переписки Сибирского приказа. В тот период бумаги из Сибири в Москву поступали скопом, так как вследствие дальних расстояний и тягот пути воеводы ждали (кроме экстренных случаев) накопления почты и разом отсылали подборку своих отписок, таможенных книг, челобитных служилых и «жилицких» людей и т.п. Об этом говорят указные грамоты 1697 г. якутским, иркутским, нерчинским и илимским воеводам о посылке государю «отписок» по шесть раз в год²⁸. Относительно регулярный обмен документацией сложился только к концу XVII в. Направляемая в Москву документация непременно сопровождалась «росписью отпискам и книгам» или описью, включавшей лишь заголовки документов. Особенность таких «росписей» состояла в том, что в них значились только отсылаемые документы, поэтому Н.Н. Оглоблин не считал их описями в собственном смысле слова, хотя и признавал, что по сути они, «несомненно, относятся к типу архивских описей»²⁹.

Обозначить сеть архивов XVII в. на восточных окраинах России в целом несложно, так как их формирование определялось административно-территориальным устройством. В Сибири, как и в европейской части страны, основой административного деления были уезды, объединявшиеся в «разряды», которые образовывались по мере включения в состав России новых земель.

Тобольск, основанный в 1587 г., был «столицей» всего края и одноименного разряда, объединявшего к 1629 г. 14 уездов западной и центральной Сибири. Кроме Тобольского существовали Томский (с 1629 г.), Ленский (с 1639 г.) и Енисейский разряды (с 1677 г.). К исходу XVII в. оформилось 20 сибирских уездов на пространстве от Урала до Чукотки и от Северного Ледовитого океана до Амура³⁰. Именно в уездных центрах, будь то город или острог, концентрировались основные массивы архивных документов, относящихся к местному правлению.

Быстрое расширение сибирских владений требовало четкого документирования, ибо создание новых административных единиц нуждалось в соответствующем информационном обеспечении. Прежде всего, это относилось к ведению ясачных книг, дабы избежать повторного сбора податей и прочих злоупотреблений. Существовал порядок копирования и заверения грамот, ясачных книг и иных документов. Ответственность за это лежала на атаманах, которым поручалось, «списав список слово в слово за своими руками, прислати в Тобольск»³¹. Например, в апреле 1618 г. тобольский воевода князь И.Куракин затребовал от кетского воеводы Ч.Челищева копии ясачных окладных книг тех волостей, где он «наперед сего ясаку имал» и которые отходили к новому Енисейскому острогу³². Обмен документацией между уездными приказными избами или острогами в XVII в. нельзя назвать интенсивным, но в целом такая практика являлась обычной и предполагала обращение к архивным бумагам прежних лет. Что же касается географической и иной подобной информации, заключенной в казачьих челобитных и «скасках», составляемых после дальних походов, то их реальная востребованность для повседневных нужд местных властей была, видимо, относительно невысока. Поступив в приказную избу, эти ценнейшие документы оседали в ее сундуках и коробьях, откуда могли не извлекаться на свет десятилетиями. Так случилось, например, с подлинниками отписок С.И. Дежнева о его походе 1648 г., пока их не обнаружил в архиве Якутской приказной избы Г.Ф. Миллер, доказавший, что «Чукотский Нос, лежащий между Севером и Востоком и до неизвестных нам пределов Северной Америки простирающийся, давно уже обойден морем»³³.

В целом же в допетровское время центральные и местные власти относились к документам и архивам весьма строго. Архивы в приказных избах находились в личном ведении уездных воевод. В их переписке с Сибирским приказом и иных документах архивы упоминаются под названиями «государевы дела» или «дела прежних лет». Обычно новый воевода принимал от предшественника печать города, городские и острожные ключи, «огнестрельный снаряд», денежную и хлебную казну. При этом составлялись «рописные списки» (акты приема-передачи), по которым принималась и документация: прежние указы и грамоты, именные списки, приходные, расходные, ясачные, оброчные книги и т.п. Вступив в должность, воевода докладывал царю, когда прибыл и сколько принял в городе запасов, денег,

«государственных дел» и т.д.³⁴ В ежегодных отчетах воевод – «сметных списках» сообщалось и об архивных описях документов. Отсутствие этих сведений могло обернуться служебными неприятностями. Периодически назначаемые правительством ревизии, «сыски» о «лихоимствах воевод», неоднократно фиксировали факты утраты документов³⁵.

Но катастрофических потерь архивных документов приказных изб в XVII в. Сибирь, видимо, еще не знала. Отчасти это подтверждают экспедиционные наблюдения Г.Ф. Миллера в 1733–1743 гг. в его автобиографии («Описание моих служб»)³⁶.

Кроме приказных изб в уездных центрах Сибири были еще две категории учреждений, обладавших архивами. Это таможенные и кружечные дворы. Видовой состав их документации хорошо известен³⁷. В некоторых городах кружечные дворы (до 1652 г. назывались кабаками) были объединены с таможнями, имели общее делопроизводство и текущий архив. Для них действовали те же требования хранения и описания архивов, что и для приказных изб, а при смене «начальных» лиц – аналогичный порядок приема–передачи документов: составлялась опись («росписной список») имущества, текущей документации и архива, которая предоставлялась воеводе, а иногда и в Сибирский приказ.

Сохранившиеся в фонде Сибирского приказа три «росписных списка» принадлежат таможенным избам Соликамска, Мангазеи и Нерчинска. Из них выделяется «росписной список» Мангазейских таможенных голов 1636 г., замечательный обстоятельным описанием архива таможенной избы³⁸. Он открывается кратким перечнем зданий и имущества, содержит подробнейшее описание документов архива, самый ранний из которых относился к 1623 г. «Это описание, – отмечал Н.Н. Оглоблин, – совершенно исключительное среди известных мне архивских описей XVII в.: нигде не приходилось встречать таких подробных и обстоятельных отметок о внешнем состоянии документов, как в Мангазейском росписном списке 144 г.»³⁹.

Опись мангазейского таможенного архива имела четкую структуру: сначала шли «книги», затем «столпы» и, наконец, документы «в свертках» и «в связках». Внутри разделов документы располагались строго по хронологии. «Столпы» подбирались по содержанию: «столпы прежних проезжих грамот» со 132 г. (1624 г.) и т.п. Опись дает подробное представление о содержании книг и даже отдельных документов, среди которых весьма ценные, например списки промышленных людей Мангазейского уезда за 1625–1633 гг., с указанием не только их имен, но и родины⁴⁰. Составителями «росписи» были устюжанин Иван Кокорин и Петр Брагин из Тотьмы, принимавшие дела Мангазейского таможенного двора. Их опись едва ли не самый ранний памятник истории архивного дела в Сибири. Даже сдержанный в оценках Н.Н. Оглоблин, восхищаясь уровнем их техники описания документов, отмечал по этому поводу: «Мне думается, что в этом маленьком факте из жизни этих маленьких людей (посадских людей из поморских городов) кроется намек на некоторую "культурность" их. С такими намеками встретимся не раз и дальше при обозрении многих документов таможенного управления, всецело лежащего в XVII в. на плечах именно таких маленьких людей, какими были Кокорин, Брагин и т.п. посадская братия московских и сибирских городов. Оценка всей их деятельности на пользу государства внесет очень крупные и во многом новые штрихи в характеристику русской жизни XVII века...»⁴¹

Практика обязательного приема–передачи архивов существовала в Сибири на протяжении всей второй половины XVII в. Но возраставшие объемы хранения документов, видимо, уже не позволяли делать их подробных описаний, и старым бумагам уделялось все меньше внимания, подтверждением чему является Нерчинский «таможенной росписной список» 1702 г., составленный новым таможенным и кружечным головою В.Поповым, принимавшим дела у своего предшественника П.Худякова. Из приложенной описи архива Нерчинской таможни видно, что это было внушительное хранилище документов, наиболее ранние из которых относились к 1648 г., но «статьи приема расположены без всякой системы, в беспорядке»⁴².

К сожалению, ни один из таможенных сибирских архивов XVII в. не сохранился хотя бы в относительно цельном состоянии, в виде обособленного архивного фонда. Их материалы представлены, главным образом, в составе документации Сибирского приказа⁴³. Фонд включает 955 ед. хр., отправленных в свое время в Москву с 27 таможенных застав, и 31 ед. хр. – из 10 кружечных дворов Сибири⁴⁴. Их перечень⁴⁵ дает представление о сети таможенных и кружечных дворов Сибири, имевших в допетровскую эпоху свои архивы, которые до наших дней не сохранились.

Наиболее ценные первичные документы, относящиеся к освоению Дальнего Востока и русским географическим открытиям у берегов Тихого океана, концентрировались в архиве Якутской приказной избы. Его формирование началось, вероятно, с 1641 г., когда на Лену прибыли из Москвы первые воеводы П.П. Головин и М.Б. Глебов. Неизвестно, какие «государевы дела» они приняли, ведь основанный в 1632 г. отрядом енисейских казаков Петра Бекетова Якутский (Ленский) острог в первое десятилетие своего существования дважды переносился на новое место⁴⁶, но можно утверждать, что архив в Якутске был, и весьма крупный. С середины XVII в. Якутск являлся административно-политическим центром земель от бассейна реки Лены до побережья Тихого океана на востоке и от Ледовитого океана до Забайкалья. Управление столь обширным краем требовало немалых затрат и огромной переписки как с Сибирским приказом, так и с местными властями в дальних острогах и зимовьях, где велось свое делопроизводство и были небольшие архивы.

О местных архивах Якутского восводства второй половины XVII в. сохранились крайне отрывочные сведения. Архивы находились лишь там, где имелось постоянное население и осуществлялись некие государственные функции. Таким типом ранних русских поселений принято считать ясачные зимовья, возникавшие в географически и экономически важных точках Восточной Сибири. В отличие от промысловых зимовий, где проживали охотники за пушниной и морским зверем да изредка навещавшие их торговцы, ясачные зимовья являлись государственными поселениями, т.е. создавались и содержались за счет казны. Позднее наиболее значимые из них, расширяясь и обрстая защитными сооружениями, назывались острогами или имели двойное наименование: зимовья и остроги⁴⁷.

Одним из таких ясачных центров, вероятно, вторым после Якутска, было возникшее в 1643 г. русское поселение, которое с основанием Верхне-Колымского зимовья в 1648 г. стало называться Средне-Колымским. Здесь в середине XVII в. производилась смена колымских приказных и хранились официальные документы⁴⁸. Такими же центрами накопления документации

на северо-востоке Азии являлись Охотский и Анадырский остроги, возникшие изначально как ясачные зимовья. На юге Якутского воеводства к образованному в 1656 г. Даурскому уезду, который охватывал территорию современных Читинской и Амурской областей, а также часть Хабаровского края, относились остроги забайкальские (Аргунский, Баргузинский, Селенгинский, Удинский, Еравнинский, Телембинский, Иргенский, Нерчинский) и приамурские (Албазинский, Усть-Стрелочный, Кумарский, Ачанский, Косогорский). Во второй половине XVII в. на дальневосточных рубежах России было около двух десятков укрепленных зимовий, острогов и крепостей⁴⁹.

Якутские власти мирились с тем, что сообщения «о прииске земли» бывали предельно краткими, но строго взыскивали с приказчиков зимовий и целовальников за нарушения в учетной документации. При вступлении в должность для них действовал тот же порядок приема–передачи документов, как и при смене «начальных» лиц в уездных учреждениях, хотя и более упрощенный. Это видно, в частности, из отписки якутскому воеводе И.Голенищеву-Кутузову от сына боярского К.Лошакова, посланного в 1668 г. на Индигирку «на перемену» А.Булыгину: «...а велено мне, Коземке, у того Андрея великих государей Зашиверской ясачной острожек принять и служилых людей, аманатов, и ясачные книги и... с ним Андреем расписаться»⁵⁰.

Конечно, накапливавшиеся в острогах и ясачных зимовьях документы лишь условно можно назвать архивами. В основном это были записи «пошлинного збору» и иные источники фискального характера. Самыми распространенными среди них являлись ясачные книги, содержавшие именные списки ясачных людей и данные о поступлении в казну собираемого с них пушного ясака. В XVII в. велось несколько разновидностей этих книг (именные, приходные, доимочные и т.д.). Не было, очевидно, и обособленного хранения этой документации, которую вели приказчики или целовальники, а затем пересылали в Якутскую приказную избу, как правило, вместе с «государевой пушной казной». Понятно, что под словом «казна» имелся в виду и архив. Эта традиция сохранялась в Сибири до начала XVIII в. Так, М.С. Стадухин, отправляя в 1658 г. из Охотска в Якутск собранную пушнину, посылал одновременно ясачные книги, «чертеж земли и рекам», а также челобитные и отписки с напоминанием о заслугах своей тридцатилетней службы в Сибири⁵¹. Новый приказной Иван Исаков, прибывший в мае 1681 г. принимать дела на Пенжину, докладывал воеводе, что в здешнем остроге ни «аманатства», ни «казны великого государя ясачной и книг нет»⁵².

Архивных фондов ясачных зимовий в нынешних российских государственных архивах России не имеется, так как документы этих учреждений сибирской администрации XVII – начала XVIII в. давно утрачены. Еще П.А. Словцов в 1820–1830-е гг. писал: «Дела столбцами писанные до 1700 г. замечены мною в Верхотурье, близ Туринска в Панаевой фабрике, Нерчинске и Якутске». В иных населенных пунктах Восточной Сибири архивы XVII в., по его словам, уже почти полностью были истреблены «огнем и временем»⁵³. Это замечание знаменитого сибирского историка вполне объяснимо, если представить реальные обстоятельства создания и хранения документов в первых русских поселениях. И.М. Рубец, известный своими походами на Анадырь и Камчатку в 1660-е гг., однажды сообщил, что все его «рописи, идучи в Якутской острог, на море с ясачными книгами потонули». И в самом Якутске отмечали, что «против его, Ивашки, челобитья вы-

писать не ис чева и ведать не почему... потому что с Анадыря реки о тое его, Ивашковой, косте в Якутском остроге в съезжей избе отписок и книг и ведома никакова нет»⁵⁴. Бывали и случаи умышленного уничтожения документов. Например, осенью 1657 г. в Охотском острожке вспыхнул казацкий бунт, вызванный «насильствами» таможенного целовальника Лариона Мартемьянова. Арестовав его, казаки порвали все хранившиеся у него кабальные записи⁵⁵.

Особо следует сказать о писчем материале. Как известно, бумага стоила весьма дорого, особенно для служилых людей, годами не получавших жалованья в дальних походах, о чем в архивах отложилось немало свидетельств. Зачастую на местах бумага вообще отсутствовала. По этой причине в дальних острогах и зимовьях для текущего делопроизводства (ведения ясачных книг и т.п.) вместо бумаги употреблялась береста. Так, по свидетельству С.П. Крашенинникова, в Нижне-Камчатском остроге «за скудости бумаги» метеорологические наблюдения записывались в «берестяные книги»⁵⁶. Это подтверждает и другой участник Второй Камчатской экспедиции врач Г.В. Стеллер. Обследовав камчатские архивы, он писал, что «сохранившиеся доселе документы, особенно находящиеся в Большерецком остроге, написаны за отсутствием бумаги на березовой коре китайской тушью»⁵⁷. Есть основания полагать, что в дальневосточных острогах береста как материал для письма применялась даже более широко, нежели обычно представляется⁵⁸. Ее использовали и для переписки с Якутском. Так, в 1711 г. якутский воевода Д.А. Траурнихт, посылая охотского приказчика Петра Гуторова разведать морской путь на Камчатку, тщательно готовил этот поход, но при этом снабдить его бумагой для переписки, видимо, не смог. Сохранилось написанное на бересте донесение Гуторова с устья реки Иглиган (Сиглан)⁵⁹.

Документы на бересте, как и документы на бумаге, поступаая в Якутскую приказную избу, хранились в ее архиве, который до начала XIX в. оставался в первозданном виде, но затем сильно пострадал. Ценное свидетельство об этом, относящееся к 1830 г., оставил писатель-историк Н.С. Щукин (старший): «Даже в якутских юртах я видел окна, сделанные из старинных рукописей, и с одной из них спял донесение томских казаков об открытии ими Охотского моря. (Возможно, речь идет о каком-то документе, относящемся к походу И.Ю. Москвитина, который так и остался неизвестным для историографии русских географических открытий XVII в. – А.К., Ю.Э.) Между рукописями попадались писанные на бересте, но они не старше XVII века»⁶⁰.

Хрупкие документы на бересте поистине уникальны. Среди них несколько камчатских ясачных книг начала XVIII в. Пять из них дошли до нас в составе Музейного собрания РГБ (Ф. № 7754), остальные хранятся в отделе рукописной и редкой книги Библиотеки РАН⁶¹. Одну из этих книг вел в 1715 г. известный первооткрыватель Камчатки и Курил И.Козыревский, другая сделана от имени его преемника Алексея Петриловского, дальнего родственника Е.П. Хабарова⁶². В 1848 г. в Археографическую комиссию поступили из Иркутска две челобитные служилых людей Гаврилы Юрлова и Афанасия Новгородова, выполненные на бересте и датированные 1716 г., «об обидах и злоупотреблениях по сбору ясака» на того же А.Петриловского⁶³. В РГАДА имеются два сибирских документа на бересте, соз-

дание которых разделяет почти столетие: роспись ясака с якутов Нерюн-грейской и других волостей за 1663–1664 гг. и челобитная лабинского протопопа Симеона Мефодиева в Сибирскую губернскую канцелярию 1760 г.⁶⁴

Документы XVII в., созданные в первых русских острогах и зимовьях Сибири и Дальнего Востока, включены в состав фондов их вышестоящих учреждений – приказных изб уездных восвод. Самым крупным таким документальным собранием является архив Якутской приказной избы.

Исчерпывающее представление об архиве Якутской приказной избы на рубеже XVII–XVIII вв. дает его опись («переписная книга»), сделанная при воеводе Д.А. Траурнихте. Поводом к ее составлению послужила грамота Сибирского приказа от 30 мая 1701 г. за приписью дьяка Ивана Чепелева. Эту опись, впечатляющую по своему объему (574 стр.) и тщательности описания документов, можно без преувеличения считать памятником истории архивного дела Сибири и Дальнего Востока⁶⁵. Опись снабжена своеобразным предисловием с изложением содержания грамоты, предписывавшей «столпы и книги, буде где подраны, переклеить погодно и переписать в тетради на перечень: в котором столпу какие грамоты и отписки и всякие великого государя и челобитчиковы дела, и какие книги, и коих годов...». Один экземпляр этой описи надо было прислать в Москву, а другой хранить в приказной избе. Сделав же опись, все «столпы и книги и всякие дела, и впредь которые будут велено держать в великой бережи и класть сряду в сундук, и подписать на столпах и книгах коих лет и в какой сундук положены, а к сундукам приложить ярлыки в какой сундук и какие столпы и дела и книги положены, чтоб скорее и удобнее мочно сыскать...»⁶⁶.

Опись открывается с документов 146 г. (1638 г.), т.е. с самого начала Якутского воеводства, с «наказа» первым восводам П.Головину, М.Глебову и дьяку Е.Филатову. Она составлена по хронологии, и весьма подробно: «грамоты» и «книги» большей частью описаны каждая отдельно, а остальные по «столпам» – «столп отписок... о разных делах», «столп о верстанье», «столп судных дел» и т.п. По годам сначала идут «столпы» и «грамоты», затем «книги». Некоторые грамоты описаны очень обстоятельно. С 1690-х гг. по 1703 г. документы расположены по столам приказной избы, рукоприкладство – скрепа стольника Д.А. Траурнихта. Завершают опись сообщение, что «справил» ее подъячий Данила Васильев, и помета Сибирского приказа: «1707 год, декабря в 14 день, присланы»⁶⁷.

Данная опись – фундаментальный труд и чрезвычайно ценный исторический источник, по существу, первый справочник, предшественник современных путеводителей по документам об освоении Россией земель Дальнего Востока. Для истории архивного дела она интересна не только методикой и техникой описания документов, но и свидетельствует о важности этой работы в рассматриваемую эпоху.

Опись очень полно характеризует видовой состав и содержание документов данного комплекса, запечатлевших важнейшие события второй половины XVII в. – выход россиян к берегам Тихого океана, освоение Колымы и Чукотки, присоединение Камчатки и т.д. Это позволяет говорить не только о высоком уровне архивной техники описания документов, но и о глубоком научном видении ее составителей или составителя, каковым являлся один из первых дальневосточных архивистов подъячий Д.Васильев. Вероятно, он был культурный и образованный человек, высокопрофессио-

нальный чиновник, понимавший практическую ценность документов и их значение как исторических источников, служил в Якутске довольно долго, и, видимо, при нем происходила реорганизация управления сибирскими уездами, начатая Петром I. Подтверждение этому можно найти в инструкции Д.А. Траурнихту от 17 марта 1710 г., где говорилось: «В съезжей избе у ясачного сбору и у всяких дел великого государя и челобитчиковых дел велено быть в старых подьячих бывшему приказной избы подьячему Данилу Васильеву, буде он наперед сего в приказной избе в каком воровстве и причине не отличился, а оклад ему учинить в приказной избе из убылых подьяческих окладов 8 рублей»⁶⁸.

Несомненно, что полное упорядочение архива Якутской приказной избы, проведенное в 1701–1703 гг., т.е. почти накануне Петровской реформы, способствовало хорошей сохранности этого уникального комплекса документов, который можно считать эталонным для определения общего объема «древних актов», отложившихся в сибирских архивах к исходу XVII в. Описанные документы Якутской приказной избы спустя полтора столетия были выделены из общей массы якутских архивов, подвергшихся во второй половине XIX в. тотальному истреблению. От архива приказной избы сохранилось в общей сложности свыше 7 тыс. дел за период с конца 1630-х гг. до начала XVIII в. И хотя они по ряду причин оказались рассредоточены по разным архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга (РГАДА. Ф. 1177, 6119 ед. хр. за 1634–1718 гг. и архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 115, 160, 258; 1135 ед. хр. за 1638–1704 гг.)⁶⁹, но в совокупности представляют единый пласт документальных источников эпохи русских географических открытий на Дальнем Востоке. Для сравнения сообщим, что подлинных документов того же якутского архива за весь XVIII в. (фонды Якутской восводской, а затем провинциальной канцелярий) едва ли наберется чуть более трехсот дел, т.е. в 20 раз меньше.

Разделение архива Якутской приказной избы сложилось исторически. Между 1839 и 1845 гг. надворный советник И.С. Сельский по заданию генерал-губернатора Восточной Сибири обследовал исторический архив Якутска и отобрал наиболее интересные материалы для пересылки в Археологическую комиссию. В ходе работы с 1840 г. до начала XVIII в. в Петербург поступали связки «древних актов» из Якутска. Кроме того, в 1846 г. якутский гражданин Михайлов передал Археологической комиссии некоторые дела из восводской канцелярии. Теперь эти бумаги (49 картонов, или 1116 столбцов) хранятся в фондах архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Небольшие коллекции якутских документов XVII в. приобрели в разные годы Государственный Исторический музей и отдел рукописей Российской национальной библиотеки. В 1867 г. в Министерство юстиции стали поступать дела местных учреждений, упраздненных судебной реформой 1864 г. В их числе в МАМЮ прибыло из Якутска 9 объемистых неописанных связок, среди которых были и уцелевшие от уничтожения документы приказной избы XVII в.⁷⁰ Вероятно, тогда же в МАМЮ предпринимались попытки описания документов Якутского воеводского управления. Следы этой работы иногда можно обнаружить на оборотной стороне первого и последнего листа столбцов, но описи, скорее всего, так и не было составлено. Современное описание комплекса документов Якутской приказной избы, имеющего четыре описи, было осуществлено в 1940–1970-е гг.

сотрудниками РГАДА трех поколений: Н.П. Воскобойниковой, С.И. Сметаниной, Б.Д. Кац и другими под руководством классиков отечественной исторической науки и архивоведения профессоров И.Ф. Колесникова и А.А. Новосельского; консультировал работу видный историк Сибири XVII–XVIII вв. член-корр. АН СССР В.И. Шунков⁷¹. Здесь также хранятся 15 самостоятельных архивных фондов приказных (съезжих) изб Сибири, сформировавшихся зачастую из россыпи, представляющих примерно три четверти от всех существовавших во второй половине XVII в. уездных архивов за Уралом.

Крупные потери, которые понесли архивы сибирских приказных изб вследствие различных неблагоприятных обстоятельств и многократных преобразований учреждений местного управления, неизбежно обуславливают вопрос о репрезентативности как источников сибирских архивов допетровского времени. Ответить на него затруднительно. Этому стоило бы посвятить отдельную монографию, настолько многоплановой является данная тема, разработка которой в будущем может привести архивистов к важному практическому результату – реконструкции утраченных архивных фондов Сибири XVII в.

Мы же ограничимся характеристикой общих параметров, попытавшись определить среднестатистические объемы утраченных архивов, сформировавшихся на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. Итак, лишь два архива за Уралом, в Тюмени и Чите, хранят документы приказных изб XVII в., подключенные к фондам учреждений более позднего периода Тюменской (Ф. 47, 5541 ед. хр. за 1782 г.) и Нерчинской (Ф. 10, 137 ед. хр. за 1686–1780 гг.) воеводских канцелярий⁷². В двух государственных архивохранилищах Российской Федерации, сосредоточивших основной массив документов приказных изб Сибири XVII в., находится около 14,8 тыс. ед. хр., в том числе 47,6 % (7041 ед. хр.) составляет бывший архив Якутской приказной избы⁷³. В силу многих обстоятельств, подчас случайных, из сибирских архивов XVII в. это самый крупный и относительно полный документный комплекс, дошедший до нас в результате деятельности одного учреждения-фондообразователя. Можно установить и примерные объемы утрат Якутской приказной избы. Известно, что в 1857 г. «особая архивная комиссия» Якутска санкционировала уничтожение 8084 дел за 1674–1750 гг. Из них около четырехсот относились ко времени до 1720 г.⁷⁴ С учетом того, что сохранились только документы с бумажной основой, реальный объем архива можно определить примерно в 10 тыс. ед. хр., относящихся к «древним актам». Это, безусловный минимум, но для нашего анализа он весьма показателен. Ведь Якутский острог не являлся самым крупным, а подчиненная ему территория, будучи обширнее других уездов Сибири, все-таки уступала им по числу жителей, а самое главное, по количеству имевшихся в них острогов, ясачных и промысловых зимовий, крестьянских слобод. Поэтому логично предположить, что в старых и более крупных административных центрах, таких как Березов, Тобольск, Томск, Тюмень, Енисейск и других, документооборот был интенсивнее. Следовательно, их архивы, сохранись они подобно якутскому, были бы изначально больше последнего по объему, несмотря на все превратности процесса «поставления» сибирских городов и острогов с конца XVI до начала XVIII в. (пожары, перенос на новое место и т.д.)⁷⁵. Ориентируясь на архив Якутской приказной избы как

расчетный эталон, можно с большой долей вероятности заключить, что объем хранения документов в 20 уездных архивах Сибири составлял примерно 200–250 тыс. ед. хр. за период до начала Петровских реформ, из которых до нас дошло только 6–7 %.

Таким образом, донетровская эпоха в Закаменной Руси может вполне обоснованно рассматриваться как самостоятельный этап истории российского архивного дела в этом регионе. На обширной территории Сибири сформировалась сеть архивов, основу которых составляли «государевы дела» приказных изб. Даже при значительной географической удаленности от столицы сибирские архивы функционировали не изолированно: с одной стороны, они являлись неотъемлемой частью местного государственного аппарата, с другой – несли в себе все основные черты и традиции делопроизводственной и письменной культуры России того времени. Пользование архивами и надзор за дяками и подьячими были основаны на единых нормах общероссийского законодательства XVII в. Элементы централизованного управления и контроля в сфере архивного дела наглядно видны в деятельности Сибирского приказа, ведавшего состоянием архивов наряду с другими важными вопросами жизни края.

¹ *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1–2; *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920; *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР (Краткий очерк). М., 1940; *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования Государственного архива б. Российской империи // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. XVIII. С. 279–354; *Софиев П.Г.* Из истории русской дореволюционной археографии: Краткий очерк. М., 1957; *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989; *Володихин Д.М.* Архивы русского средневековья. М., 1996.

² Материалы к библиографии по истории архивов и архивного дела в России на Дальнем Востоке (XVII–XX вв.). Сост. *А.И. Костанов* // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 2002. Т. VI. С. 165–181.

³ *Оглоблин Н.Н.* Провинциальные архивы в XVII веке (Очерк из истории архивного дела в России) // Вестник археологии и истории. [СПб.], 1886. Вып. 6. С. 1–133 / отд. оттиск; *Самоковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М., 1902.

⁴ *Томашевский В.В.* Краткий обзор источников и литературы по истории колонизации Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 104; *Костанов А.И.* К вопросу о периодизации истории архивного дела на Дальнем Востоке России в дореволюционную эпоху (XVII – XX вв.) // Дальневосточные архивы: прошлое будущему. Материалы симпозиума историков и архивистов дальневосточного региона. Владивосток, 2003. С. 23–31.

⁵ *Буцинский П.Н.* К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 10.

⁶ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4 ч. Ч. IV. Документы центрального управления. М., 1902. С. 117. Кн. Б.М. Лыков был мужем сестры патриарха Филарета, т.е. свояком Романовых.

⁷ История Сибири: В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С.124–125.

⁸ *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа в XVII веке. (Опыт изучения описей Посольского архива). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 7, 21.

⁹ Опись посольских дел, переданных в 1708 г. из Казенного приказа в Посольский. Публ. В.И. Гальцова // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 354.

¹⁰ *Оглоблин Н.Н.* Указ. соч.; Краткое описание этого фонда и его библиографию см.: Центральный государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1946. Ч. I. С. 194–195, 220–223; Более подробное описание см.: Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 159–170; 1992. Т. 2. С. 369.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. Т. 1. С. 159–170, 377.

¹² *Кононов Ю.Ф.* Из истории бывшего Государственного архива (Российской империи) (1801–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; *Он же.* Из истории организации и комплектования Государственного архива б. Российской империи // Труды МГИАИ. Т. XVIII. С. 298.

¹³ Находившийся в Москве Сенатско-разрядный архив был образован в 1763 г. путем объединения архива Разрядного приказа с Московским архивом Сената; в 1852 г. в результате слияния Разрядно-сенатского, Поместно-вотчинного и Московского архива старых дел был образован Московский архив Министерства юстиции.

¹⁴ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. I. С. 84.

¹⁵ *Оглоблин Н.Н.* Указ. соч. Ч. IV. С. 19.

¹⁶ *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955. С. 10–11.

¹⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Приложения. М., 2000. Т. II. С. 232.

¹⁸ *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1979. Ч. 2. С. 49.

¹⁹ См.: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 144–147.

²⁰ *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. II. С. 35.

²¹ *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. Современное архивное нестроение. М., 1902. С. 5.

²² *Колесников И.Ф.* Столбцы. (К методике работ по систематизации и описа-

нию) // Архивное дело. 1939. № 2. С. 28–59.

²³ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. С. 96–97.

²⁴ Там же. С. 97–98.

²⁵ Там же. С. 99–100.

²⁶ См.: *Гоголева А.А.* Документы приказного делопроизводства по истории Воронежского края XVII – начала XVIII в. // Отечественные архивы. 1999. № 5. С. 18–21.

²⁷ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 115.

²⁸ *Оглоблин Н.Н.* Указ. соч. Ч. IV. С. 28.

²⁹ Там же. М., 1895. Ч. I. С. 45.

³⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. Т. 2. С. 126.

³¹ *Миллер Г.Ф.* Указ соч. С. 269–270.

³² Там же. С. 284.

³³ Цит. по: *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1973. С. 180.

³⁴ РГАДА. Ф. 1142. Дело фонда. Л. 6.

³⁵ *Цветкова Г.Я.* Архивное дело в Западной Сибири и Омской области в дореволюционный период // Архивный вестник. Омск, 1992. № 3. С. 2.

³⁶ Цит. по: *Голицын Н.В., кн. Портфели Г.Ф. Миллера.* Приложение 1. М., 1899. С. 138–139.

³⁷ См.: *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века. М., 1957. С. 7–16.

³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Сибирского приказа столбец № 51. Л. 100–152, 167–203.

³⁹ *Оглоблин Н.Н.* Указ соч. М., 1897. Ч. II. С. 6–7.

⁴⁰ Там же. С. 8.

⁴¹ Там же. С. 8–9.

⁴² Там же. С. 9.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. (Ныне в фонде 9936 ед. хр.)

⁴⁴ Подсчитано по: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1997. Т. 3. Ч. 1. С. 165–198.

⁴⁵ В подсчет включены: таможи Березовская, Верхотурская, Енисейская, илимские, Ирбитская, Иркутская, Кетская, Красноярская, Кузнецкая, Мангазейская, Нарымская, нерчинские, Олек-

минская, Пелымская, Сургутская, Тазовская, Тарская, тобольские, Томская, Туринская, Туруханская, Тюменская, Усть-Киренская, Усть-Кутская, Чердынская, якутские, Ялutorовская; кружечные дворы Березовский, Верхотурский, Енисейский, Нарымский, Нерчинский, Пелымский, Тарский, Тобольский, Томский, Тюменский.

⁴⁶ Города России: Энциклопедия. М., 1998. С. 535.

⁴⁷ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Указ. соч. С. 5.

⁴⁸ Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1. С. 52.

⁴⁹ Крадин Н.П. Крепость Албазин: Оборонное строительство на Северо-Востоке Русского государства в XVII веке // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 1. С. 71.

⁵⁰ Цит. по: Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М., 1977. С. 156.

⁵¹ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 89.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ Слоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 83.

⁵⁴ Цит. по: Полевой Б.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 21–22.

⁵⁵ Там же. Ч. 1. С. 89.

⁵⁶ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 581, 607, 616.

⁵⁷ Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 134.

⁵⁸ На Руси береста постепенно выходила из употребления с конца XVI в. «Впрочем, — отмечала А.Т. Николаева, — на бересте писали иногда в Сибири даже в XVII в.» (см.: Николаева А.Т. Русская палеография (Конспект курса): Учебное пособие. М., 1956. С. 46).

⁵⁹ Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 г. Разд. V–VI. Протоколы заседаний: Сообщение А.В. Терещенко о берестяной грамоте 1712 г., содержащей отчет П.Гуторова

о походе в Корякскую землю. СПб., 1862. Вып. 1. С. 12–14.

⁶⁰ Щукин Н.С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 202–203.

⁶¹ Полевой Б.П. Камчатские берестяные ясачные книги начала XVIII в. // Вопросы географии Камчатки. 1966. № 4. С. 124–127.

⁶² Там же. С. 125.

⁶³ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841–1849 гг. СПб., 1886. Вып. 2. С. 409.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. № 57; Ф. 135. Прил. Рубр. VI. № 9. Л. 1–3.

⁶⁵ Там же. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. № 1396. Л. 1–574.

⁶⁶ Там же. Л. 1–2.

⁶⁷ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 292–293.

⁶⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. 2. С. 523.

⁶⁹ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 3. Ч. 2. С. 1058.

⁷⁰ Белов М.И. Введение // Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов. М.; Л., 1952. С. 12–13.

⁷¹ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 3. Ч. 1. С. 154–156.

⁷² Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. Тюмень, 1962. С. 17; Архивные фонды Государственного архива Читинской области: Краткий справочник. Чита, 1980. С. 10.

⁷³ Фактически документов Якутской приказной избы сохранилось даже несколько больше; отдельные коллекции ее документов представлены также в фондах ГИМ и ОР РНБ. Общей картины репрезентативности сибирских архивов XVII в. это не меняет, и поэтому эти данные в подсчеты не включены.

⁷⁴ Иванов В.Ф. Судьба архивных материалов Якутии XVIII – начала XIX в. // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 116.

⁷⁵ Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 35–57.

Ф.П. Шевченко как историк-архивист

Имя Федора Павловича Шевченко – известного украинского ученого, доктора исторических наук, профессора, член-корреспондента Национальной академии наук Украины, специалиста по украинской медиевистике, истории XX в., вспомогательным историческим дисциплинам неразрывно связано с государственной архивной службой Украины, которая ведет свою историю с 1918 г., когда стали национализироваться частные, монастырские и другие архивохранилища. Этот процесс способствовал, с одной стороны, централизации и спасению разрозненных архивных собраний, над которыми нависла угроза полного уничтожения вследствие хаоса и анархии Гражданской войны, с другой – гибели огромного числа уникальных рукописей и документов из-за халатности или идеологических предрассудков.

В 1920-е гг. централизация и огосударствление архивной системы Украины, как и всего Союза ССР, практически завершились¹. Уже с 1930-х гг. история архивного строительства рельефно отображала все перипетии развития общесоюзной архивной инфраструктуры, которая, в свою очередь, была детерминирована политическими решениями. Массовые репрессии против инакомыслящих, в том числе и в архивных учреждениях, фактически лишили их кадров, профессиональное становление которых состоялось в дореволюционный период. От смешивших их людей требовался не столько профессионализм, сколько лояльность к существующему режиму. Подобная политика привела к тому, что накануне Великой Отечественной войны в архивной системе менее 2 % сотрудников имели опыт работы в архивах свыше 15 лет, 41 % – низшее образование². Большинство архивистов рассматривали свой труд как маловажный и второстепенный. Часто комплектование архивов, составление описей доверялось абсолютно неподготовленным людям, но и таких не хватало, поэтому всерьез поднимался вопрос о привлечении к труду в архивах даже заключенных³. В провинции ситуация была еще хуже.

Перед руководством Центрального архивного управления СССР встал вопрос о подготовке кадров для архивной отрасли. Важным событием в его решении явилась организация в Москве Историко-архивного института (ИАИ) – специального учебного заведения, занимавшегося подготовкой научно-руководящих кадров для архивных учреждений и открывшегося 1 апреля 1931 г. Ситуацию в ИАИ тех лет довольно емко характеризует строка воспоминаний одной из студенток: «Первое время руководство больше спорило о том, чему и как нас учить, чем учило»⁴. Отсутствовали элементарные учебники по истории и архивным дисциплинам. Недостаточным был образовательный уровень первых студентов, не имевших подчас даже среднего образования⁵. Несколько позже в институт пришли «старые кадры», среди них Ю.В. Готье, С.Б. Весселовский, А.Н. Сперанский, В.И. Пичета, М.Н. Тихомиров, многие из которых прошли горнило репрессий и преследований⁶. Преподавателям ИАИ удалось воспитать профессионалов архивного дела и ученых, в том числе и Ф.П. Шевченко.

Юноша из глубокой провинции (родился в с. Дунаевцы современной Хмельницкой области 24 августа 1914 г.⁷) успешно сдал вступительные экзамены и, пройдя конкурсный отбор, в 1933 г. поступил в столичный вуз – Историко-архивный институт⁸. Для понимания мотивации стремления Ф.Шевченко учиться и получить специальность архивиста именно в Москве следует иметь в виду, что в 1930-е гг. архивных специалистов готовили также историко-архивный отдел Харьковского государственного университета, Киевский институт народного образования и курсы при Центральном архивном управлении УССР⁹.

После окончания института Ф.П. Шевченко продолжил учебу в аспирантуре при кафедре вспомогательных исторических дисциплин, созданной по инициативе А.Н. Сперанского¹⁰ – известного ученого, блестящего организатора, выпускника Варшавского университета¹¹. Под его научным руководством Ф.Шевченко приступил к подготовке кандидатской диссертации по теме «Воеводское управление на Украине во второй половине XVII века»¹², требовавшей солидного знания архивных материалов, а также опыта в области палеографии, дипломатики, источниковедения и других исторических дисциплин. А.Н. Сперанский всегда настаивал на том, чтобы кандидатская диссертация была истинным научным исследованием, которое должно прочно войти в инвентарь науки; для него важное значение имели новизна темы и широкое использование архивных документов¹³. Действительно, тема являлась новаторской для украинской исторической науки. До Ф.П. Шевченко вопросы русско-украинских взаимоотношений в таком аспекте лишь фрагментарно освещались в работах по истории Украины, где в той или другой мере затрагивалась тематика Руины – периода от смерти Б.Хмельницкого (1657 г.) по 1670-е гг. В 1930-е гг., после фактической ликвидации исторических школ, физического уничтожения ряда научных работников, историческая наука приобрела одновекторное развитие с соответствующим классовым уклоном. Темы, охватывавшие ранние периоды, а в особенности такой неоднозначный для украинской истории XVII в., находились под негласным запретом, а их разработка представляла реальную опасность для карьеры и даже жизни ученых. Написание подобной работы было возможно в Москве, где еще сохранялась относительная свобода научного творчества.

В ходе обучения в аспирантуре наряду с 12 своими однокурсниками¹⁴ Ф.П. Шевченко, согласно установленному на кафедре порядку, прочитал пробную лекцию по теме диссертационного исследования, которую высоко оценили специалисты, сдал все кандидатские экзамены¹⁵ на «отлично». Кроме этого, ученый вел семинары в институте¹⁶.

Окончание аспирантуры в 1940 г. совпало со временем перехода архивной системы Украины, как и всего Союза ССР, под юрисдикцию Наркома внутренних дел. В апреле 1939 г. Архивное управление УССР было преобразовано в Архивный отдел НКВД, а в июне 1940 г. – в Архивное управление НКВД УССР¹⁷. Архивы с их информационным потенциалом активно использовались органами НКВД как инструмент для проведения массовых репрессий. К августу 1939 г. только центральные госархивы составили списки 34 990 человек – «активных врагов народа». После присоединения к СССР западных областей Белоруссии, Украины, а также Латвии, Литвы и Эстонии 23 ноября 1940 г. была утверждена специальная инструкция, ад-

ресованная руководителям архивов этих регионов, по учету проходящих по архивным документам контрреволюционных элементов¹⁸. Репрессии коснулись и самих архивистов: прошла «чистка» архивных учреждений от «неблагонадежных» сотрудников.

В сентябре 1940 г. Ф.П. Шевченко был назначен директором Черновицкого областного госархива (хотя по предварительному распределению ему надлежало ехать в Молдавию)¹⁹. Тогда на территории Северной Буковины, присоединенной к Советской Украине, не было ни одного государственного архива. Основная масса документов находилась в ведомствах, церковных и частных архивах²⁰. Централизация архивной системы Буковины проходила аналогично всукраинскому процессу 1918–1920-х гг. Органы управления архивным делом Черновицкой области в июле 1940 г. начали свою деятельность по организации, учету, а также сохранению архивных материалов²¹. В постановлении СНК УССР «О состоянии городских и районных архивов УССР» предусматривалось для улучшения архивного дела в республике в течение октября 1940 г. обеспечить архивы помещениями²². Согласно этой директиве, архивам передавались в основном культовые сооружения. Особых масштабов этот процесс достиг не только что присоединенных землях Западной Украины, где закрывались и переоборудовались под архивы десятки храмов. Черновицкий архив также был размещен в здании бывшего костела.

В Черновцы Ф.П. Шевченко прибыл 14 октября 1940 г. и до 1 июля 1941 г. временно работал старшим научным сотрудником архивного отдела Управления НКВД по Черновицкой области²³. В ходе организации архива его сотрудники столкнулись с большими трудностями: маленькие архивохранилища, нехватка стеллажей, отсутствие транспорта, огромные объемы неупорядоченных документов²⁴. Кроме сугубо административной работы Ф.П. Шевченко занимался учетом и научной обработкой архивных документов, поступающих из соседних регионов²⁵. В результате уже в конце 1940 г. облгосархив имел четыре архивохранилища площадью 1400 кв. м, в которых были установлены стеллажи для документов, обеспечена их концентрация. Одновременно проводилась систематизация документов по хронологии и тематике²⁶.

Научно-исследовательская работа архива преимущественно отвечала политической конъюнктуре и первоочередной задачей ставила легитимизацию присоединения Буковины к Советскому Союзу. В русле этой тематики осуществлялась широкомасштабная деятельность по сбору документов, касающихся истории Буковины, ее демографической ситуации в различные периоды, быта, образования и др.²⁷ В ней тоже участвовал Ф.П. Шевченко. Выявленные тогда документы он использовал в научной работе на протяжении всей жизни. Так, в 1949 г. вышел в свет подготовленный им сборник документов «Крестьянское движение на Буковине в 40-х гг. XIX в.»²⁸. Это первая подобного рода публикация архивных документов, где ученый попробовал дать характеристику народных движений в Буковине в контексте общеевропейских революционных событий 1840-х гг. Кроме того, усилиями Шевченко в архиве была создана библиотека с необходимой для его полноценного функционирования научной литературой²⁹.

Великая Отечественная война нарушила планы молодого руководителя по комплектованию и укреплению архива. 5 июля 1941 г. румын-

ские войска захватили Черновцы, установив в городе оккупационную власть. Незадолго до этого НКВД СССР издал приказ об эвакуации документов областных госархивов, их филиалов, городских и районных архивов³⁰. С первых дней войны многие объекты промышленности и культуры прифронтовых территорий пребывали в состоянии готовности к эвакуации. К августу 1941 г. архивы были вывезены из 18 областей УССР³¹.

В первую очередь отбирались документы о деятельности партии, характеризующие обороноспособность государства, необходимые для работы советских органов, которые при оставлении на оккупированной территории могли быть использованы врагом. Напротив, документы феодальной эпохи часто оставлялись на произвол судьбы под предлогом «недостатка транспорта». Вследствие этого много ценных архивных материалов погибло во время войны. Так, например, согласно «Сводке о результатах эвакуации документальных материалов республиканских, краевых и областных госархивов» от 9 апреля 1942 г., из Украинской ССР не эвакуировали около 27 млн ед. хр. и 600 тонн разрозненных документов (россыпи). Часть их была уничтожена³².

Черновицкий же архив, благодаря профессионализму его сотрудников и организационному таланту Ф.П. Шевченко, был вывезен в июле 1941 г. в Краснодарский край без существенных потерь. Федора Павловича назначили начальником Краснодарского краевого архива, но уже в сентябре вместе с архивом и еще восемью сотрудниками он был вынужден выехать в г. Челкар Актюбинской области³³. Здесь архив разместили в непригодном здании бывшего магазина, документы находились в хаотичном состоянии, отсутствовали списки фондов. Никакой работы по обустройству архива не велось³⁴. По воспоминаниям жены Ф.П. Шевченко Розалии Калмановны, жить приходилось в полуподвальном помещении, не было ни теплых вещей, ни условий для работы. Подобная судьба архивов и их сотрудников типична для военного времени. Часто эвакуированные документы сваливались в подвалы, непригодные помещения, архивные фонды и описи могли попасть в разные города³⁵.

В феврале 1942 г. Ф.П. Шевченко с женой прибыли в Узбекистан, что послужило поводом для обвинений Федора Павловича в волюнтаризме, самовольном уходе из архива, халатности. Об этом из Челкара в Москву поступали соответствующие донесения³⁶. Однако директор архива, как офицер НКВД, разумеется, не мог в условиях военного времени самовольно оставить свой пост. Переезд в Узбекистан был инициирован соответствующим распоряжением, согласно которому архив в Актюбинске подлежал «разукomплектации» по другим городам, а его директор получил новое назначение в г. Ташкент³⁷.

В Ташкенте Федор Павлович вначале работал инспектором областного госархива, а в декабре стал начальником научно-издательского отдела Архивного управления Узбекской ССР³⁸. Здесь он подготовил к публикации ряд сборников документов, посвященных истории республики: «Происки германского империализма в Средней Азии во время 1-й мировой войны», «О трудовом героизме народов Узбекистана в дни Отечественной войны», «К истории образования Узбекской ССР»³⁹. На страницах своего дневника историк-архивист описал тяжелые условия эвакуации, в которых

приходилось жить и трудиться. Однако его научные изыскания не прекращались, даже планировалась защита кандидатской диссертации, фактически подготовленной еще в Москве⁴⁰. Вскоре такая возможность появилась. В военное время в Ташкенте часто выступали с лекциями научные работники из Москвы⁴¹, проводились заседания ученого совета эвакуированного сюда Института истории АН СССР. 10 мая 1943 г. на очередном его заседании Ф.П. Шевченко защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русские восходы на Украине в середине XVII века». Официальными оппонентами выступали члены-корреспонденты АН СССР В.И. Пичета и С.К. Богоявленский, высоко оценившие работу молодого ученого⁴². Диплом о присвоении ученой степени кандидата исторических наук Ф.П. Шевченко получил только 10 марта 1946 г.⁴³ После смерти А.Н. Сперанского в 1943 г. научную опеку над Ф.П. Шевченко взял М.Н. Тихомиров – выдающийся ученый-медиевист, автор многочисленных фундаментальных работ по истории России XVI–XVII вв., который дружил с ним, часто помогал и называл своим учеником⁴⁴.

С освобождением части территории Украины от оккупантов, вместе с ликвидацией последствий войны началось восстановление архивных учреждений⁴⁵, потребовавшее, кроме прочего, обеспечения кадрами. В августе 1943 г. УГА НКВД СССР издало соответствующий приказ о возвращении работников архивных учреждений Украины, эвакуированных в другие регионы⁴⁶. Шевченко в ноябре 1943 г. приехал в Киев, где как выпускник Историко-архивного института, защитивший кандидатскую диссертацию, с опытом научно-организационной деятельности, был назначен начальником научно-издательского отдела УГА НКВД УССР, на который возлагались поиск документов, прежде всего военного времени, их систематизация и последующая публикация⁴⁷.

Среди первоочередных задач центрального органа управления архивным делом Украины, в том числе и научно-издательского отдела, была организация работы соответствующих отделов в областях. Для этого требовалось сначала восстановить систему научно-справочного аппарата архивов, без которой невозможна нормальная работа архивных учреждений⁴⁸.

В мае 1944 г. на собрании сотрудников УГА НКВД УССР Ф.П. Шевченко наметил основную стратегию деятельности госархивов Украины, заключающуюся в большей консолидации работы центральных и периферийных органов управления архивным делом. Для повышения эффективности в работе отделов он призывал к ее координированию, в частности высказал мысль, что связь центральных органов управления архивным делом Украины и СССР не должна быть односторонней. Необходимо предоставлять больше самостоятельности УГА республиканского НКВД, чтобы оно не только выполняло директивы, но и давало предложения по оптимизации деятельности архивов. Был также поднят вопрос о профессионализме кадров, поскольку в архивы пришли новые люди, прежде никогда в них не работавшие. В качестве мероприятий по повышению квалификации сотрудников предлагалось проводить комплектование архивов учебной и методической литературой, организовывать специальные курсы. На этом собрании рассматривался и поиск возможных путей воссоздания погибших материалов, а также возвращения документов, вывезенных во время оккупации⁴⁹.

Уже в 1945 г. научно-методический отдел УГА НКВД УССР наметил составление годового обзора научно-издательской работы и завершение перспективного рабочего плана. На отдел возлагались подготовка научной сессии УГА, а также рецензирование представленных докладов и сообщений. Здесь Ф.П. Шевченко выступил с докладом «Немецкие оккупанты – злейшие враги государственности украинского народа»⁵⁰.

Главная задача возглавляемого Ф.П. Шевченко отдела состояла в оказании консультационной помощи региональным архивам в их научно-поисковой работе⁵¹. Директорам архивов высылались методические указания по конкретным темам, схемы работы с документами, рекомендации по изданию документальных сборников и др. В области также были направлены Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда СССР, изданные в 1945 г.⁵² Указания и директивы, как правило, содержали определенные идеологические установки по отбору материалов. В частности, следовало отдавать предпочтение документам, в которых наиболее выразительно освещались грабительская политика оккупационных властей, полный упадок экономической и культурной жизни оккупированных территорий и т.п. Несмотря на это, публикации послевоенного времени и сейчас не утратили своей научной ценности.

Усилиями научно-издательского отдела был реализован ряд проектов по упорядочению документов периода Великой Отечественной войны. Результатом совместных усилий отдела и новообразованной Комиссии по истории Великой Отечественной войны на Украине при АН УССР стала хронология событий войны на территории республики⁵³. В 1945 г. Ф.П. Шевченко и научный сотрудник И.Бутич составили обзор документов, использованных госархивами УССР в научных и агитационно-пропагандистских целях. На следующий год предполагали завершить подготовку хронологического справочника об оккупации Украины немецко-фашистскими захватчиками и освобождении ее Красной армией⁵⁴. Для решения проблемы возвращения утраченных во время войны документов Ф.П. Шевченко подготовил подробную информацию о вывезенных из Украины румынскими войсками в 1941–1944 гг. архивных фондах Черновицкой, Измаильской и Одесской областей с перечнем документов⁵⁵. После войны работа по поиску и оперативной публикации документов по ее истории активизировалась. В официальных документах тех лет отмечалось, что все областные архивы главной целью должны поставить сбор документов⁵⁶.

Украинские архивисты оперативно подготовили небольшой по объему сборник «Зверства и преступления немецко-фашистских захватчиков на Харьковщине», который открыл серию публикаций по истории войны⁵⁷. Научный сотрудник В.И. Стрельский разработал план сборника архивных документов «Украина в Великой Отечественной войне». Особое внимание уделялось хронологическому справочнику об оккупации городов, райцентров и железнодорожных станций УССР немецкими захватчиками и освобождении их Красной армией, о работе над которым начальник научно-издательского отдела отчитывался 1 декабря 1944 г. на научной сессии УГА НКВД УССР⁵⁸ и рассказывал в статье, опубликованной в издании «Вести АН УССР»⁵⁹. Подготовка аналогичных справочников планировалась и областными архивами⁶⁰. Их сотрудники за короткий период собрали около 2 млн писем граждан, принудительно вывезенных на работу в Германию,

часть которых вошла в сборник «Письма из фашистской каторги» с предисловием Ф.П. Шевченко⁶¹.

Кроме публикации источников по военной тематике научно-издательский отдел под руководством Шевченко готовил публикации документов и по другим периодам отечественной истории, а также научные работы историков-современников. Это были материалы по украинской дореволюционной истории, в частности периодов средневековья и «раннемодерного» времени, исследование которого не одобрялось тогдашним партийным руководством республики. В июне 1944 г. был подготовлен и вышел в свет в 1946 г. сборник документов «Украина накануне национально-освободительной войны 1648 г.»⁶², получивший положительную рецензию академика В.И. Пичеты на страницах журнала «Вопросы истории»⁶³. Планировали издать «Архив Коша Новой Запорожской Сечи (1734–1775)» в 10 томах⁶⁴ – бесценный источник по истории Украины XVIII в. Впервые вопрос об этом поднимался украинскими историками еще в 20-х гг. XX в., и в 1931 г. появилось первое описание архивных дел. Через несколько лет большинство историков, причастных к проекту, были репрессированы. К сожалению, и в 1940-х гг. Архив Коша (около 300 дел) не был издан из-за идеологических преград. Работа по его публикации началась только в 1990-е гг.⁶⁵

По одной из ведущих для издательской деятельности украинских архивистов тем – революционное движение XIX – начала XX в. – Ф.П. Шевченко подготовил и издал сборник документов «Крестьянское движение на Буковине в 40-х гг. XIX в.»⁶⁶. Над этой темой ученый работал еще в довоенный период, когда возглавлял Черновицкий архив. Он продолжил ее изучение, включив в сборник источники на румынском и немецком языках, а также направил письма в г. Актюбинск с просьбой выслать ему документы на немецком языке о восстании Лукьяна Кобылицы в Буковине⁶⁷. Тогда же историк подготовил сборники документов: «Кирилло-Мефодиевское братство 1845–1847 гг.», «Украина в Отечественной войне 1812 года», «Тарас Шевченко в документах и материалах»⁶⁸, «Революция 1905–1907 гг. на Украине», «Лукьян Кобылица (о крестьянском восстании на Буковине в 1848–1849 гг.)». На эту же тему ученый написал монографию⁶⁹.

В 1945 г. начальник АУ НКВД СССР П.П. Гудзенко, его заместитель П.И. Павлюк и начальник научно-издательского отдела Ф.П. Шевченко организовали работу над первым номером «Научно-информационного бюллетеня»⁷⁰, который начал издаваться с 1947 г., а с середины 1965 г. называется «Архіви України» – первый в республике профессиональный журнал с архивоведческими исследованиями и публикациями документов.

Под руководством Ф.П. Шевченко научно-издательский отдел АУ СССР подготовил пятилетний план научно-исследовательской работы государственных архивов Украинской ССР (1946–1950)⁷¹. При его разработке особое внимание обращалось на выбор проблемы исследования, обоснование темы, личность руководителя и исполнителей, определение хронологических рамок и другие факторы, способствующие эффективности научной работы, ориентированной на достижение конкретного результата⁷². К сожалению, этот план остался неосуществленным, поскольку архивы большинства областей к середине 1950-х гг. вообще не занимались научно-издательской работой⁷³.

Ф.П. Шевченко умело сочетал руководство научно-издательским отделом с чтением лекций по архивоведению в Центральном историческом архиве УССР. В своих воспоминаниях известный украинский историк, специалист по истории украинского казачества, культуры, военной истории XVIII в. Е.М. Апанович отмечала, что лекции Ф.П. Шевченко «много значили для нас, абсолютно не знакомых тогда с архивами. Архивные документы предстали перед нами как драгоценнейшие исторические источники, способные воссоздать минувшее»⁷⁴. Преподавал он и в Киевском университете им. Т.Г. Шевченко. Благодаря его усилиям здесь создана кафедра архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, которую по предложению ректора университета проф. В.Г. Бондарчука возглавил Федор Павлович⁷⁵. На первом заседании кафедры 21 ноября 1944 г. под председательством Ф.П. Шевченко была определена ее программа, обсуждался учебный план⁷⁶. При его разработке заведующий кафедрой консультировался в своей Alma mater – Московском историко-архивном институте⁷⁷. На основной курс «Архивоведение» (история, теория и методика архивного дела) отводилось 120 час., на археографию – 80, на палеографию – 40, на зарубежные архивы – 30 час.⁷⁸ Он инициировал создание аспирантуры по архивоведению и руководил научной подготовкой аспирантов.

В связи с решением ЦК КП(б)У рекомендовать Ф.П. Шевченко на должность заместителя председателя Комиссии по истории Отечественной войны на Украине при АН УССР летом 1945 г. он оставил обязанности заведующего кафедрой, которую возглавил В.И. Стрельский⁷⁹. Таким образом, в 1945 г. формально завершилась карьера ученого в архивной системе. С этого времени его работа преимущественно была связана с АН УССР: директор Института археологии (был уволен в 1972 г. за «нарушение партийных принципов», «идейно-теоретические ошибки, отсутствие классового подхода к науке»⁸⁰); главный редактор «Украинского исторического журнала»; заведующий отделом, научный сотрудник Института истории, где трудился до последнего дня своей жизни – 1 ноября 1995 г.

За полувековой период деятельности Ф.П. Шевченко в сфере Академии наук из под его пера вышли десятки работ⁸¹, на высокий уровень которых во многом повлиял опыт, приобретенный их автором на архивном поприще. Он никогда не прекращал кропотливой работы в архивах, несмотря на преклонный возраст, научные знания и степени, и, по признанию коллег, оставался «лучшим знатоком архивов в Украине»⁸².

¹ Нариси історії архівної справи в Україні. Київ, 2002. С. 367–369; Постанова РНК УСРР про єдиний державний архівний фонд УСРР. Харків, 1925 // Хрестоматія з архівознавства. Київ, 2003. С. 140–142; Устава про єдиний державний фонд УСРР // Там же. С. 142–149.

² Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920–

1930-е гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 40.

³ Хорхордина Т.И. Корни и крона. Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997. С. 52.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Московский ордена «Знак Почета» Государственный историко-архивный институт (1930–1980): Сборник документов и материалов. Пермь, 1984. С. 77.

⁶ Медушевская О., Муравьев В. Источ-

никоведение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 38.

⁷ «Истину встановлює суд історії». Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка: В 2 т. Київ, 2004. Т. 1. С. 246.

⁸ Там же. С. 247; *Шмидт С.О.* Доктор на корню (матеріали о Ф.П. Шевченко в «Описании рукописного наследия академика М. Н. Тихомирова») // Там же. С. 544.

⁹ Нариси історії архівної справи в Україні. С. 400.

¹⁰ *Каменцева Е.И.* Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: проблемы классификации, исследования, историографии, преподавания // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2000. С. 56.

¹¹ *Простоволосова Л., Станиславский А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института. М., 1990. С. 11.

¹² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 354. Л. 73. Сохранился лишь черновой вариант кандидатской диссертации Ф.П. Шевченко. (См.: Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского НАН Украины. Ф. 349. Д. 106).

¹³ *Хорхордина Т.И.* Указ соч. С. 56.

¹⁴ Московский ордена «Знак Почета» Государственный историко-архивный институт (1930–1980)... С. 96.

¹⁵ В то время это были: история СССР, историческая археография, французский язык, исторический и диалектический материализм. (Там же. С. 97.)

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 353. Л. 95.

¹⁷ Нариси історії архівної справи в Україні. С. 444.

¹⁸ *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства. 1918 – начало 1940-х гг. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 21.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 357. Л. 89.

²⁰ *Мітюков О.Г.* Радянське архівне будівництво на Україні. 1917–1973. Київ, 1975. С. 130.

²¹ *Капелович Р.Г.* Державний архів Чернівецької області // З історії архівного будівництва на Україні: 36. статей, присвяч. 40-річчю радянського архівного будівництва на Україні. Харків, 1958. С. 105.

²² Збірка постанов і розпоряджень уряду УРСР. 1940. № 25. С. 183.

²³ «Истину встановлює суд історії»... С. 248.

²⁴ *Капелович Р.Г.* Указ. соч. С. 105.

²⁵ «Истину встановлює суд історії»... С. 245.

²⁶ *Капелович Р.Г.* Указ. соч. С. 105.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Селянський рух на Буковині в 40-х рр. XIX ст.: 36. док. Київ, 1949.

²⁹ *Капелович Р.Г.* Указ. соч. С. 105.

³⁰ *Мітюков О.Г.* Указ. соч. С. 135.

³¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2314. Л. 14; Д. 2335. Л. 15.

³² *Копылова О.Н.* К проблеме сохранности Государственного архивного фонда СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 38.

³³ «Истину встановлює суд історії»... С. 252.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 852. Л. 12, 17–17 об.

³⁵ *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 17.

³⁶ ГАРФ. Р-5325. Оп. 10. Д. 852. Л. 12 об.

³⁷ Там же. Л. 9.

³⁸ «Истину встановлює суд історії»... С. 780.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1253. Л. 6, 33.

⁴⁰ «Истину встановлює суд історії»... С. 563–582.

⁴¹ Там же. С. 570.

⁴² Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 65. Л. 26–31.

⁴³ Научный архив Президиума НАН Украины. Ф. 251-р. Оп. 631. Д. 61. Л. 18.

⁴⁴ История кафедры вспомогательных исторических дисциплин (Учебное

пособие). М., 1990. С. 12; Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 670. Л. 1–15.

⁴⁵ Пількевич С.Д. 40 років радянського архівного будівництва на Україні // З історії архівного будівництва на Україні... С. 18.

⁴⁶ Мітюков О.Г. Указ. соч. С. 149.

⁴⁷ «Істину встановлює суд історії»... С. 256.

⁴⁸ ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2579. Л. 4–5.

⁴⁹ «Істину встановлює суд історії»... С. 264.

⁵⁰ Там же. С. 291.

⁵¹ Там же. С. 292.

⁵² ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2566. Л. 1–2, 18; Оп. 2. Д. 68. Л. 2.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 2404. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵⁵ «Істину встановлює суд історії»... С. 256.

⁵⁶ ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2566. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Д. 2777. Л. 2.

⁵⁸ «Істину встановлює суд історії»... С. 260, 270–273, 279.

⁵⁹ Про складання хронологічного довідника «Тимчасова окупація німецькими населених пунктів України та визволення їх Червоною Армією» // Вісті АН УРСР. 1946. С. 18–23.

⁶⁰ «Істину встановлює суд історії»... С. 281, 283.

⁶¹ Листи з фашистської каторги: Збірник листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини. Київ, 1947.

⁶² ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 2. Д. 67. Л. 14.

⁶³ Вопросы истории. 1947. № 3. С. 8.

⁶⁴ «Істину встановлює суд історії»... С. 268–269.

⁶⁵ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775. Київ, 1998–2004. Т. 1–3.

⁶⁶ Селянський рух на Буковині в 40-х рр. ХІХ ст.: 36. док.

⁶⁷ «Істину встановлює суд історії»... С. 262.

⁶⁸ Т.Г. Шевченко в документах и матеріалах. Київ, 1950.

⁶⁹ Шевченко Ф. Лук'ян Кобилиця. Із історії антифеодальної боротьби селянства Буковини в першій половині ХІХ ст. Київ, 1958.

⁷⁰ ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. Л. 15.

⁷¹ «Істину встановлює суд історії»... С. 325–341.

⁷² Там же. С. 282.

⁷³ Прилепишева Ю.А. Археографічна діяльність архівних установ України (1946–1991). Дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2003. С. 36.

⁷⁴ Апанович О. Федір Павлович Шевченко: історик, архівіст, джерелознавець, археограф, організатор науки, Людина // «Істину встановлює суд історії»... С. 17.

⁷⁵ Калакура Я. Федір Шевченко – фундатор архівознавства в університеті імені Тараса Шевченка // «Істину встановлює суд історії»... С. 184.

⁷⁶ Государственный архив г. Киева. Ф. Р-1246. Оп. 13. Д. 16. Л. 19.

⁷⁷ Калакура Я. Указ. соч. С. 185.

⁷⁸ Государственный архив г. Киева. Ф. Р-1246. Оп. 13. Д. 16. Л. 19.

⁷⁹ ЦГАВО України. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. Л. 24–26.

⁸⁰ «Істину встановлює суд історії»... С. 453.

⁸¹ Федір Павлович Шевченко: Бібліографія. Київ, 1989; Показчик праць Ф.П. Шевченка // «Істину встановлює суд історії»... С. 732–758.

⁸² Апанович О. Указ. соч. С. 17.

Региональное архивное законодательство России: тенденции развития*

Формирование регионального законодательства, действующего наряду с федеральным, обеспечило принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации. Она, хотя и не выделила архивное дело в отдельный предмет ведения, но по содержанию п. «д» ч. 1 ст. 72 (охрана памятников истории и культуры) и п. «е» (общие вопросы науки, культуры) позволила отнести его к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Позднее Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации»¹ к полномочиям органов государственной власти субъекта федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств его бюджета (за исключением субвенций из федерального бюджета), отнес решение вопроса формирования и содержания архивных фондов субъекта Российской Федерации (п. 3 ст. 263).

Согласно ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации, формами правового регулирования по предметам совместного ведения могут быть федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законодательные и иные нормативные правовые акты субъектов федерации. Из этого следует, что Конституция Российской Федерации не устанавливает ни вида, ни формы нормативных правовых актов этой компетенции, но содержит важную формулировку («принимаемые в соответствии с ними»), поскольку только при этом условии законы и иные акты субъектов федерации будут иметь юридическую силу и могут применяться судами и другими органами, организациями и гражданами (ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации)².

По мнению некоторых ученых, сегодня нет твердой правовой базы и единого концептуального подхода к вопросам о том, каким следует быть законодательству субъектов Российской Федерации, как оно должно «стыковаться» с федеральным, каков механизм обеспечения соответствия регионального законодательства федеральному³. Это справедливо и для архивного законодательства. Проблема соотношения федерального и регионального законодательств актуальна не только с точки зрения государственного управления архивным делом и сохранения государственных стандартов в данной области, но и в связи с необходимостью защиты конституционных прав и обязанностей человека и гражданина⁴.

Меры, принимаемые федеральными органами государственной власти по согласованию законодательства субъектов федерации с федеральным, сводятся главным образом к экспертизе актов регионального уровня и информированию принявших их органов о выявленном несоответствии. Опыт

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, пресект № 06-03-84304 а/У («Правовые основы организации архивного дела России»).

субъектов федерации по подготовке законодательных актов в области архивного дела подтверждает эту практику. В 1990–2000-е гг. были приняты законы и иные нормативные правовые акты субъектов федерации об архивных фондах и архивах, которые развивали и детализировали положения Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах (1993 г.).

В связи с принятием Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» субъектам федерации предстоит привести свои законодательные акты в области архивного дела в строгое соответствие с его нормами. По сведениям Росархива, около 20 регионов уже внесли изменения в действующие законы об архивном фонде субъекта федерации или приняли новые законы об архивных фондах (архивном деле) региона⁵. В их числе (по хронологии принятия актов) республики Дагестан, Мордовия, Хакасия, Удмуртская, Ставропольский край, Амурская, Волгоградская, Иркутская, Кировская, Московская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Свердловская, Тюменская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Башкортостан и др. Без сомнения, деятельность регионов России в этом направлении продолжится.

Специалисты неоднократно комментировали положения Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»⁶, однако о качестве и развитии регионального архивного законодательства говорили вскользь, по-видимому, считая это преждевременным. Но теперь уже общепризнано, что концепция регионального закона, регулирующего сферу архивного дела, выражается в его содержании путем точного указания целей принятия этого акта и (или) решаемых с его помощью задач; конкретного определения предметов регулирования; установления правовых принципов как руководящих начал заключенной в законе юридической регламентации. Формулирование целей в свою очередь даст ответ на вопрос о том, для чего принят данный закон, а установление конкретного перечня регулируемых отношений и руководящих начал юридической регламентации раскрывает средства достижения целей, пути решения задач закона⁷. Это означает, что региональное законодательство в области архивного дела должно иметь прямое действие, учитывать специфику политического устройства, экономического и социального положения, исторические традиции развития региона, обеспечивать единство федерального и регионального законодательства, поэтому анализ структуры и содержания ряда региональных законов об архивном деле будет полезным для разработки новых региональных законов в этой области. Соответствует ли оно сегодня этим требованиям? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу действующих законов⁸.

В зависимости от наименования их можно поделить на три группы: законодательные акты об архивных фондах и архивах субъектов Российской Федерации; об архивном деле в субъекте федерации; иные (например в Хабаровском крае).

В отличие от Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», состоящего из 9 глав и 32 статей, региональные архивные законы, как правило, не структурированы (за исключением закона Самарской области, поделенного на 9 глав), а количество статей в них колеблется от 8 (Ставропольский край) до 26 (Самарская область).

В Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 3) дается 19 терминов и определений, применяемых в сфере архивного дела, но практика показывает, что его необходимо дополнить терминами «Архивный фонд субъекта Российской Федерации» и «Архивный фонд муниципального образования». Например, прокуратура Хабаровского края воспрепятствовала включению в краевой закон «О реализации полномочий Хабаровского края в области архивного дела» понятия «Архивный фонд Хабаровского края», мотивируя это тем, что в федеральном законе не предусмотрено наличия архивных фондов субъектов федерации⁹.

Большинство региональных архивных законов не имеют понятийного аппарата, а только отсылочные нормы на Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации», при этом в большинстве случаев региональный законодатель все же включил определение термина «Архивный фонд субъекта Российской Федерации» (республики Башкортостан, Марий Эл, Удмуртская, Ставропольский край, Самарская область). Очевидно, в региональном архивном законодательстве должны присутствовать термины и определения, реально используемые в повседневной архивной практике, но не включенные в Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации». Например, в законе Самарской области имеются такие термины – «экспертно-проверочная комиссия» и «межведомственная экспертная комиссия по рассекречиванию документов Архивного фонда Самарской области».

Отрицательно можно оценить отсутствие в региональных архивных законах дефиниций включенных в них терминов (например во Владимирской области), а также повторение терминов федерального закона. К сожалению, некоторые введенные в региональное законодательство термины небезупречны. Так, в законе Самарской области понятие «документы постоянного срока хранения» отнесено только к документам государственных архивов. Данное положение вступило в противоречие с федеральным законом (ст. 18), где констатируется, что документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в государственной собственности, хранятся постоянно в государственных архивах, музеях, библиотеках и организациях Российской академии наук; а документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в муниципальной собственности, хранятся постоянно в муниципальных архивах, музеях и библиотеках. Терминологическая работа, без сомнения, должна быть проведена не только на федеральном, но и на региональном уровне, так как от этого зависит состав Архивного фонда Российской Федерации.

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 5, 6) определил состав и порядок включения архивных документов в Архивный фонд Российской Федерации, повторенные большинством субъектов федерации в своих законах. В качестве положительных примеров следует назвать закон Республики Марий Эл «Об архивном деле в Республике Марий Эл» (ст. 4), который установил и порядок отнесения документов своего Архивного фонда к уникальным (согласно регламенту Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Республики Марий Эл, утверждаемому правительством республики), и закон Удмуртской Республики «Об архивном деле в Удмуртской Республике» (ст. 6), определивший, что решение вопросов о включении в состав Архивного фон-

да республики принимается Межведомственной экспертно-проверочной методической комиссией уполномоченного органа в области архивного дела, положение о которой утверждается уполномоченным органом в области архивного дела.

В то же время необходимо отметить и отрицательные моменты в региональном архивном законодательстве. Например, в законе Ставропольского края отсутствуют нормы о составе Архивного фонда Ставропольского края и порядке включения в него архивных документов. Республики Башкортостан и Марий Эл не включили в состав архивных фондов архивные документы представительств своих республик и других государственных организаций, находящихся в иностранных государствах. В ст. 3 «Состав Архивного фонда Республики Марий Эл» закона Республики Марий Эл помимо норм права о составе Архивного фонда республики включены нормы права о передаче права собственности на архивные документы и вопросы разграничения собственности между муниципальными образованиями. Данные вопросы, на наш взгляд, должны быть выделены в отдельную статью в силу того, что вопросы особенностей правового положения архивных документов несколько отличаются от вопросов включения в состав Архивного фонда республики.

С точки зрения полномочий Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, в 1994–2004 гг. достаточно остро в правоприменительной практике стоял вопрос о реализации норм законодательных актов субъектов федерации об архивных фондах и архивах по предметам совместного ведения. Поэтому положительно надо оценить то, что Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» не содержит понятия «совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области архивного дела», а четко определяет полномочия Российской Федерации, ее субъекта и муниципального образования (ст. 4).

Субъекты Российской Федерации по-разному подошли к определению своих полномочий в области архивного дела, частично повторив нормы федерального закона, не включив никаких новаций (Республика Башкортостан), правовых норм о полномочиях (Республика Марий Эл, Владимирская область) или достаточно подробно осветив полномочия в области архивного дела своих органов государственной власти (Удмуртская Республика, Ставропольский край, Самарская область). Так, например, в законе Ставропольского края об архивном деле перечислены полномочия краевой государственной думы, губернатора, правительства, уполномоченного органа исполнительной власти края в сфере архивного дела. Достаточно подробный перечень полномочий органов государственной власти содержит закон Удмуртской Республики, причем его ст. 11 даже напоминает положение об уполномоченном органе в области архивного дела. Нельзя признать удачным и то, что вопросы полномочий органов государственной власти Удмуртской Республики в области архивного дела разбросаны по тексту закона (ст. 4, 11).

Анализируя законодательство, следует отметить, что в настоящее время в большинстве регионов не до конца решены практические вопросы определения полномочий Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления в области хранения, комплектования, учета и использования архивных документов и архивных фондов территориальных органов федеральных органов государственной власти, иных государственных

органов Российской Федерации, а также федеральных государственных унитарных предприятий и федеральных государственных учреждений. И все же порядок комплектования документами Архивного фонда Российской Федерации, образовавшимися в деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и федеральных организаций, расположенных на территории субъектов федерации, в том числе в муниципальных образованиях, должен быть четко определен федеральным центром (в первую очередь Правительством Российской Федерации, Минкультуры России, Росархивом, а также федеральными структурами исполнительной власти, имеющими территориальные органы).

В сфере организации управления архивным делом федеральный закон установил следующий порядок: государственное управление архивным делом на федеральном уровне осуществляют федеральные органы государственной власти, в том числе специально уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти, в субъектах федерации – органы государственной власти субъектов федерации, включая уполномоченные органы исполнительной власти субъектов федерации в области архивного дела, в муниципальных образованиях – органы местного самоуправления (ст. 14).

Проводимая в России административная реформа органов государственной власти, создание Минкультуры России, Росархива, Росохранкультуры свидетельствуют об усилении централизации власти и изменениях в системе управления архивным делом. В соответствии со ст. 5 Конституции Российской Федерации¹⁰, в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов федеральные и региональные органы исполнительной власти образуют единую систему государственной власти. Это нужно, прежде всего, для обеспечения защиты интересов многонационального государства, а также единого правового регулирования экономики, социального и культурного развития, гарантии прав и свобод человека и гражданина. Но масштабы нашей страны и разнообразие условий в ней столь велики, что управление ею только из единого центра невозможно. Поэтому важным фактором, оказывающим решающее воздействие на разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами, является необходимость учитывать органами государственной власти условия, в которых проживает население конкретного субъекта. В силу этого именно субъектам федерации принадлежит право устанавливать, причем самостоятельно, систему органов государственной власти. Последние должны лишь отвечать основам конституционного строя Российской Федерации и общим принципам организации представительных и исполнительных органов государственной власти, устанавливаемым федеральным законом (ст. 77 Конституции Российской Федерации). На этом основании субъекты Российской Федерации самостоятельно решают вопрос о том, какие органы государственной власти субъекта федерации будут управлять архивами в их регионе. Создание в регионах России аналогичной федеральному центру модели управления архивным делом нельзя признать эффективным¹¹.

Региональным архивным законодательством закреплено, что государственное управление архивным делом в регионе, как правило, осуществляет правительство субъекта федерации и уполномоченный орган его исполни-

тельной власти в области архивного дела (республики Башкортостан, Марий Эл, Удмуртская). Верно, если субъект Российской Федерации в своем архивном законе дает четкую систему архивных учреждений региона. Так, в законе Удмуртской Республики «Об архивном деле в Удмуртской Республике» (ст. 12) определена система ее государственных архивов. В законе Республики Марий Эл установлен порядок создания государственных архивных учреждений республики, а также утверждения учредительных документов государственных архивов и уполномоченного органа исполнительной власти в сфере архивного дела (ст. 5).

В законе Самарской области «Об архивном деле в Самарской области» определено, что государственное управление помимо Правительства Самарской области и уполномоченного органа исполнительной власти в сфере архивного дела осуществляет также Самарская губернская дума (ст. 9), что представляется нам не совсем верным, поскольку функции законодательного органа субъекта федерации не должны быть связаны с функциями управления. Так, например, практически во всех проанализированных архивных законах субъектов федерации передача находящихся в их собственности архивных документов в собственность Российской Федерации, других субъектов и (или) муниципальных образований осуществляется органами исполнительной власти субъектов федерации (правительствами, губернаторами). Исключение составляет Самарская область, где данный вопрос решается губернской думой при условии положительного заключения областного правительства или по его представлению, а также заключения уполномоченного органа исполнительной власти в сфере архивного дела¹². Другими словами, вопросы собственности на архивные документы в этом регионе находятся в руках законодательного органа субъекта федерации¹³.

Состав архивных документов, отнесенных к федеральной собственности, собственности субъектов, муниципальной и частной, определен Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» (ст. 7–9). Причем здесь же предусмотрена норма защиты права собственности на архивные документы (ст. 12), отсутствующая в региональном архивном законодательстве¹⁴.

Применительно к другим вопросам собственности прежде всего следует отметить наличие в федеральном законе отсылок: в п. 2 ст. 8 – к законодательству субъекта федерации при разграничении собственности между муниципальными образованиями, муниципальным образованием и субъектом на архивные документы, созданные до образования, объединения, разделения или изменения статуса муниципальных образований и хранящиеся в муниципальных архивах; в п. 2 ст. 10 – не только к законодательству субъекта федерации, но и к муниципальным правовым актам.

Разграничение собственности между муниципальными образованиями, муниципальным образованием и субъектом федерации осуществляется высшими исполнительными органами субъектов федерации, как правило, по представлению уполномоченного органа его исполнительной власти в области архивного дела, а в ряде регионов (Удмуртская Республика, Ставропольский край, Владимирская и Самарская области) – по согласованию с органами местного самоуправления. Так, в законе Самарской области определено, что уполномоченный орган исполнительной власти в сфере архивного дела обеспечивает организацию и ведение архивного дела в муни-

ципальном образовании на единой с государственными архивами области методической основе (п. 3 ст. 9). Введение подобного положения в региональное архивное законодательство позволит сохранить нормативную методическую базу в муниципальных архивах.

Позитивным можно считать опыт Удмуртской Республики, где законом «при решении вопроса о разграничении собственности учитывается наличие у муниципальных архивов в Удмуртской Республике финансовых, материально-технических и иных условий, необходимых для надлежащего хранения, учета и использования данных архивных документов, а также мнение соответствующего исполнительного органа местного самоуправления»¹⁵. Думается, что отсутствие в региональном архивном законодательстве (например в Ставропольском крае) норм права о финансовом и материально-техническом обеспечении архивного дела вряд ли поможет архивистам улучшить положение архивных учреждений своего региона. Поэтому следует высоко оценить присутствие в законе Самарской области положения о том, что финансовое и материально-техническое обеспечение ее исполнительной власти в сфере архивного дела и архивных учреждений осуществляется за счет средств областного бюджета с учетом перспектив совершенствования архивного дела, оснащения архивов современным оборудованием, внедрения новейших информационных технологий (ст. 11). Аналогичная норма прописана и в законе Удмуртской Республики (ст. 13).

В ряде регионов (Владимирская, Самарская области) законодательством предусмотрено получение внебюджетных средств от оказания платных услуг. Определенным достижением следует признать и такие включенные в закон Самарской области правовые нормы, как запрещение изъятия имущества, а также предоставления взамен имущества, не отвечающего нормативным требованиям и влекущего ухудшение условий хранения архивных документов (п. 3 ст. 11); возложение ответственности за материальное и финансовое обеспечение работы архивных, делопроизводственных служб в соответствии с федеральным законодательством на руководителей органов государственной власти, учреждений и предприятий любой формы собственности, находящихся на территории Самарской области (п. 4 ст. 11).

Нельзя обойти вниманием правовые нормы хранения и учета архивных документов, комплектования архивов и доступа к архивным документам и их использования. Несмотря на то что региональные законы содержат отсылочные нормы к Федеральному закону «Об архивном деле в Российской Федерации», в них все же отражен ряд положительных моментов. Так, определены места хранения документов, находящихся в государственной, муниципальной и частной собственности (республики Башкортостан, Марий Эл); порядок работы с уникальными и особо ценными документами (Удмуртская Республика, Самарская область); введена императивная норма, обязывающая собственников сохранять архивные документы (независимо от вида носителя), в том числе по личному составу, в должном физическом состоянии, исключать их утрату, в течение сроков, предусмотренных федеральными законами и иными правовыми актами (Самарская область).

К сожалению, здесь отсутствуют нормы хранения, комплектования, учета, доступа и использования архивных документов (Ставропольский край), а также то, что в соответствии с п. 3 ст. 18 федерального закона документы Архивного фонда Российской Федерации, находящиеся в му-

ниципальной собственности, хранятся постоянно в муниципальных архивах, музеях и библиотеках. Несовершенны формулировки правовых норм права нескольких региональных архивных законов. Так, неоднозначно можно толковать последний абзац ст. 8 закона Республики Марий Эл, в котором говорится, что право заключать договоры о хранении архивных документов, отнесенных в соответствии с федеральным законом к федеральной, муниципальной и частной собственности, принадлежит государственным архивам Республики Марий Эл на основании договоров, заключаемых между госархивами Республики Марий Эл и собственниками архивных документов. (В связи с этим возникает ряд вопросов: муниципальные архивы лишены права заключать договоры с собственниками документов; музеи и библиотеки не могут заключать договоры с собственниками документов, отнесенных к частной собственности?) Представляется, что региональный архивный закон, как и любой другой, должен быть ясным и точным.

В заключение необходимо остановиться на отражении в региональном архивном законодательстве вопросов контроля за его соблюдением и ответственности за нарушение. Большинство субъектов не включили в свои законы эти положения (Ставропольский край, Владимирская, Самарская области), другие возложили контроль на органы государственной власти в сфере архивного дела в пределах своей компетенции, определенной законодательством Российской Федерации и субъекта федерации (республики Башкортостан, Марий Эл). В законе Удмуртской Республики нет отдельной статьи о контроле за соблюдением архивного законодательства, но в ст. 4 (о полномочиях республики в области архивного дела), а также в ст. 11 (о полномочиях уполномоченного органа в области архивного дела) есть пункты о контроле за соблюдением законодательства об архивном деле в Удмуртской Республике.

Что касается юридической ответственности за нарушение архивного законодательства, то большинство регионов (за исключением Самарской области) не включили в свои законы соответствующие юридические нормы. Причем необходимо одобрить п. 6 ст. 21 закона Самарской области, где констатируется, что пользователи документов Архивного фонда Самарской области несут ответственность за их использование и сохранность в установленном порядке. Они могут обжаловать решения компетентных органов и учреждений по вопросам использования указанных документов. В ст. 23 установлено, что юридические, а также должностные лица и граждане, виновные в нарушении законодательства об архивном деле в Самарской области, несут гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. На наш взгляд, в данной статье закона Самарской области необходимо было также указать, какая ответственность наступит при нарушении законодательства об архивном деле в Российской Федерации, т.е. федерального законодательства, а не только регионального.

Анализ региональных архивных законов не преследовал оценочных целей, а был направлен на то, чтобы при совершенствовании законодательства правовые нормы, отражающие реализацию конституционного права граждан на информацию, особенности организации архивного дела региона, дополняли нормы Федерального закона «Об архивном деле в Российской

Федерации». Это позволит архивам России сформировать информационно емкий документальный массив страны, отражающий исторический опыт, политические, экономические и правовые основы развития российского общества и государства, достижения отечественной науки и культуры.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1996. С. 330.

³ См., напр.: *Муратшин Ф.Р.* Проблемы формирования системы законодательства субъекта Российской Федерации. Уфа, 1999.

⁴ *Беликова С.В.* Административно-правовое регулирование архивного дела в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юр. наук. М., 2000. С. 36.

⁵ *Артизов А.Н.* О проекте Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, организациях РАН // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 22.

⁶ См., напр.: *Бурова Е.М.* Комментарий к новому закону об архивном деле // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2004. № 12; *Кошелева Е.А.* Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»: Комментарий // Нормативные акты для кадровика. 2005. № 5; *Мосеев Р.Н.* Еще раз о хранении документов // Секретарское дело. 2005. № 7 (59); *Козлов В.П.* О проблемах взаимодействия органов управления архивным делом и архивных учреждений субъектов Российской Федерации с расположенными на их территории территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, иными государственными органами Российской Федерации и федеральными организациями в свете реализации Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 6–15.

⁷ *Козулин А.И.* О некоторых аспектах качества регионального закона // Государство и право. 2000. № 6. С. 81.

⁸ В статье проанализированы законы Самарской области от 12 мая 2005 г.

№ 109-ГД «Об архивном деле в Самарской области», Удмуртской Республики от 30 июня 2005 г. № 36-РЗ «Об архивном деле в Удмуртской Республике», Республики Марий Эл от 6 июля 2005 г. № 29-з «Об архивном деле в Республике Марий Эл», Ставропольского края от 28 июля 2005 г. № 35-кз «Об архивном деле в Ставропольском крае», Владимирской области от 9 ноября 2005 г. № 167-ОЗ «Об архивном деле во Владимирской области», Республики Башкортостан от 3 февраля 2006 г. № 278-з «Об архивном деле в Республике Башкортостан». <http://www.rusarchives.ru>

⁹ См.: Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 16.

¹⁰ Конституция Российской Федерации. М., 1996. С. 5.

¹¹ См. подробнее: *Асфандиярова И.Г.* Законодательство субъектов Российской Федерации об архивных фондах и архивах: теория и практика. Уфа, 2006. С. 76.

¹² См.: Ст. 7 закона Самарской области от 12 мая 2005 г. № 109-ГД «Об архивном деле в Самарской области». <http://www.rusarchives.ru>

¹³ На федеральном уровне этот вопрос отнесен к компетенции исполнительной власти – Правительства Российской Федерации по представлению специально уполномоченного им федерального органа исполнительной власти (п. 1 ст. 10 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»).

¹⁴ Достаточно интересен опыт стран СНГ в области защиты прав собственности на архивные документы. Так, например, в законе Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 704 «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях» провозглашены следующие нормы: «Собственник документов Национального архивного фонда не имеет права их уничтожать» (ч. 2 ст. 15); «Документы Национального архива реализации зарубежным покупателям не подлежат» (ч. 5 ст. 15); «Если

собственник документов Национального архивного фонда не обеспечивает надлежащую их сохранность, данные документы по решению суда могут быть возмездно изъяты и переданы Главному архивному управлению» (ч. 6 ст. 15).

В ч. 2 и 3 ст. 15 закона Республики Беларусь от 6 октября 1994 г. № 3277-ХІІ «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» по сравнению с российским архивным законодательством имеются также новации: «При передаче юридическим или физическим лицом права собственности на архивные документы новому собственнику последний обязан подписать с государственным архивом охранное обязательство. Без этого условия сделка считается недействительной. Порядок выдачи охранных обязательств и контроль за их исполнением определяются республиканскими органами по архивам и делопроизводству. При несоблюдении требований охранных обязательств собственник документов может быть в установленном законом порядке полностью или частично лишен права собственности на архивные документы».

В законе Республики Казахстан от 22 декабря 1998 г. № 326-І «О Националь-

ном архивном фонде и архивах» определено, что документы Национального архивного фонда находятся в государственной и частной собственности (ч. 1 ст. 7) и что «передача государству права собственности на документы физических и негосударственных юридических лиц производится по соглашению сторон. Физические лица могут установить срок ограничения доступа к ним не более чем на 70 лет с момента передачи в архив» (п. 8 ч. 2 ст. 7).

В законе Украины от 24 декабря 1993 г. № 3814-ХІІ «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях» определено, что «документы Национального архивного фонда могут находиться в государственной, коллективной и частной собственности. Архивные документы, не имеющие собственника или собственник которых неизвестен, поступают в собственность государства на основании решения суда, вынесенного по заявлению государственного архивного учреждения, кроме случаев, предусмотренных законодательством...» (ст. 21).

¹⁵ П. 2 ст. 8 закона Удмуртской Республики от 30 июня 2005 г. № 36-РЗ «Об архивном деле в Удмуртской Республике». <http://www.rusarchives.ru>

И.А. Дегтярева

Размышляя над проектами федеральных законов об информации

Проблема доступа пользователя к информации многогранна, и обсуждение каждой составляющей важно для ее решения в целом. Однако без точной терминологической базы невозможны ответы на остальные вопросы доступа к информации, независимо от того, заключена ли она в документах текущего делопроизводства или в документах, хранящихся в государственных, муниципальных архивах. К сожалению, существующая терминологическая база по проблеме доступа к информации имеет проблемы, неточности, несоответствия между различными законодательными актами¹. Такая ситуация приводит к тому, что пользователи порой вкладывают разный смысл в один и тот же термин.

Преимственность положений законодательных актов и грамотно составленная терминологическая база – необходимые условия плодотворного решения проблемы. В этой связи требуют обсуждения некоторые терминологические нормы проектов федеральных законов «О персональных данных» и «Об информации, информационных технологиях и защите информации»². Это намерение вызвало (и, возможно, еще вызовет) возражения некоторых ведущих архивистов, считающих, что названные проекты законов не распространяются на информацию, содержащуюся в документах Архивного фонда Российской Федерации³. Они ссылаются на ст. 3 законопроекта «О персональных данных», в которой сказано, что «настоящим Федеральным законом регулируются общественные отношения, связанные со сбором и обработкой персональных данных с применением средств автоматизации или без их применения»⁴.

Однако, во-первых, согласно проекту, «обработка персональных данных – отдельные действия или операции, выполняемые с персональными данными, или совокупность таких выполняемых с применением средств автоматизации или без их применения действий, как запись, организация, накопление, хранение, обновление или изменение, извлечение, обезличивание, уничтожение персональных данных» (п. 1 ст. 1). Очевидно, что часть названных операций может проводиться и с персональными данными, содержащимися в документах Архивного фонда Российской Федерации и на архивной стадии их существования.

Во-вторых, в ст. 3 проекта Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» сказано, что «законодательство Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, иных федеральных законов, регулирующих отношения в сфере использования информации...». Из этого следует, что Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» является составной частью федерального законодательства об информации, поскольку в нем (ст. 25) рассматриваются вопросы доступа и использования информации, содержащейся в документах Архивного фонда Российской Федерации⁵.

Напомним также, что Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» (п. 2 ст. 25) в свою очередь ограничивает «доступ к архивным документам независимо от форм собственности, содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну...». Это положение говорит о связи архивного законодательства с законодательными актами, регламентирующими работу с информацией ограниченного доступа: Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, федеральные законы «О государственной тайне», «О коммерческой тайне», Перечень сведений конфиденциального характера и др. Так, например, только в Основных законах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан раскрыто понятие «врачебная тайна», которое позволяет определить, какая информация о здоровье гражданина относится к врачебной тайне⁶ и, следовательно, по Федеральному закону «Об архивном деле в Российской Федерации» (п. 3 ст. 25) должна быть закрыта для свободного доступа в течение 75 лет со времени создания документа.

О необходимости и неизбежности взаимосвязи положений законодательных актов в сфере информации сказано и в Рекомендации по европейской политике в отношении доступа к архивам (номер R (2000) 13, принята Комитетом министров Совета Европы 13 июля 2000 г.): «...законодательные и подзаконные акты, касающиеся доступа к государственным архивам, должны быть увязаны и согласованы с законами, касающимися смежных областей, в особенности с законами о доступе к информации, находящейся в государственных учреждениях, и о защите данных (раздел II Приложения к Рекомендации «Законодательные и подзаконные акты», п. 2)»⁷.

Все сказанное свидетельствует о том, что архивистам не следует относиться к обоим законопроектам как к посторонним.

Проект Федерального закона «О персональных данных» был принят в первом чтении 25 ноября 2005 г. Этого события ждали и правозащитники, ратующие за соблюдение прав граждан на неприкосновенность «частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени» (Конституция Российской Федерации, ст. 23), и специалисты, работающие с этой информацией в государственных и негосударственных организациях, и архивисты, решающие вопросы доступа и использования персональных данных, содержащихся в документах государственных и муниципальных архивов. Проект закона разрабатывался с середины 1990-х гг. Его варианты в большей или меньшей степени соответствовали принятому постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – членов СНГ (№ 14–19 от 16 октября 1999 г.) Модельному закону «О персональных данных». Последний должен был стать основой для разработки аналогичного законодательства в государствах, входящих в СНГ. Одинаковый подход к проблеме персональных данных в разных странах был призван облегчить создание единого информационного пространства между ними.

Модельный закон имеет немало положительного. Он содержит самое подробное из используемых в федеральном законодательстве определение термина «персональные данные». В нем указаны конкретные тематические группы информации, объединенные этим понятием: «персональные данные – информация (зафиксированная на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним. К персональным данным относятся биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном, социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочее» (ст. 2).

Включение в Модельный закон термина «субъект информации» и его определения позволяет решить проблему с так называемыми «третьими лицами», информация о которых содержится в документах. Она заключается в том, что использование термина «третьи лица» в архивной литературе в отсутствие определения не дает четкого представления о том, какие лица, информация о которых содержится в документе, относятся к этой категории, а какие – нет.

Определение термина «третьи лица», содержащееся в юридических изданиях («участники гражданского процесса, юридически заинтересованные в разрешении возникшего между истцом и ответчиком спора»), нельзя связать с проблемой доступа к информации и с тем контекстом, в котором этот термин используется в нормативной базе и научной литературе, касающейся доступа и использования информации. Здесь под «третьими лицами»

подразумеваются лица (помимо основного лица, которому посвящен документ), информация о которых присутствует в тексте документа⁸. При работе с документами, особенно когда речь идет о соблюдении конфиденциальности информации при ее использовании, возникает вопрос: относятся ли к «третьим лицам» люди, подписавшие, завизировавшие документ, и другие, которые в тексте документа не упоминаются.

В Модельном законе дано следующее определение: «субъект персональных данных (субъект) – человек, к которому относятся соответствующие персональные данные» (ст. 2). С учетом определения понятия «персональные данные», используемого в законе, определение субъекта персональных данных узаконило равные права всех лиц, информация о которых присутствует в документе, на защиту их конфиденциальных данных. С появлением проекта Федерального закона «О персональных данных», где понятие «третье лицо» определено как «лицо, не являющееся субъектом персональных данных или оператором», использование этого термина в прежнем значении неправомерно.

Модельный закон определил условия использования информации о человеке до окончания периода ее конфиденциальности: «...режим конфиденциальности персональных данных снимается в случаях обезличивания персональных данных, требований субъекта в отношении своих персональных данных, не противоречащих национальному законодательству... По решению субъекта для его персональных данных может быть установлен режим общедоступной информации» (ст. 4).

К сожалению, Модельный закон имеет и серьезные недостатки. Основной из них заключается в том, что здесь отсутствует положение о преемственности подходов к использованию содержащих информацию о человеке документов в текущем делопроизводстве и в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации. В законе содержится положение, прямое следствие которому поменяло бы передаче на государственное хранение массивов персональных данных: «...персональные данные должны храниться не дольше, чем этого требует цель, для которой они накапливались, и подлежать уничтожению по достижении этой цели или при минувании надобности» (п. 5 ст. 3). Если вспомнить приведенное выше определение персональных данных, вводимое Модельным законом, и предположить, в каких документах Архивного фонда Российской Федерации эта информация может содержаться, то становится очевидным, что в соответствии с указанным положением практикующееся в настоящее время хранение в архивах Российской Федерации огромного количества документов, содержащих информацию о человеке, противозаконно.

В законе отсутствует положение об ограничительном периоде доступа к персональным данным, что является следствием самой концепции этого документа. Поскольку в Модельном законе, вслед за Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации»⁹, персональные данные рассматриваются лишь в качестве конфиденциальной информации, а на основании закона она должна быть уничтожена после истечения ее практической ценности, то существует только период ее конфиденциального и никакого иного хранения. Следует повторить, что при этом персональными данными в законе признана любая информация, с помощью которой идентифицируется человек.

Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» на определенном этапе расставил все на свои места. Проблеме доступа в нем уделено немного внимания, однако относительно информации о человеке содержатся конкретные положения, где названа информация ограниченного доступа – «сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности» (п. 3 ст. 25); определен своего рода критерий отнесения информации о человеке к конфиденциальной – «сведения, создающие угрозу для его безопасности»; установлен срок ограниченного доступа к конфиденциальной информации о человеке – «75 лет со дня создания указанных документов»; названы условия доступа к конфиденциальной информации до окончания ограничительного срока – «с письменного разрешения гражданина, а после его смерти с письменного разрешения наследников данного гражданина...».

Помимо этого очень существенным является положение закона о том, что «ограничивается доступ к архивным документам **независимо от их форм собственности** (выделено мной. – И.Д.), содержащим сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законодательством Российской Федерации тайну...» (п. 2 ст. 25).

После принятия Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» можно было рассчитывать, что представленный на обсуждение в Государственную думу год спустя проект Федерального закона «О персональных данных» учтет положения предыдущего родственного ему законодательного акта или, по крайней мере, не будет противоречить им.

Однако этого не произошло. Законопроект «О персональных данных», к большому сожалению, сохранил основные недостатки Модельного закона, в ряде случаев усугубив их. Вместе с тем именно он, как сказано в проекте Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации», призван определить «обязательные требования к соблюдению конфиденциальности... информации о частной жизни лица и информации персонального характера (персональных данных)» (п. 3 ст. 10).

Среди недостатков законопроекта назовем следующие: он не касается документов Архивного фонда Российской Федерации, рассматривая проблему персональных данных применительно к документам текущего делопроизводства, хотя это не оговаривается в ст. 3, определяющей сферу действия закона; не дает ясного представления о терминах, связанных с проблемой персональных данных, их определениях и взаимосвязях; не содержит четких положений, регулирующих проблемы доступа и использования «особых категорий персональных данных»; не устанавливает (в отличие от его проектов 1990-х гг.) вид, название, границы, права, обязанности, ответственность и подчиненность органа по защите человека от несанкционированного доступа к информации о нем.

Цель проекта Федерального закона «О персональных данных» сформулирована как «обеспечение защиты прав граждан на неприкосновенность частной жизни при сборе и обработке персональных данных...» (ст. 2). К слову сказать, в обсуждаемом законопроекте (как и во всем федеральном законодательстве) нет определения термина «частная жизнь», что лишает пользователей возможности точно знать (а не предполагать), что подразумевалось авторами под этим словосочетанием.

Такой подход встречается и в других статьях, например, ст. 5 (2) гласит: «...обработка персональных данных для статистических, научных и иных

аналогичных целей является допустимой при соблюдении прав субъекта персональных данных на неприкосновенность частной жизни...» Поскольку в законопроекте специально не оговаривается, что он касается только документов текущего делопроизводства (на деле это именно так), его положения распространяются на любые документы, содержащие персональные данные, а значит, они распространяются и на документы архивов, как государственных, так и муниципальных.

Однако Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» считает необходимым защищать от обнародования не только информацию о частной жизни, но и сведения о личной и семейной тайне гражданина, а также создающие угрозу для его безопасности¹⁰. Следует отметить, что эта норма больше соответствует тому подходу в отношении защиты информации о человеке, который пропагандирует Совет Европы в принятой им Рекомендации по европейской политике в отношении доступа к архивам. В этом документе «защищенными персональными данными» предлагается считать «любую информацию, касающуюся идентифицированного или идентифицируемого лица (субъекта данных), которую закон, регулирующие тексты или суды рассматривают как информацию, которая не может быть передана публике без риска причинения вреда интересам этого лица»¹¹.

Формулировка цели законопроекта «О персональных данных» не соответствует не только Федеральному закону «Об архивном деле в Российской Федерации». В ст. 4 законопроекта сказано, что «законодательство в области персональных данных основано на Конституции Российской Федерации...». Между тем в Конституции, принятой в 1993 г., когда термин «персональные данные» еще не употреблялся в отечественной нормативной литературе, содержится другое определение подлежащей защите информации о человеке. Под ней понимается информация не только о частной жизни. Согласно Конституции, «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»¹².

Но если, согласно проекту закона «О персональных данных», информация о частной жизни является частью персональных данных, то в проекте Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (п. 3 ст. 10) эти группы информации фигурируют как самостоятельные группы конфиденциальной информации: «...могут быть установлены обязательные требования к соблюдению конфиденциальности... информации о частной жизни и информации персонального характера (персональных данных)».

К сожалению, не только термин «частная жизнь», но и другие используемые в проекте закона «О персональных данных» важные термины не имеют определений, например термин «общедоступные персональные данные» (п. 6 ст. 8). Иногда для обозначения, видимо, того же массива информации применяется словосочетание «персональные данные, относящиеся к общедоступной информации» (п. 1 (5) ст. 6, п. 2 (4) ст. 16). Однако нигде в тексте не указан критерий отнесения персональных данных к общедоступной информации и не названы ее тематические группы.

В то же время п. 1 ст. 7 содержит следующий текст: «...операторами и иными лицами, получившими доступ к персональным данным, должна обеспечиваться конфиденциальность таких данных, за исключением случаев, указанных в части 2 настоящей статьи». А часть 2 в качестве исключе-

ния называет только обезличивание персональных данных и согласие субъекта на доступ к ним.

Иными словами, получается, что все персональные данные относятся к конфиденциальной информации. Такой вывод соответствует положению ст. 11 ныне действующего Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации», вызывающему много возражений. Интересно, что в проекте Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации», призванного заменить действующий закон, это положение осталось (п. 4 ст. 11).

В итоге возникает вопрос: что же относится к общедоступным персональным данным, упоминающимся в ст. 6 (5), 8 (6), 9 (4)? Ведь в тексте закона фигурируют «общедоступные персональные данные», «персональные данные», которые рассматриваются как конфиденциальная информация. Путаница с терминами продолжается: ст. 9 посвящена «особым категориям персональных данных», в отношении которых запрещается запись, организация, накопление, хранение, изменение, извлечение, обезличивание и т.п.

Далее в статье указываются условия, при которых запрет в отношении особых категорий персональных данных не действует, например «обрабатываются общедоступные персональные данные» (ст. 9 (4)). Снова не ясно: какое отношение имеют общедоступные персональные данные к статье «особые категории персональных данных»? Разве конфиденциальность этих групп может меняться? Если – да, то в каких случаях и от чего это зависит?

В п. 1 этой же статьи перечислены группы информации, относящейся к «особым категориям персональных данных»: о расовом и этническом происхождении; национальной принадлежности; политических взглядах, религиозных и философских убеждениях; состоянии здоровья; сексуальных наклонностях; судимости.

Следовательно, можно предположить, что вся остальная информация о человеке, в частности об обстоятельствах рождения, бракосочетания, развода, усыновлении, частной жизни, финансовом и имущественном положении, личных качествах, привычках, наклонностях, особых приметах и другая, поскольку она не отнесена к особым категориям персональных данных, и составляет уже упоминавшиеся в законе «общедоступные персональные данные». Однако названная информация в соответствии с действующим федеральным законодательством уже относится к конфиденциальной¹³, и несанкционированный доступ к ней преследуется по закону¹⁴.

В п. 5 и 6 ст. 9 предпринята попытка определить категории лиц, имеющих право доступа к этой информации. Так, информация о состоянии здоровья может быть выдана «лицу, профессионально занимающемуся медицинской деятельностью»; о судимости – «органам государственной власти Российской Федерации в сфере обороны безопасности государства и охраны правопорядка».

Вместе с тем не рассматриваются другие случаи, когда для выполнения государственными организациями возложенных на них функций необходима обработка конфиденциальных категорий персональных данных. Ситуация, при которой отдельные частные случаи получают освещение, а другие, аналогичные, остаются без внимания законодателей, создает впечатление, что только названные варианты имеют право на существование. Поскольку такое положение не соответствует другим законодательным актам и проти-

воречит существующей практике, правильнее было бы суммировать информацию и указать, что доступ к конфиденциальным персональным данным имеют работники органов государственной власти, управления и других государственных организаций в соответствии с их компетенцией для выполнения ими их должностных обязанностей, как это оговорено в Федеральном законе «О коммерческой тайне» в отношении информации, отнесенной к коммерческой тайне (ст. 6).

Небрежное отношение к терминологии чревато серьезными последствиями в практической деятельности архивов. Допустим, архивист должен определить, содержат ли отображенные для использования документы конфиденциальные персональные данные или нет. Как можно решить этот вопрос, опираясь на правовые нормы, если ни в одном нормативном документе нет четкого разграничения между конфиденциальными и общедоступными персональными данными?

В заключение необходимо предложить законодателям: конкретизировать сферу действия закона «О персональных данных» и сделать в тексте отсылки к федеральному законодательству об архивном деле; регламентировать используемые термины: «персональные данные», «общедоступные персональные данные», «особые категории персональных данных» (может быть, заменить их термином «конфиденциальные персональные данные», по аналогии с «общедоступными персональными данными»); составить их определения и включить в соответствующую статью закона (термин «персональные данные» и его определение недостаточны для четкого представления об уровне конфиденциальности различных тематических групп персональных данных, и это будет вызывать вопросы); регламентировать круг государственных органов и организаций, имеющих право доступа к конфиденциальной информации, и условия ее предоставления.

¹ См.: Курникова И.А. Понятие «персональные данные» в российском и зарубежном законодательстве // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 34; Она же. Доступ к персональным данным: законодательство и практика (отечественный и зарубежный опыт). М., 2004.

² Проект Федерального закона «О персональных данных». <http://www.akdi.ru/GD/proekt/097697GD.SHIM>; проект Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». <http://www.akdi.ru/GD/proekt/097699GD.SHIM>

³ См.: Павлова Т.Ф. Пользователи в читальных залах федеральных архивов: проблемы доступа и обеспечения информационных потребностей: Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Архивоведение и архивное дело в России (1991–2005 гг.): осмысление пройденного» 19–20 апреля в Москве. http://rusarchives.ru/evants/conferences/1991_2005_txt/pavlova.shtml

⁴ <http://www.akdi.ru/GD/proekt/097697GD.SHIM>

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169.

⁶ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. // Российская газета. 1993. № 158. 12 августа.

⁷ Действующее законодательство об архивном деле. СПб., 2002. С. 15; Курникова И.А. Доступ к персональным данным: законодательство и практика: (отечественный и зарубежный опыт). С. 97.

⁸ См.: Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428. (ст. 11); Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации. М., 2002. С. 181.

⁹ Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 25 января 1995 г. // Собрание

ние законодательства Российской Федерации. 1995. № 8. Ст. 609. В этом законе есть следующее положение: «...персональные данные относятся к конфиденциальной информации» (ст. 11).

¹⁰ П. 3 ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. // Там же. 2004. № 43. Ст. 4169.

¹¹ <http://www.aip-bd.org/pdf/rec-arch.pdf>; Курникова И.А. Понятие «персональные данные» в российском и зарубежном законодательстве. С. 34–44.

¹² Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст. 23.

¹³ См.: Конституция Российской Федерации; Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1. Ст. 16 // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. М., 1993. № 10. Ст. 357; Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г.; Федеральный закон Российской Федерации «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных

и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455; Семейный кодекс Российской Федерации // Там же. 1996. № 1. Ст. 16; Федеральный закон Российской Федерации «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. // Там же. 1997. № 47. Ст. 5340 в редакции Федерального закона от 25 октября 2001 г. // Там же. 2001. № 44. Ст. 4149; Федеральный закон Российской Федерации «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» от 16 апреля 2001 г. // Там же. № 17. Ст. 1643; Налоговый кодекс Российской Федерации М., 2001. Ч. 1–2; Федеральный закон Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102; и др.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996. Ст. 137, 155; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2002. Ст. 5.39, 13.11, 13.12, 13.14, 13.20.

Н.Ю. Черепенина

Информационный потенциал ЦГА Санкт-Петербурга: негативные тенденции последних десятилетий*

Опыт Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, где хранятся документы городских организаций и учреждений с 1917 г., показывает глубокие количественные и качественные изменения его информационного потенциала¹: по мере приближения к современности наблюдается своего рода информационное истощение архивных фондов. С этой проблемой все чаще сталкиваются публикаторы и пользователи: по документам первой половины XX в. значительно проще подготовить доку-

* В основе статьи – текст выступления на Всероссийской научно-практической конференции «Архивоведение и архивное дело в России (1991–2005 гг.): осмысление пройденного» (Москва, 19–20 апреля 2006 г.).

ментальное издание, выставку, исполнить тематический или генеалогический запрос, чем по материалам последующих лет². Иными словами, вероятность найти необходимую и одновременно интересную информацию в архивных фондах раннего периода гораздо выше, нежели при обращении к стандартным описям последних десятилетий.

Оценка итогов комплектования архива в целом, сравнение информационного потенциала отдельных фондов (групп фондов, документов) за различные периоды деятельности фондообразователя (при сохранении их функций и полномочий) именно с точки зрения пользователя и публикатора позволяют обозначить болевые точки современного архивного дела и, вероятно, предвидеть возможные потери информационных ресурсов.

Уже при определении источников комплектования закладываются проблемы, которые могут негативно сказаться на состоянии архивных фондов в будущем. В 2005 г. был утвержден новый список № 1 ЦГА Санкт-Петербурга; правда, из-за нестабильности системы как государственных, так и негосударственных учреждений он постоянно корректируется. Нельзя не заметить, что 58 % включенных в список организаций и предприятий по закону не обязаны сдавать свои документы в госархив. К ним относятся муниципальные органы власти, акционерные общества, общественные организации, работа с которыми ведется, главным образом, по традиции. Это особенно наглядно при анализе списка промышленных предприятий – источников комплектования: до 95 % из них уже имеют архивные фонды. Также сдавали ранее свои материалы на постоянное хранение 68 % общественных организаций. Однако со временем ситуация может измениться, и тогда число источников комплектования крупнейшего городского архива сократится вдвое, а будущие исследователи лишатся информации о важнейших сферах нашей жизни.

Другую серьезную опасность для информационного потенциала представляют утраты документов. Сегодня им особенно подвержены частные предприятия и общественные организации. В 2005 г. ЭПМК ЦГА Санкт-Петербурга утвердила 23 акта о несохранности 1170 дел. В масштабе утвержденных описей это около 2 %, но в сравнении с объемом принятых документов цифра потерь возрастает до 14 %.

К сожалению, утраченную информацию об экономической жизни города невозможно восполнить документами государственных отраслевых комитетов, управлений и отделов. Для 1990-х гг. достаточно типична следующая картина: в архив попадают материалы только о существовании самих фондообразователей (приказы, сметы, штатные расписания), а вот реальная их деятельность документально не подтверждается. Так, Комитет по экономической реформе, возглавлявшийся А.Б. Чубайсом, сдал в архив четыре дела: три с приказами, а одно (из двух или трех листов) – с методикой приватизации городского имущества. Аналогичное положение с Комитетом по управлению зоной свободного предпринимательства. Северо-Западное межрегиональное отделение Федерального делового центра при Правительстве Российской Федерации за два года передало всего шесть дел, которые также касаются функционирования самого отделения. Следует отметить, что документы структур Северо-Запада (их в списке семь) как промежуточного звена между регионами и Москвой на удивление малоинформативны.

Сложившаяся ситуация должна найти разрешение в ведомственных перечнях документов с указанием сроков хранения, ибо материалы, отражаю-

щие реальную деятельность частных предприятий и общественных объединений, нужно беречь. По закону эти организации подлежат обязательной регистрации, и, казалось, в архивном фонде Регистрационной палаты отложится уникальная информация. Но, увы, приняв свыше 1000 дел о регистрации различных фирм и организаций, архив получил лишь их уставы (написанные по стандартным образцам) и некоторые нормативные материалы, но не сведения о работе. (Для сравнения отметим, что в ходе регистрации, осуществлявшейся административными органами советской власти в 1920–1930-х гг., в наблюдательные дела, как правило, включались отчеты о деятельности, протоколы заседаний, списки акционеров.)

Требуется решения и проблема своего рода «мертвых душ» – организаций, только формально включенных в список № 1 источников комплектования архива. Речь идет, прежде всего, о силовых структурах (управления внутренних дел, военкоматы и др.), которые не только не собираются передавать свои документы на постоянное хранение, но и воздерживаются от каких-либо контактов с архивной службой города. Надеяться отыскать сведения об их деятельности в документах соответствующих комитетов городской администрации не приходится, о чем свидетельствует опыт работы архива с фондами органов советской власти и КПСС.

По описям документов стабильных государственных учреждений также прослеживается тенденция обеднения информационного потока. Например, за довоенный период (в основном до начала 1930-х гг.) в фондах учреждений и организаций жилищно-коммунального хозяйства имеется свыше 40 тыс. дел, не считая значительного объема документов по личному составу (более 100 тыс.). Жилищно-коммунальное хозяйство послевоенных лет представлено приблизительно 11 тыс. дел, главным образом планами, отчетами, сметами. В архивных фондах отделов народного образования «губернского» периода (до 1927 г.)³ деятельность многих городских школ характеризуется самыми разнообразными по составу документами: протоколами заседаний педагогических и школьных советов, справками, отчетами об учебной и воспитательной работе, списками, анкетами преподавателей, учеников и т.д. О жизни школ в конце XX в. свидетельствуют только их статистические отчеты.

Информационный потенциал отдельных архивных фондов и комплексов документов снижается также из-за существенных изменений в методах сбора, обработки и формы изложения информации самими фондообразователями, которые должным образом не фиксируются в передаваемых на постоянное хранение документах. Такая ситуация характерна, например, для органов статистики: обилие цифр по одному и тому же вопросу (различные данные без пояснений). Правда, отсутствие в архивах материалов о методике и целях составления тех или иных документов касается и более ранних массивов дел. Так, в 1920-е гг. на постоянное хранение оставались главные книги, книги-ресконто. Огромные, в красивых кожаных переплетах, они теперь занимают много места, но практически не используются, так как их содержание недоступно нашим современникам. Возможно, такая же участь ожидает многочисленные статистические и финансовые отчеты, которые составляют значительную часть формируемых сегодня фондов.

Заметно снижает информационный потенциал архивных фондов наличие служебного жаргона. Разнообразные сокращения, используемые в среде железнодорожников, связистов, военных, представителей других ве-

домств, как правило, не включены в словари и затрудняют работу. Отказ от приема в составе архивных фондов местных учреждений материалов вышестоящих организаций, в том числе официально закрепляющих подобные сокращения нормативных документов, вынуждает архивистов заниматься мучительными поисками, которые хотя и развивают их воображение, но никак не способствуют оперативному исполнению запроса или составлению комментариев при подготовке публикаций.

Внедрение новейших технологий⁴ и средств связи тоже негативно сказывается на информационной базе архивов. Во-первых, в значительной мере утрачиваются подготовительные материалы: работа с документами ведется на компьютере, и весь механизм принятия того или иного решения оказывается оторванным от итогового документа. По этой же причине сокращаются объемы переписки, принимаемой на постоянное хранение. Хотя в действительности бюрократизация нашего общества ведет к росту бумаготворчества, но распечатки «факсов» и телефонных переговоров в архивы не сдаются. В этом плане показательна ситуация в органах законодательной власти. Приняв на хранение документы Петербургского Совета народных депутатов за последние годы его существования, архив не получил многих проектов решений, и поэтому чтение стенограмм по обсуждению того или иного вопроса подобно разгадыванию кроссворда.

Во-вторых, изменение технологии создания документов осложняет определение их подлинности. Архивы все чаще сталкиваются с тем, что на хранение поступают пусть качественные, но копии. Так, недавно принятый фонд Комитета по подготовке к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга содержит интереснейшие материалы, в большинстве своем копияные (начиная с протоколов заседаний комиссии и кончая ксерокопиями газетных статей). На постоянное хранение передаются копии и юридически значимых документов, например решений районных администраций. С ними связан анекдотический случай: прокуратура для расследования уголовного дела потребовала произвести выемку одного из решений, а вместо него в архивном деле оказалась копия. Впору ставить вопрос о защите подлинников специальными средствами.

Информационный потенциал архива, как ни странно, снижается из-за гораздо большей открытости современной власти, прежде всего исполнительной. Подавляющее большинство ее решений публикуются в печати, размещаются в Интернете, включаются в базы данных различных фирм, поэтому после передачи документов в госархив основным будет вопрос об их качестве (подлинности, комплектности).

Думается, что с усилением негативных тенденций государственные архивы станут хранителями информации (выборочной) либо о функционировании только государственных учреждений, либо по личному составу. Обеспечение информационных потребностей общества (особенно по материалам последних лет) сведется к справочной работе, в большей степени рекомендательного характера.

К сожалению, архивисты не имеют возможности работать на опережение, они лишь фиксируют потери и пытаются по мере сил смягчить их последствия. И жаль, что на первый план в настоящее время выдвигаются проблемы не сохранения, можно сказать, спасения документального прошлого страны, а доступа к архивным материалам⁵. Последняя носит времен-

ный характер: рано или поздно все документы станут доступными, но при условии обеспечения их сохранности.

Вероятно, архивистам следует тщательно проанализировать сложившуюся ситуацию, подготовить как можно более конкретные (с разбивкой по регионам) предложения по развитию архивного дела и выступить с инициативой разработки национального проекта сохранения исторической памяти России.

¹ Под информационным потенциалом архива понимается способность хранящихся в нем материалов удовлетворять потребности общества в ретроспективной информации. См.: *Черешня А.Г.* Кризис архивов тождествен кризису демократии // *Отечественные архивы.* 2006. № 1. С. 11–16.

² При этом, конечно, нужно учитывать потери военных лет.

³ Административно-территориальная реформа 1927 г. привела к массовой ликвидации губернских учреждений, которые сдавали в госархив все имеющиеся у них документы, обработка их проводи-

лась силами самих архивистов. Архивные фонды «губернского» периода, как правило, отличаются полнотой и разнообразием материалов.

⁴ В данной статье не рассматриваются проблемы работы с электронными документами. Стоит заметить, что, как правило, кураторов из архивов просто не допускают к электронным базам учреждений – источников комплектования.

⁵ См. серию статей в ответ на специальный выпуск журнала «Новое литературное обозрение» // *Отечественные архивы.* 2006. № 1. С. 3–31.

А.А. Бровина, Э.Г. Чупрова

Персонифицированная информация о гражданах в архивах должна стать полнее

В Республике Коми два архива целенаправленно комплектуются документами личного происхождения: Национальный архив Республики Коми (НА РК) и Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (НА Коми НЦ УрО РАН).

В 2004 г. в НА РК хранилось 65 личных фондов, в НА Коми НЦ УрО РАН – 29. Это личные фонды государственных, партийных, общественных деятелей (7); деятелей культуры и искусства (8); историков, краеведов, преподавателей (10); писателей, поэтов, литературных деятелей (33); ученых, научных сотрудников, исследователей (36).

В НА РК поступают преимущественно документы деятелей культуры, внесших наиболее заметный вклад в эту сферу общественной жизни республики, а в НА Коми НЦ УрО РАН – работников учреждений системы РАН. Среди фондообразователей мало государственных и общественных деятелей, врачей, специалистов технического профиля, руководителей предприятий, оказывающих, несомненно, огромное влияние на развитие региона. Некоторые личные фонды дублируются в разных архивах из-за отсутствия единых подходов к их формированию.

На результатах комплектования архивов сказывается личность не только создавшего, но и сохранившего документы. Так, в формировании личного фонда поэта И.А. Куратова участвовали: филолог, археолог и этнограф А.С. Сидоров, краевед и писатель П.Г. Доронин, литературоведы А.Н. Федорова, А.К. Микущев, А.А. Вежев, А.Е. Ванеев, профессор В.И. Лыткин. В сущности, не являясь сотрудниками архива, они предопределили состав фонда. В этом плане показательна фигура А.С. Сидорова, внесшего большой вклад в становление НА Коми НЦ УрО РАН. В марте 1952 г. он возглавил комиссию по организации и формированию фондов научного архива. Именно под его руководством проходил первичный отбор рукописей, заложены основные принципы фондирования научных документов.

В 1970 г., когда началось создание фондов ученых Коми филиала АН СССР, первым стал личный фонд ихтиолога с мировым именем канд. биол. наук О.С. Зверевой. Он был сформирован из документов личных архивов ее друзей и коллег, известных ученых, научных сотрудников Коми филиала АН СССР кандидатов биологических наук Е.С. Кучиной и А.А. Дедова. В формировании же самого крупного в НА Коми НЦ УрО РАН личного фонда проф., д-ра геол.-минерал. наук А.А. Чернова (ок. 500 дел) активное участие принял его ученик канд. геол.-минерал. наук А.И. Елисеев.

К сожалению, не во всех описях сообщается о сотрудниках, проводивших научное описание документов, не всегда можно узнать о лицах, много сделавших для формирования фонда (инициаторах передачи документов в архив, тех, кто предоставил документы из личных собраний, и др.). Обычно там указаны только фамилии архивистов.

Сотрудничество архивистов с учеными, общественными деятелями продолжается и на стадии подготовки научно-справочного аппарата (путеводителей, каталогов), популяризации архивных документов. От их совместного труда зависит, какая именно информация будет представлена обществу.

Портрет человека конкретной эпохи значительно дополняют документы по личному составу, в первую очередь приказы, карточки учета приема, увольнения и перемещения сотрудников, личные счета, а также аттестационные и личные дела. Последние наиболее информативны, однако заводятся не на всех сотрудников организации, например обслуживающий персонал не имеет личных дел. При отборе их на постоянное хранение учитываются: характер личных заслуг, служебное положение, полнота информации о сотруднике, его должность, хронологические рамки дела. Остальные, согласно Перечню типовых управленческих документов, хранятся в течение 75 лет, подчеркивая лишь их справочную функцию¹. Как правило, в составе личных дел стандартный набор документов: личные листки по учету кадров, автобиографии, характеристики, заявления, докладные записки, приказы, различные справки, газетные вырезки и т.д. В них заключена информация о конкретном человеке, которая, несмотря на стремление многих авторов этих документов ее формализовать, носит следы личного восприятия, интерпретации событий, особенностей эпохи. Многие документы личного дела отражают скорее социальную, а не индивидуальную психологию, так как составлены для официальных учреждений и передают не столько собственные представления о предмете, сколько представления о том, каким этот предмет хотят видеть официальные лица. Диапазон социально-психологического восприятия событий довольно широк и часто определяется уровнем образования, интеллекта их составителей.

Личное дело – массовый по происхождению, по индивидуальности по содержанию источник. С одной стороны, оно имеет общие, типичные и сопоставимые элементы, а с другой – содержит оригинальные, порой уникальные «незапланированные» сведения, например о выборе новых направлений развития учреждения, кадровой политике и ее проведении, исторических событиях, выдающихся людях.

Информация о состоянии и развитии учреждения чаще всего отражена в докладных записках, заявлениях работников, характеристиках, протоколах, постановлениях собраний, справках, вырезках из газет. Докладные записки носят более объективный и откровенный характер, чем официальные отчеты о работе. Сведения о кадровой политике и механизмах ее реализации можно почерпнуть из служебной переписки, записок, ходатайств, справок, рекомендаций, заявлений, резолюций на документах. События исторического масштаба, как правило, концентрируются в автобиографиях.

Информация личных дел многоаспектна, насыщена и оригинальна. Она дает необозримое поле деятельности исследователям. Однако современное российское законодательство², защищая личную жизнь человека, ограничивает использование этого вида источников в научно-исследовательских целях. Тем не менее важность таких документов служит достаточным основанием для постановки вопроса об их вечном хранении в государственных архивах.

Безусловной заслугой архивистов и фондообразователей являются осознание необходимости сохранения для потомков культурного наследия и конкретные шаги в этом направлении. Именно их интеллект и энергия способны поставить столь сложную и важную задачу и решить ее.

¹ Перечень типовых управленческих документов, образующихся в деятельности организаций, с указанием сроков хранения. М., 2000. С. 50–51.

² Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 14 и др.

В фондах российских архивов

В.А. Иванов

Документы Госархива Калужской области о численности чиновников губернии в предреформенный период (1855 – январь 1861 г.)

Вопрос о численности служащих государственных учреждений городов и уездов губерний России в середине XIX в. до сих пор не исследован. В значительной степени это объясняется как отсутствием точных данных о числе чиновников разных ведомств и рангов¹, так и неизученностью источников по данной проблеме. Между тем сведения о численности

местного чиновничества необходимы для установления представительности выборки массовых данных, составляющей основу его изучения.

Информацию о служащих местных государственных учреждений содержат следующие источники: общероссийские адрес-календари, списки гражданских чинов, губернские памятные книжки, специальные ведомственные издания, например «Список высшим гражданским и военным чинам, служащим в Министерстве внутренних дел и по ведомству оного в губерниях»², штатные расписания и другие материалы официального делопроизводства (отчеты, рапорты, доклады, служебные записки и т. д.).

В представленной статье проанализирован комплекс разных по происхождению, полноте, информативности и значению источников о личном составе местных учреждений за предреформенный период, хранящихся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) в фонде губернского правления (Ф. 62), с целью выяснения их потенциальных возможностей для установления численности чиновничества местного звена.

Документы ГАКО, содержащие данные о численности служащих местных учреждений, можно разделить на две группы. Первая – именные списки награжденных чиновников, например «Списки чиновников, имеющих знаки отличия за 1854 г.»³, «Списки награжденных чиновников уездных учреждений за 1859 г.»⁴, «Списки служащих, удостоенных знаком отличия беспорочной службы и орденом Св. Владимира и Св. Анны за 1860 г.»⁵ – не годится для определения общей численности служащих местных государственных учреждений, поскольку аккумулирует сведения лишь об их небольшой части. Вторую группу составляют рапорты и доклады начальников канцелярий разной ведомственной подчиненности губернскому правлению с приложением именных списков или ведомостей их чиновников и канцелярских служителей, которые и стали объектом изучения.

В общей сложности по рассматриваемому периоду выявлено свыше семисот списков, сформированных делопроизводителями в 11 дел⁶. Списки составлялись по предписанию губернского начальства с различными целями: для учета и контроля за численностью служивших в присутственных местах чиновников⁷, обнародования сводных данных о численном и персональном составе местной администрации в губернской памятной книжке⁸, внесения требуемых правительством сведений в адрес-календарь, с 1765 г. ежегодно издававшийся Петербургской академией наук⁹. Документы подчас имеют различные заголовки – «Список о чиновниках Менцовского уездного суда»¹⁰ для внесения в адрес-календарь¹¹, «Краткий список о службе чиновников Мосальской квартирной комиссии для внесения в адрес-календарь»¹², «Именной список канцелярских чиновников и служителей Калужской казенной палаты и ведомства ее»¹³, «Ведомость о числе служащих чиновников Калужской губернии в канцелярии малоярославецкого уездного предводителя дворянства по назначению от правительства»¹⁴ и т.д. Однако все они в подавляющем большинстве содержат сходную персональную информацию. В ряде списков заключены более подробные сведения, касающиеся прохождения службы, социального происхождения, возраста, наград и т.д. Так, в списках служащих Малоярославецкого и Тарусского земских судов кроме типовых данных (фамилия, имя, отчество, чин, занимаемая должность) указывается время назначения на последнюю должность и присвоения последнего чина, за сколько лет имеется знак отличия беспорочной

службы¹⁵. Из списка служащих Лихвинского уездного суда можно узнать еще и о времени поступления на службу конкретного лица, получении очередного чина, размере основного и «добавочного» жалования¹⁶. В списках личного состава Медынского городнического правления приведена информация о социальном происхождении и возрастном цензе служащих¹⁷, а в подобных списках Калужской врачебной управы¹⁸ и Мещовского городнического правления¹⁹ в дополнение к этому – об имеющихся наградах (орденах, медалях, знаках отличия). В списках Тарусской дворянской опеки есть отдельная графа с названием «Был ли (чиновник. – **В. И.**) под судом и подозрением, с успехом ли исполняет должность»²⁰. В ведомости служащих канцелярии малоярославецкого уездного предводителя дворянства в специальной графе помещены сведения о составе семьи²¹. Среди выявленных документов насчитывается около трех десятков списков, составленных в произвольной, разработанной самим учреждением форме.

В именных списках приводятся сведения о различных группах служащих местных учреждений: классных чиновниках, лицах, служивших по выбору от дворян в полицейских и судебных учреждениях (земские исправники, судьи, заседатели уездных судов), в дворянской корпорации (уездные предводители дворянства, заседатели дворянских опек), в системе органов городского управления (гласные дум, городские головы) и суда (ратманы, бургомистры магистратов и ратуш), а также канцелярских чиновниках и служителях самых разных рангов (копиисты, подканцеляристы, канцеляристы, регистраторы).

Приступая к анализу документов ГАКО, использованных при подготовке адрес-календаря Российской империи, отметим, что это издание выходило одной книгой и состояло из двух частей. В первой публиковались, по данным на 1 января, именные списки чиновников высших и центральных правительственных учреждений, во второй – служащих местной администрации.

Архивные документы содержат сведения за первую половину 1855 г.²², вторую половину 1856 г.²³, 19 апреля – 28 мая 1857 г.²⁴, вторую половину 1857 г.²⁵, вторую половину 1859 г.²⁶, 19 апреля – 10 мая 1860 г.²⁷ и 24 мая 1860 – 21 января 1861 г.²⁸, поступившие с мест в губернское правление. В рапортах начальников уездных канцелярий, представивших именные списки чиновников с 19 апреля по 10 мая 1860 г., имеются ссылки на четыре указа губернского правления: от 24 августа 1845 г., 28 февраля 1851 г., 2 июня 1853 г. и 27 марта 1859 г., во исполнение которых были составлены соответственно списки чиновников Боровского земского суда²⁹, Мосальского уездного суда³⁰, служащих канцелярии боровского уездного стряпчего³¹, Мосальского сиротского суда³². К сожалению, в фонде Калужского губернского правления обнаружить эти указы не удалось. Однако судить об их содержании не сложно. Можно полагать, что губернское правление предписывало и неоднократно напоминало подчиненным присутствиям представлять в установленный законодателем срок сведения о состоявших на службе чиновниках для обнародования в адрес-календаре. Как правило, поступали они нерегулярно и с опозданием.

Именные списки чиновников для внесения в адрес-календарь губернскому правлению представили в первой половине 1855 г. 68 учреждений (2 губернских, 41 уездное и 25 городских), во второй половине 1856 г. – 86 (соответственно 2, 49 и 35), с 19 апреля по 28 мая 1857 г. – 86 (1, 49 и 36), во

второй половине 1857 г. – 100 (1, 62 и 37), во второй половине 1859 г. – 90 (3, 54 и 33), с 19 апреля по 10 мая 1860 г. – 61 (45 уездных и 16 городских), с 24 мая 1860 по 21 января 1861 г. – 94 (3 губернских, 45 уездных и 46 городских). К сказанному важно добавить, что не все уездные и городские присутствия ежегодно представляли в губернское правление именные списки чиновников и канцеляристов. Обычно сведения не сообщались, если в учреждении не было изменений в личном составе служащих за отчетный период, т.е. после последнего представления данных, либо когда для исполнения служебных обязанностей привлекались работники из других присутствий. Так, в рапорте Мещовской городской думы от 19 апреля 1860 г. сказано, что «перемен по службе у чиновников не было и потому списка для внесения в адрес-календарь не представляется»³³. В донесении Жиздринского сиротского суда от 28 ноября 1860 г. указывается, что делами суда «занимаются чиновники Жиздринского городского магистрата, от которого список чиновников для внесения в адрес-календарь доставлен в оное правление 10 ноября 1860 г.»³⁴ и т.д.

В совокупности имеется достаточно представительный корпус первичных документов (лакуны составляют не более 8–10 %), содержащих статистические данные о числе служащих уездных и городских присутствий Калужской губернии в предреформенные годы. Здесь не лишним будет заметить, что собранные губернским правлением статистические материалы значительно полнее отражают количество провинциальных присутствий, чем аналогичные показатели общероссийских адрес-календарей. Так, по хранящимся в ГАКО именным спискам чиновников установлено, что в уездных и городских учреждениях во второй половине 1859 г. на службе состоял 401 человек, а по адрес-календарю за 1859/1860 год их насчитывается 297³⁵, т.е. в 1,4 раза меньше. В названном адрес-календаре отсутствуют сведения о чиновниках, числившихся в штате канцелярий уездных стряпчих и предводителей дворянства, в дворянских опеках, казначействах и других учреждениях. Составители адрес-календарей либо располагали менее полными, чем официальные губернские власти, сведениями о личном составе канцелярий, либо (что ближе к истине) не в состоянии были их обработать и опубликовать в кратчайшие сроки. Отсюда следует, что архивный источник точнее, чем опубликованный в справочном издании итоговый материал.

Из губернских учреждений сведения представили только пять присутствий: Калужская врачебная управа (в 1855–1857, 1859 гг.), чертежная комиссия (1855–1856, 1859 гг.), посредническая комиссия (1859 г.), приказ общественного призрения, палата госимуществ (в мае 1860 – январе 1861 г.). Таким образом, налицо неполнота данных о личном составе учреждений этого звена. Имевшиеся в документах пробелы о численности чиновников можно заполнить аналогичной информацией из других выявленных в ГАКО материалов. Среди них наибольший интерес с точки зрения полноты и информативности представляют именные списки служащих губернских, уездных и городских учреждений, датированные февралем–мартом 1859 г.³⁶, а также разнообразные статистические материалы о численности и составе чиновников и канцелярских служителей Калужского губернского правления за март–апрель 1859 г.³⁷

Сбор этих сведений проводился согласно предписаниям губернатора В.А. Арцимовича, видного либерального деятеля эпохи реформ, который не-

однократно в период своего непродолжительного губернаторства в Калуге (1858–1862 гг.) выступал с инициативой сбора различных статистических данных. Так, уже через четыре месяца после приезда в Калугу он своим распоряжением от 7 февраля 1859 г. обязал губернское правление представить сведения о числе канцелярских чиновников и служителей всех мест губернии с обозначением их чинов³⁸. Поводом для этого послужила проведенная губернатором в начале года ревизия присутственных мест, выявившая большое число сверхштатных чиновников и неспособных к чиновной деятельности лиц, часть которых к тому же не занималась непосредственным исполнением своих обязанностей. Сведения о чиновниках и канцелярских служителях в феврале–марте 1859 г. представили 122 присутствия: 8 губернских – приказ общественного призрения; палаты (казенная, госимуществ, уголовного и гражданского судов), комиссии (народного продовольствия, посредническая), канцелярия дворянского депутатского собрания; 77 уездных – суды (за исключением Тарусского сословного), канцелярии предводителей дворянства (за исключением Козельской), мосальского стряпчего, жиздринского попечителя запасных хлебных магазинов, казначейства, а также управления госимуществ (Жиздринское, Малоярославецкое, Мосальское, Перемышльское), дворянские опеки, винные и соляные приставы; 37 городских – Калужская полиция, городнические правления, Калужская квартирная комиссия, думы (за исключением Козельской), магистраты, Воротынская, Серпейская, Сухиничская ратуши, Калужский сиротский суд.

Арцимович распоряжением вице-губернатору Н.И. Юркевичу от 26 февраля 1859 г. потребовал представить в губернский статистический комитет (ГСК) разные сведения о числе чиновников и писцов губернского правления «для некоторых соображений относительно устройства чиновников, служащих в губернии»³⁹. Учетные материалы, направленные из ГСК губернатору, носят название: «Сведения о числе чиновников и канцелярских служителей, о получаемом ими содержании и о проч. по Калужскому губернскому правлению»⁴⁰. По форме и содержанию они напоминают формуляр послужного списка служащих гражданского ведомства второй половины XIX в. Документ включает 12 нумерованных граф, в которые о каждом служащем правления внесены следующие сведения: чин, имя, отчество и фамилия; социальное происхождение и возраст; образование, «где воспитывался»; время и место поступления на службу; последняя должность и время назначения на нее; жалованье; семейное положение и состав семьи (социальное происхождение жены, возраст детей, их образование, если служат – где, с какого времени, содержание); имеющаяся недвижимость (имение – родовое или благоприобретенное, в чем заключается и чьей собственностью является); отставка (если находился, то сколько времени).

Источниковая ценность поступивших в губернское правление в феврале–апреле 1859 г. первичных учетных данных состоит в том, что тогда именные списки чиновников впервые представили ряд губернских (казенная палата, палаты уголовного и гражданского судов, посредническая комиссия, канцелярия дворянского депутатского собрания) и уездных (окружные управления госимуществ, винные и соляные приставы) учреждений и должностных лиц. В то же время нельзя не заметить, что среди поступивших в губернское правление материалов отсутствуют сведения о чиновниках таких важных учреждений, как канцелярии гражданского губер-

натора и губернского прокурора, а также некоторых уездных и городских присутствий.

Следует обратить внимание на еще одну группу документов – именные списки служащих уездных судов Калужской губернии, представленные в губернское правление в конце февраля 1859 – начале февраля 1860 г., согласно распоряжению губернатора от 10 февраля 1859 г. В нем предписывалось собрать и доставить сведения о численности канцелярских чиновников уездных судов Калужской губернии, размерах их жалованья, а также сообщить, кто из чиновников занимается делами суда, а кто только значится на службе⁴¹. Эти данные губернатор полагал использовать в практических целях, например для наведения должного порядка в комплектовании штатов, определении соответствия между численностью канцелярских работников и фактическим объемом делопроизводства в каждой из канцелярий, а также поиске достойных и компетентных в служебных делах сотрудников.

На основе архивных документов удалось установить, что на службе в гражданских учреждениях губернии, подведомственных министерствам внутренних дел, юстиции, финансов, а также госимуществ, состояло: в первой половине 1855 г. – 270 чиновников и канцелярских служащих в классных рангах и без них; во второй половине 1856 г. – 390, в апреле–мае 1857 г. – 343, во второй половине 1857 г. – 394, в феврале–апреле 1859 г. – 1150 (из них в губернских – 520, в уездных – 414 и городских – 216); во второй половине 1859 г. – 497; в апреле–мае 1860 г. – 259; в мае 1860 – январе 1861 г. – 495.

Из приведенных данных видно, что в изучаемый период учет чиновничества на региональном уровне был далеко не полным. Сведения, собранные для издания адрес-календарей, имеются по уездным, городским и лишь по отдельным губернским присутствиям, что исключает их сопоставимость. Только в феврале–апреле 1859 г. специальными распоряжениями губернатора, предусматривавшими получение необходимой информации о служащих губернии, более полно был учтен личный состав не только уездных и городских, но и основной части губернских учреждений. Установленная цифра – 1150 человек, включающая канцелярских чиновников и канцеляристов 122 учреждений гражданского ведомства (примерно 3/4 от их общего числа), может быть принята за исходную величину при определении численности чиновничества в губернии в предреформенные годы.

Таким образом, выявленные в ГАКО документы, содержащие статистические сведения о личном составе губернских, уездных и городских присутствий, ввиду имеющихся пробелов не отражают общей численности служивших в губернии чиновников в предреформенное время. Однако они позволяют судить о числе чиновников и канцелярских служащих значительной части учреждений за отдельные годы и в совокупности с другими источниками, содержащими аналогичные сведения, могут стать основой источниковой базы для определения наиболее полного состава чиновничества Калужской губернии в исследуемый период.

⁴¹ В научной литературе имеются сводные данные о численности чиновников России в предреформенное время. Так, по данным П.А. Зайончковского, в 1851 г. насчитывалось 74 330 чиновников, а в 1857 г. – 90 139 (Зайончков-

ский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 68, 221). О числе чиновников местных государственных учреждений по стране в целом и отдельным губерниям в частности таких сведений нет.

² См.: Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель / Под ред. П.А. Зайончковского. 2-е изд., пересм. и доп. М., 1978. № 1298.

³ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 4148.

⁴ Там же. Д. 5181.

⁵ Там же. Д. 5228.

⁶ Там же. Д. 4300, 4372, 4459, 5171, 5172, 5174, 5175, 5738, 5739, 5748; Оп. 8. Д. 259.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 5171, 5172, 5174.

⁸ Там же. Д. 5748.

⁹ Там же. Д. 4300, 4372, 4459, 5175, 5738, 5739; Оп. 8. Д. 259.

¹⁰ В середине XIX в. Калужская губерния состояла из 11 уездов: Калужского, Боровского, Жиздринского, Козельского, Лихвинского, Малоярославецкого, Медынского, Мещовского, Мосальского, Перемышльского и Тарусского.

¹¹ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5175. Л. 24–24 об.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Д. 5174. Л. 183–189 об.

¹⁴ Там же. Д. 5738. Л. 291.

¹⁵ Там же. Д. 5175. Л. 7, 14.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 106.

¹⁸ Там же. Л. 234–237.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 41–42.

²¹ Там же. Д. 5738. Л. 291.

²² Там же. Д. 4300.

²³ Там же. Д. 4372.

²⁴ Там же. Оп. 8. Д. 259.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 4459.

²⁶ Там же. Д. 5175.

²⁷ Там же. Д. 5739.

²⁸ Там же. Д. 5738.

²⁹ Там же. Д. 5739. Л. 29.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 32.

³² Там же. Л. 93.

³³ Там же. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 5738. Л. 263.

³⁵ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве за 1859–1860 год. СПб., Б. г. Ч. 2. С. 135–147 (3-я паг.).

³⁶ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 5174.

³⁷ Там же. Д. 5171.

³⁸ Там же. Д. 5174. Л. 1–1 об.

³⁹ Там же. Д. 5171. Л. 1.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Д. 5172. Л. 10.

М.В. Борисенко

Организация и источники персонального учета сельского населения России XVIII – начала XX в.

Значительная доля исследовательских интересов в последние десятилетия касалась социальной истории сельского населения в целом и отдельных регионов в частности: появились работы по некоторым историко-этнографическим проблемам¹ и комплексные исследования². Однако многие важные сегодня направления, связанные, например, с развитием просопографических (историко-биографических), фамилистических исследований, недостаточно проработаны. Для автора этой статьи, занимающегося изучением истории сельского населения Сибири и России, первостепенный интерес составляет историческая фамилистика³, в центре внимания которой проблемы познания исторической типологии и судеб различных семейно-дворовых ячеек дореволюционной России.

Надежной основой для изучения социально-демографических особенностей крестьянства Российской империи может стать четкое представление о постановке персонального учета состава жителей страны на общегосударственном и местном уровнях и отражении этих данных в архивных документах. Некоторые аспекты указанной темы уже освещены в литературе, в том числе характеристика определенных типов и видов источников по истории населения, включая материалы ревизского и церковного учета, прошений и приговоров сельских обществ, раздельных актов, рекрутских списков и др.⁴ В ряде работ приведены описания и перечни источников по истории и демографии Сибири XIX – начала XX в.⁵ Впрочем, внимание исследователей в большинстве случаев направлено на делопроизводственную документацию, отражающую не столько сферу посемейного бытования, сколько сводную официальную статистику. Несколько ближе к интересующей нас проблеме находится справочное издание Я.М. Вилейшица, где отмечены особенности юридической практики организации посемейного учета в предреволюционной России⁶. Принимая во внимание недостаточность информации по теме, обратимся к рассмотрению сложившейся в XVIII – начале XX в. системы учета крестьянства.

Важность контроля за состоянием людских ресурсов в государстве особенно остро осознавалась властями в период Российской империи. Наряду с развитием духовно-религиозного попечения, ведением учета государственной службы, политическим и полицейским контролем одной из основных составляющих общей системы государственного надзора за населением являлась организация учета податных сословий. И все же значительные государственные мероприятия, превосходившие размахом зарубежный опыт, не полностью соответствовали нуждам реального знания о народонаселении.

Так, в конце XIX в., после прекращения ревизских переписей, при обсуждении вопросов, связанных с организацией предстоящей переписи населения, в Департаменте законов Государственного совета подчеркивалась насущная необходимость «привести в известность численность, состав и местное распределение населения империи». Составители специального положения по проекту проведения переписи были вынуждены констатировать недостатки существующего состояния дел: «У нас не только не имеется никаких достоверных сведений по указанным отделам собственно демографии, но и многие другие отделы... остаются без надлежащей оценки... за отсутствием точных и полных сведений о населении»⁷.

Отметим также, что существовавший учет лиц крестьянского сословия в стране имел недостаточное юридическое основание. В частности, относительно документов по личному учету крестьян одна из статей итогового Свода законов Российской империи гласила: «Актами, коими по представленным доказательствам удостоверяется состояние каждого лица, суть: I. Для всех состояний: метрические книги и ведомости. II. (Содержание относится к городским сословиям. – М.Б.). III. Особенности для состояния городских и сельских обывателей – ревизские сказки, которые составлялись по особым Положениям...»⁸. Как видим, о других учетных документах (например, посемейных списках сельских обществ) в имперском законодательстве речи не шло, и для современных историков очевидно, что «менее других документных систем развивалась система документирования принадлежности к крестьянству»⁹.

Общее представление о постановке административного учета дают материалы специально созданной в 1874 г. комиссии под председательством сенатора А.К. Гирса, которая проанализировала источники получения сведений о народонаселении России. К основным имевшимся видам учета она отнесла: сословный; по отбыванию сельскими обывателями личных, государственных и общественных податей; личной воинской повинности (учет призывных, бессрочно-отпускных и ополченцев запаса); полицейский, т.е. контроль наличности проживающих и передвижения населения¹⁰. Каждым из них занимались определенные звенья государственного аппарата.

Истоки этой системы учета русского населения лежали в обычаях Московского государства XVI–XVII столетий вести писцовые и переписные книги. Так, для XVII в. наиболее показательны проведение «дозоров», составление сметных и окладных списков. Причем разные категории населения учитывались раздельно. Проводились и общерусские переписи населения, например в 1678 г.

Со времен Петра I главным способом регистрации наличного состава основной (податной) массы жителей страны стали, в первую очередь, общероссийские переписи (в частности, в 1710 г.) и ревизии. До 1780-х гг. они проводились по царским и императорским указам. Исполнителями являлись местные административные органы (воеводские и губернские канцелярии), впоследствии – губернские и волостные правления. Ревизии, как известно, имели недостаток – не всегда фиксировали реальные разделы родственных семейств. Такого рода неточности допускались до 1823 г. по вине составителей сказок. Но позднее было определено: «...уважать лишь те разделы семейств, очереди рекрутской подлежащих, которые произведены... с разрешения надлежащей власти, а из разделов самовольных терпеть лишь те, о которых дознано будет, что они произведены до издания правил 1823 г., прочие же самовольные разделы считать недействительными и... считать за одно семейство»¹¹.

Сведения о происхождении крестьян требовались не только государству, но и их владельцам. Поэтому в вотчинном делопроизводстве крупных землевладельцев (Голицыных, Гагариных и др.) иногда составлялись особые крестьянские росписи. Так, во владениях Шереметевых сам помещик определял форму ведения родословных книг крепостных, куда вносились данные о предках по мужской линии лиц, подлежавших сдаче в рекруты. Причем подобные росписи периода XVIII–XIX вв. изображали всех лиц в виде кружков с указанием дат жизни и участия в отправлении повинности¹².

После антикрепостнической реформы 1861 г. было опубликовано мнение Государственного совета о замене ревизских сказок посемейными списками с формуляром из 12 пунктов. В соответствующем документе (1876 г.) подчеркивалось: «...чтобы лица и учреждения, поименованные в статье 106 Устава о воинской повинности, сообщали не позднее 1 января 1878 г. подлежащим... волостным правлениям метрические выписки о молодых людях мужского пола, родившихся в 1857, 1858, 1859, 1860 и 1861 гг.»¹³. Тем самым была предпринята попытка установить преемственность прежних и новых форм учета.

Особое значение имело проведение в 1897 г. Первой всеобщей переписи населения Российской империи. По всей территории страны было оп-

рошено 125 млн 640 тыс. жителей, более трех четвертей которых (77,1 %) отнесли себя к крестьянскому сословию. Хотя организацией опроса ведала Главная переписная комиссия, в нем были задействованы многие другие важные звенья центрального и местного госаппарата, в частности министерства внутренних дел и финансов, Центральный и губернские статистические комитеты, волостные правления, местные переписные комиссии и иные учреждения. В отличие от предыдущих ревизий, учитывавших, как правило, только податные слои, данная перепись носила действительно всесословный характер. Это была грандиозная акция по фиксации демографической картины России, данные которой были обнародованы¹⁴.

Помимо названных общероссийских, переписи проводились в уездах и волостях отдельных губерний. В 1870–1900-х гг. состоялись земские статистические обследования в большинстве мест европейской части страны. Подворная перепись 13 тыс. переселенческих хозяйств в Сибири прошла в 1912 г. по заданию бюджетной комиссии Государственной думы. В годы Первой мировой войны это военно-конские переписи. Назовем и однодневную сельскохозяйственную перепись 1917 г. Тем не менее по названным переписям изданы только опубликованные сводные обезличенные данные¹⁵.

Задачу определения естественного движения православного населения России выполняли с помощью церковного учета. К нему следует отнести составление исповедных ведомостей, или духовных росписей, с посемейными списками прихожан. Первые упоминания о необходимости представления исповедных росписей по Сибири обнаружены нами уже в материалах за 80-е гг. XVII в.¹⁶ На уклонившихся от исповеди и причастия в XVIII в. налагался особый штраф. В соответствии с указом Петра I от 8 февраля 1716 г. для всего православного населения страны вводилась ежегодная обязательная исповедь у церковных священников, причем неявка делала человека «подозрительным к расколу»¹⁷.

Первым законодательным актом, установившим порядок регистрации рождений и смертей в России, считается Указ Петра I от 14 апреля 1720 г. с требованием от священников Москвы педелных ведомостей¹⁸. В Указе Синода от 20 февраля 1724 г. подчеркивалась необходимость ведения метрических книг для того, чтобы «ведать о количестве всего Российского государства людей рождающихся и в брачное супружество совокупляющихся и умирающих»¹⁹. Реальное же становление системы приходских регистровых записей о рождениях, бракосочетаниях и смерти у православных россиян, согласно «Прибавлению к Духовному регламенту», относится к 1722 г.²⁰ Кроме того, для учета вступающих в брак оформлялись венечные памяти. Подобные разновидности конфессионального учета являлись важной составляющей в общегосударственной системе персонального учета, где функционировали разные звенья ведомственно-административного контроля за населением.

Со стороны собственно административного управления в уездах, разделенных с 1719 по 1780-е гг. на дистрикты, сведения о крестьянском населении концентрировались в управительских канцеляриях дистриктов. Нижним административным звеном для государственных крестьян являлся приказчик в уездах и слободах или комиссар, исполнявшие хозяйственную и надзирательскую роли. Противостоящей им в определенной мере стороной

были органы местного крестьянского самоуправления. Это мирские и волостные старосты, целовальники, десятские и сотские, ларешники. Не имея, как правило, собственной канцелярии, волостные общинные правления могли вести по требованиям администрации книги записи узаконенных поборов с селян, приговоров, а также хозяйственные и др.

Со стороны судебной власти в соответствии с «Учреждением для управления губерний Российской империи» (1775 г.) в каждом уезде были созданы нижние земские и волостные суды. Наряду с нижними земскими судами во главе с исправником и нижними расправами с 1797 г. стали действовать уездные суды. Основная их задача – охрана «благочиния, добронравия и порядка», т.е. надзор за поведением в семейной и социально-политической сферах жизни населения. Нижние земские суды просуществовали до 1867 г., оставив значительный корпус источников.

Органы административного управления тесно взаимодействовали с судебными учреждениями и системой местного полицейского надзора. Аппарат полицейского ведомства (в частности, становые приставы, уездные исправники, и в целом органы уголовного и политического сыска) на протяжении XVIII – начала XX в. также практиковал меры персонального учета. Назовем систему выдачи краткосрочных «плакатных» и «покормежных» паспортов и последующего паспортного контроля, составление журналов или книг местного полицейского (участкового или станового) контроля. Подобные действия позволили сформировать Департаменту полиции обширную именную картотеку жителей Российской империи²¹. При этом важно иметь в виду, что общие сведения о численности населения по станам и уездам не собирались полицейскими чиновниками, а извлекались из исповедных записей или посемейных списков.

Непосредственное хозяйственное управление и контроль за сбором податей с крестьян в губерниях осуществляли казенные палаты при губернском управлении. Для нужд повседневной работы они составляли описи селений, в которых нередко указывали поименный состав душ, их промыслы и земельные участки. Кроме того, до середины XIX в. окружные казначейства выдавали «плакатные» паспорта, впоследствии этим стали заниматься волостные правления. Наряду с казначействами действовали губернские и уездные по крестьянским делам присутствия.

Итак, со второй половины XIX в. учет крестьянского населения на местах осуществлялся в основном с трех сторон: административный – волостными правлениями и губернскими казенными палатами, конфессиональный – приходским духовенством, полицейский – становыми приставами.

Согласно циркулярам МВД от 5 июля 1873 г. и 8 февраля 1874 г., волостным правлениям было предписано вести особые посемейные списки крестьянского населения²². Цель этой меры была двоякой: контроль за наличием податного населения на местах и учет лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности. В практике ведения посемейных списков за правильность их содержания отвечал обычно волостной старшина. Он обязан был ежегодно поверять те сводки о прибытии и убыли людей, которые доставляли местные приходские священники. К началу XX в. такие проверки распространяются на все семьи в волостях, а не только призывников. С июня 1910 г. представление посемейного списка стало необходимым для решения вопросов закрепления наделной земли в личную собственность.

По-прежнему немаловажное значение сохраняли собиравшиеся ежегодно православными священниками записи метрических книг и исповедные ведомости по приходскому населению. Они содержали именной перечень всех членов семьи с указанием возраста каждого лица. Сведения обычно переписывались из прошлогодней ведомости и проверялись посредством опроса домохозяев один или два раза в год – в Успенский или Петров пост и осенью. На основе зарегистрированных метрических фактов церковные причетники выдавали в казенные палаты списки умерших крестьян, подлежащих исключению из подушного оклада.

В числе учреждений, занимавшихся учетными мероприятиями, контролем по линии проведения рекрутских наборов, а впоследствии – по выполнению воинской повинности, формально были рекрутские, а также уездные и губернские по воинской повинности присутствия. Область их ведения касалась посемейного состояния призываемых и их физического соответствия армейской службе. По каждому воинскому участку составлялся список призывников с включением всех лиц мужского пола. В действительности же исходные сведения о подлежащих и не подлежащих призыву в уездные по воинской повинности присутствия доставлялись, как свидетельствуют материалы комиссии Гирса, на основе консисторских ведомостей и посемейных списков из волостных правлений²³.

Медицинское ведомство также участвовало в сборе сведений о населении. Существенное значение деятельности губернских и уездных врачебных управ объяснялось той серьезной опасностью, какую представляли для «народного здоровья» «моровые поветрия» – эпидемии, эпизоотии, стихийные бедствия. Записи о заболеваниях массового масштаба иногда содержали списки больных. Мероприятия по оспопрививанию были связаны с составлением перечней подлежащих прививке, которые готовились на основе доставлявшихся представителями местных приходов выписок из метрических книг.

Названные составляющие общей системы персонального учета в среде государственных крестьян России достигли более зрелых и достаточно разнообразных форм к концу XIX – началу XX столетия.

В системе губернского управления во второй половине XIX в. постоянным звеном становятся губернские статистические комитеты, где откладывалась не только сводная, но и первичная статистическая информация, с указанием имен крестьянских семей, получавших различного вида ссуды, арендовавших казенно-оброчные статьи, занимавшихся торговым, мельничным или иным промыслом и т.д. При этом, согласно критическим оценкам местных статистических органов, подсчеты численности населения по линии церковной, местной административной и полицейской статистики имели видимые погрешности. Например, по сравнению с данными переписи 1897 г. сведения, получаемые тремя обычными способами, оказались в Сибири завышенными на 8,3–8,8 %²⁴.

Нижней административной ступенью для крестьянской общины являлось сельское управление. В делопроизводстве сельского управления велись 12 видов книг и пять – списков, которые фиксировали сбор разнообразных податей, запись умерших, а также ссыльных, развратных женщин, отлучившихся крестьян и др.²⁵

Для России второй половины XIX в., когда усилился поток крестьян-переселенцев, характерны некоторые общие процедуры учета аграрных мигран-

тов. По выезду из губерний Центральной России крестьянин, выходящий из сельского общества, обязан был получить увольнительное свидетельство от своего волостного старшины. В течение полугода переселенцу полагалось получить приемный приговор в другом сельском обществе и представить свое увольнительное свидетельство вместе с приемным приговором в Казенную палату по месту новой приписки²⁶. При соблюдении данных условий получение (или отказ в выдаче) приемного приговора от сельского общества формально обуславливалось согласием 2/3 участников сельского схода.

Следующим шагом по оформлению переселенцев на местах была приписка крестьян к волости. Для этого выписывалось соответствующее свидетельство у волостного старшины на основании других документов – проходных свидетельств, паспортов, ходатаеских удостоверений и др. Приписку в сибирских волостях оформляли также участковые крестьянские начальники. Впрочем, порядок оформления переселенцев многократно менялся на протяжении XIX – начала XX в., поэтому на местах водворения вполне могли появиться процедурные различия²⁷.

Кроме того, применительно к территории сибирских губерний нужно иметь в виду деятельность переселенческих организаций. Материалы, собираемые чиновниками Тобольской, Томской, Енисейской переселенческой партий в ходе колонизационных мероприятий, зачастую непосредственно фиксировали имена первых засельщиков на отводимых местностях, их семейное и хозяйственное положение, получаемые ссуды и т.д. Характерно, что в такой делопроизводственной документации зачастую не соблюдались единые формулярные требования²⁸, но именно это и привлекает к ним исследователя.

Переселенческие организации действовали в тесной взаимосвязи с органами местной администрации. В частности, к 1910-м гг., по настоянию заведующего Тобольским переселенческим районом, в обязанности крестьянских начальников были вменены функции ведения особой документации по работе с переселенцами. Письмоводителями при правлениях начальников крестьянских участков велись записи о зачислении и водворении новоселов, по приему ходатайств о получении денежных ссуд, а также по контролю за состоянием врачебного дела на участках²⁹.

В то же время наряду с государственным сектором учета населения развернулась деятельность различных академических, научно-просветительских и общественных организаций. Это Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства с многочисленными отделениями, а также ряд местных отделов императорского Русского географического общества, Общество по изучению Сибири и улучшению ее быта, губернские музеи. Особое место в этом ряду занимали земские организации, осуществившие серию подворных обследований по отдельным уездам. Причем собираемые земскими исследователями сведения выбивались из общих рамок государственной статистики: попыткой превзойти формальный учет были материалы о реальном землепользовании, положении голодающих крестьян, старообрядцах и др.³⁰ Впрочем, не следует переоценивать роль общественных инициатив в массовых учетных мероприятиях, поскольку в большинстве это усредненные и обезличенные статистические данные. К тому же, в отличие от центра России, в губерниях Сибири и других окраин земских объединений создано не было.

Таким образом, на основе изучения деятельности различных звеньев государственного аппарата Российской империи можно сделать вывод о структуре реально действовавшей системы персонального учета крестьянского населения. Она включала четыре главных уровня: общегосударственная (центральная) статистика; церковный учет (региональный уровень в пределах епархии и приходов); административно-ведомственный (территориальный) контроль с разветвлениями по отдельным ведомствам; негосударственные обследования населения научного или общественного характера (имели место в отдельных случаях). Реконструированная система учета позволяет наметить перспективный поиск персональной учетной информации именно по четырем указанным направлениям, опираясь на фонды федеральных и региональных архивов страны.

Для апробации выработанного подхода мы попытались приложить его к анализу архивных фондов РГИА и определить, какими возможностями они обладают для изучения исторической фамилистики крестьян. О масштабности задачи говорит, например, такая информация: в РГИА хранится 1367 фондов, где сосредоточено свыше 6,5 млн ед. хр.

Итак, цель предпринятого нами поиска – определить фонды, содержащие материалы по персоналиям и семьям крестьян, а не общую статистику. В научно-справочном аппарате архива явно недостаточно отражены характеристики видов документов по персональному учету рядового населения. Для получения результатов существует только один путь – внимательное изучение описей и дел фондов.

В итоге многолетней планомерной исследовательской работы в РГИА нам удалось выявить архивные фонды высших и центральных государственных учреждений Российской империи, содержащие материалы по персональному учету крестьян. В зависимости от функций учреждений их фонды можно поделить на несколько групп:

1) земледельческих ведомств (канцелярия Министерства земледелия, Департамент земледелия Министерства государственных имуществ, Комитет по землеустроительным делам) – содержат донесения и прошения о земельных спорах и повинностях государственных крестьян, выморочных имениях крестьян, ссудах разным лицам, прошения о земле, ссудах и выделах на хутора;

2) общего управления поземельными отношениями для государственных крестьян (Департамент государственных имуществ Министерства финансов, I департамент Министерства государственных имуществ, Департамент гражданских и духовных дел Госсовета, I департамент Госсовета, Главный комитет об устройстве сельского состояния) – документы о земельных спорах крестьян между собой и с помещиками, ведомости об оброках крестьян, ходатайства о земле и по другим вопросам, решения об отчуждении наделов отдельных крестьян, переписку о наделении земель государственных крестьян и уделных по жалобам на помещиков и местные власти;

3) учреждений статистики (отдел статистики Министерства земледелия, Центральный статистический комитет) – бланки сельскохозяйственной переписи 1916 г. Московской и других губерний, списки землевладельцев;

4) учета миграций (Переселенческое управление, Департамент государственных имуществ Министерства земледелия) – прошения крестьян о переселениях, списки переселенцев, сведения о ссудах, жалобы старожилов и

другие материалы³¹; дела о поземельном устройстве, переселениях государственных и горнозаводских крестьян;

5) сословного учета (Главное управление уделов Министерства императорского двора, Хозяйственный департамент МВД) – донесения о разрешении крестьянам вступать в брак, разделах семей, прошения крестьян о перечислении в иные сословия;

6) финансовой и налоговой сферы (Экспедиция государственных счетов Сената, Департамент государственного казначейства Министерства финансов, Департамент разных сборов Министерства финансов, Главное выкупное учреждение, Государственный крестьянский поземельный банк) – окладные книги податных сословий, иногда с подворными данными, договоры помещиков с крестьянами по выкупам, именные рекрутские квитанции, уставные грамоты по имениям, иногда со списками крестьян, дела о ссудах отдельным лицам;

7) гражданского состояния (канцелярии Святейшего Синода и обер-прокурора Синода, Александро-Невская лавра, канцелярия патриарха Тихона и Синода) – дела о наложении епитимьи на крестьян, о браках в степях родства, многобрачии разных лиц, бракоразводные и брачные дела, данные о старообрядцах, донесения о притеснениях крестьян в С.-Петербурге, квитанции о могильных местах на кладбищах лавры;

8) воинского учета (Особое присутствие по воинской повинности, Рекрутский комитет, Управление по делам о воинской повинности) – переписку о помощи семьям призванных в армию крестьян; разрешения о найме рекрутов из крестьян, отчеты о воинских наборах с именными списками неявившихся;

9) полицейского надзора за населением (департаменты общих дел и полиции исполнительной, земский отдел МВД) – прошения о земле, об опеке, завещаниях; жалобы и прошения крестьян о переселениях, сборе недоимок, сведения о раскольниках, сводки происшествий, дела по земельным, гражданским, сословным вопросам, о переселениях и семейных разделах;

10) здравоохранения (Медицинский совет при МВД, Медицинский департамент Сената, канцелярия генерал-штаб-доктора гражданской части МВД) – материалы об эпидемиях, акты судебно-медицинской экспертизы рекрутов, донесения губернаторов о болезнях населения на местах;

11) надзора по апелляциям крестьян (I и II апелляционный, II «Крестьянский», Уголовный кассационный, IV и VI департаменты Сената) – прошения о переводе в «вольные хлебопашцы», споры о земле, пенсиях солдатским семьям и другим вопросам; прошения крестьян и донесения сельской администрации о спорах по земле и имуществу, об исключении из общин, отказе в правах на семейные разделы; прошения по обжалованию разных преступлений; жалобы о свободе крепостным, по спорам о земле, о духовных завещаниях; дела по гражданским и земельным вопросам, о разделах семей и брачных разводах; донесения о жестокостях помещиков к крестьянам, неверной отдаче в рекруты;

12) сферы судебной и уголовной ответственности (документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции, Министерство юстиции) – гражданские иски крестьян и рекрутские квитанции, прошения по уголовным и гражданским делам от осужденных и их родственников;

13) другие ведомства (Департамент мануфактур Министерства финансов, С.с.и.в. канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя, Комитет помощи поморам Русского Севера, фонды Сибирских комитетов) – ревизские сказки фабричных крестьян; материалы об усыновлениях и узаконениях детей разных лиц, пособиях семьям погибших поморов, прошения о расторжении браков.

Итак, источниковая основа проблематики социально-демографических и фамилистических особенностей крестьянства весьма обширна: прямо или косвенно к теме относится более 65 фондов. Перечень групп фондов в основном соответствует выведенной схеме персонального учета крестьянского населения страны, а также отражает особенности реализации общегосударственного статистического учета и административно-ведомственного контроля.

Документы названных фондообразователей содержат следующие сведения о крестьянах. Это имена, отчества, прозвания и клички; место рождения или приписки, возраст или время рождения; социально-сословное положение, иногда – сведения о браке и составе семьи; данные о хозяйстве (размеры надела и т.д.); видах повинностей; участии в разных формах социального протеста (земельные захваты, побег, сопротивление помещикам и властям, склонение в раскол и др.); миграции семей, основании новых поселений, а также о призыве в армию и т.д.

Степень частоты упоминания и полноты информации о сельских семьях по различным местностям, разумеется, неодинакова. В большинстве материалов содержатся общие сведения о населении либо данные о хозяйственной деятельности (спорные случаи землевладения). Вопреки ожиданиям, в прошениях значительно реже присутствуют сообщения о конкретных семьях, особенностях собственно семейной сферы взаимоотношений супругов, детей, других родственников и т.п. Так, информация о многомиллионной массе крестьянских семей в Синоде представлена только небольшой группой (несколько тысяч) спорных бракоразводных дел, тем не менее они позволяют судить о нормах и отклонениях в брачной практике.

Несмотря на широту выявленных в РГИА фондов по теме, очерченный круг не исчерпывает многообразия семейных моделей и жизненных путей различных категорий крестьян России. Частные данные, например, могут находиться в группе фондов по принадлежности к отдельным регионам и губерниям (более 20 фондов сенаторских ревизий), наконец, в фондах личного происхождения владельцев крупных вотчин или имений со сведениями о крепостных. В разрезе региональной принадлежности, естественно, потребуются изучение материалов местных архивов.

В обозримой перспективе автор предполагает развернуть и завершить работу по более полному описанию ключевых для крестьянской фамилистики фондов. Это относится, в первую очередь, к ф. 391 «Переселенческое управление», по которому запланировано сформировать электронную базу данных и составить расширенный обзор его большей части с систематическими сведениями по персоналиям³². По ф. 1291 «Земский отдел МВД» предполагается дать расширенный обзор дел по персоналиям; аналогично – по ф. 1344 «II («Крестьянский») департамент Сената» и, возможно, по другим фондам.

Очевидно, дальнейшие результаты в разработке этой темы будут зависеть от отношения к данному исследованию современного общества, точнее, от его поддержки в числе других приоритетных направлений. При этом следует учесть, что в современных условиях демографического и геополитического кризиса в России есть прямой смысл обращения к изучению оптимальных моделей семейного развития в прошлом и настоящем.

¹ Литвак К.Б. Перепись 1897 г. о крестьянстве России // История СССР. 1990. № 1; Храмов А.А. Села Ирбино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002.

² Борисенко М.В. К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев (конец XIX – начало XX в.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1993. № 2; Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы конференции 19–21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1–2; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.

³ Под фамилистикой понимают комплексную научную дисциплину, призванную изучать совокупность связанных с существованием социального института семьи вопросов, как в плане индивидуально-бытовых реалий определенных ячеек, так в структурном и функциональном отношении. То есть в основном это проблематика условий создания, развития, устойчивости семей, особенности эффективной социализации, вопросы совместимости супругов, детей и т.д.

⁴ Миненко Н.А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977; Юрченко Н.Л. Некоторые проблемы использования ревизских сказок как источника по исторической демографии // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993.

Т. XXIV; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4; и др.

⁵ Лебедева А.А. Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974; Зверев В.А. Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1989; Колесников А.Д. Источники о населении Сибири // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992.

⁶ Вилейшис Я.М. Посемейные списки мещан и крестьян: Сб. законов и разъяснений. Херсон, 1915.

⁷ Об утверждении положения о 1-й всеобщей переписи населения Российской империи // Россия. Госсовет. Департамент законов: Материалы. СПб., 1895. Т. 236. С. 2–5.

⁸ Цит. по: Вилейшис Я.М. Указ. соч. С. 2–3.

⁹ Елпатьевский А.В. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в России // Источниковедение отечественной истории. М., 1984. С. 48.

¹⁰ Россия. Госсовет... С. 2–5.

¹¹ Цит. по: Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981. С. 10.

¹² Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 152–154.

¹³ Россия. Госсовет... С. 4.

¹⁴ Опубликованные в 1902–1905 гг. результаты переписи с оговорками на их неточность использовались ранее лишь в плане итоговой статистики населения по России в целом и ее регионам. См., напр.: *Кадомцев В.П.* Профессиональный и социальный состав населения России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909; *Литвак К.Б.* Указ. соч. С. 114–126. Как предмет специального историко-семейного анализа переписной материал 1897 г. был введен в научный оборот докладом 1992 г. и статьей автора этой работы в 1995 г. См.: *Борисенко М.В., Московкин В.В.* Из опыта разыскания материалов по генеалогии крестьян-переселенцев (XIX – начало XX в.) // ИРГО. [СПб.], 1995. Вып. III; *Борисенко М.В.* Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // Там же. С. 12–19.

¹⁵ Материалы переписи населения России 1897 г. имеются, помимо Госархива в г. Тобольске, в ЦГИА Москвы, госархивах Тульской и Архангельской областей, Хабаровском музее краеведения. Следовательно, возможность обнаружения учетных сведений по конкретной персоне из числа сельского населения страны, к сожалению, не гарантирована.

¹⁶ См.: НИА СПб. РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 151. Л. 70, 176 (Ведомости о жителях Тюменской округи, кто был и не был на исповеди и причастии).

¹⁷ ПСЗ. Собр. I. Т. V. № 2991, 2996.

¹⁸ *Елпатьевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР // *Актовое источниковедение.* М., 1979. С. 57, 58.

¹⁹ ПСЗ–I. Т. VII. № 4480. С. 266.

²⁰ Там же. Т. VI. № 4022.

²¹ ГАРФ. Отдел каталогов. Именная картотека Департамента полиции.

²² См.: Россия. Госсовет... С. 8.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ См.: Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. Тобольск, 1899. С. 2;

Статистический обзор Тобольской губернии за 1898 г. Тобольск, 1900. С. 3–4.

²⁵ *Котович Л.В.* Организация общинного самоуправления у русских крестьян Сибири в конце XIX – начале XX в. // *Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в.* Новосибирск, 1989. С. 46–47.

²⁶ *Данилов И.Г.* Положения о сельском состоянии, дополненные всеми позднейшими узаконениями с разъяснениями их, извлеченными из решений Правительствующего Сената, циркуляров МВД и других распоряжений правительства. СПб., 1899. Ч. 1.

²⁷ См., напр.: Переселение в губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую в 1907 г.: Справочная книжка о переселении в лесную и лесостепную полосы Сибири. СПб., 1907. Вып. XXXIX.

²⁸ Напр.: РГИА. Ф. 391. Оп. 3. 1907 г. Д. 659 «Работы Балкашина о быте переселенцев»; Оп. 4. 1909 г. Д. 38 «Материалы М.Н. Балакирщикова».

²⁹ См.: Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 580. Оп. 1. Д. 795 (Доклады помощника заведующего Тобольским переселенческим районом о ревизии крестьянских начальников. 1912 г.).

³⁰ См., напр.: *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. М.; СПб., 1901; *Корневская Н.Н.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954.

³¹ Некоторые материалы ф. 391 подробнее рассмотрены в работах: *Борисенко М.В.* К характеристике источниковой базы по истории семей сибирских крестьян-переселенцев (конец XIX – начало XX в.). С. 61–69; *Он же.* Аграрные миграции населения России рубежа XIX–XX веков и вопросы их компьютерной интерпретации // *Генеалогический вестник.* 2005. № 22. С. 12–20.

³² Подробнее см.: Аграрные миграции населения России рубежа XIX–XX веков и вопросы их компьютерной интерпретации.

Архивы Италии сегодня*

До 1975 г. архивы Италии на протяжении почти столетия пребывали под юрисдикцией Министерства внутренних дел. Причем решение о передаче архивов в ведомство внутренних дел было принято в ходе дискуссии, возникшей после объединения в политический союз независимых государств, находившихся на территории нынешней Италии в 1861 г. Альтернативой предлагалось Министерство образования. Принятое в 1874 г. итальянскими законодателями решение базировалось на необходимости гарантировать сохранение государственных и других секретов, содержащихся в архивных документах.

В 1975 г. управление архивами наряду с музеями и библиотеками было возложено на Министерство наследия культуры и окружающей среды (Ministero dei beni culturali e ambientale), которое с передачей в его ведение театра и спорта в 1998 г. стало называться Министерство культурного наследия и культурной деятельности (Ministero per i beni e le attività culturali). В его структуре действует Департамент архивного дела и библиотек (с функциями определения бюджета, планирования, координации исследований, международного сотрудничества). В составе департамента – две генеральные дирекции: архивов, а также библиотек и культурных учреждений.

Последний закон о культурном наследии и ландшафте от 2 мая 2004 г. относит все архивные документы, принадлежащие правительственным и другим государственным учреждениям, а также находящиеся в частных коллекциях и имеющие особое историческое значение, к «культурному наследию». В основе данного определения лежит 130-летний опыт развития, сохранения и использования архивов.

Важно знать, что правительство Италии контролирует деятельность как государственных, так и негосударственных архивов. Согласно административно-территориальному делению, страна состоит из 20 областей, которые в свою очередь разделены на 103 провинции и множество муниципалитетов, управляемых собственными правительствами. В каждой провинции существует государственный архив, выполняющий функцию местного отделения Министерства культурного наследия и культурной деятельности. Как только созданный национальным правительством документ утрачивает свою юридическую силу, он передается на хранение в Центральный государственный архив (Archivio Centrale dello Stato), находящийся в Риме.

Сеть архивных учреждений Италии включает кроме Центрального архива и 99 государственных архивов 35 городских субархивов, содержащих наиболее важные комплексы документов по истории этих городов. И хотя они не имеют административной самостоятельности и подведомственны государственному архиву, находящемуся в столице провинции, но считаются самостоятельными хранилищами. В качестве примера можно привести

* В основе статьи – выступление на Международной конференции «Роль архивов в документировании частной и общественной жизни в XXI в.» (Флоренция, январь 2006 г.).

архивы городов Ассизи, Фолиньо, Губио и Сполето, подчиненных Государственному архиву в г. Перуджи – столице области Умбрия. Архивы городов, провинций и областей, а также государственных учреждений являются всеобщим достоянием и потому не подлежат продаже. В соответствии с установленным порядком архивные документы должны быть систематизированы и описаны, а источники, с момента создания которых прошло более 40 лет и составляющие историческую часть архивов, обязаны иметь научно-справочный аппарат.

Государственные архивохранилища содержат не только документы, созданные учреждениями современной Италии или существовавших ранее на ее территории герцогств, королевств, городов и республик. В них также хранятся архивы большого числа религиозных учреждений, подвергавшихся гонениям в XVIII и XIX вв., частных и государственных организаций, госпиталей, фирм, а также родовые и личные архивы. Они поступают в государственные архивы на временное хранение, приобретаются или дарятся.

В Италии, как и в ряде других стран, не все государственные структуры передают образовавшиеся в их деятельности документы в госархивы. Так, собственные исторические архивы имеют Министерство иностранных дел, Парламент, Палата представителей, Сенат Итальянской Республики, канцелярия президента и Конституционный суд. До недавнего времени, пока не был отменен обязательный призыв в армию, Министерство обороны передавало списки призывников в Центральный государственный архив, но с переходом к контрактной системе формирования Вооруженных сил отказалось от этой практики. Сейчас большинство документов Министерства обороны хранится в Исторических ведомствах (*Uffici storici*) генеральных штабов Итальянской армии, Морских и Военно-воздушных сил.

Государственные архивы хранят и документы местных правительств, существовавших до объединения Италии. Так, в Государственном архиве во Флоренции находятся документы правителей флорентийского города-государства начиная с XIII в. Здесь также находятся материалы герцогства Тосканы (с 1569 г. Великое герцогство), которое управлялось представителями династии Медичи до 1737 г., а затем до объединения Италии – домом Габсбургов-Лотарингских.

Хотя сохранность документов давно ушедших эпох остается первостепенной задачей государственных архивов, они комплектуются и документами органов государственного управления, которые поступают сюда по истечении 40 лет с момента создания.

Контроль за комплектованием и созданием необходимого научно-справочного аппарата архивов ведут наблюдательные советы, существующие при отделениях государственной администрации. В наблюдательный совет входят представители администрации, государственного архива и Министерства внутренних дел, который следит за обеспечением сохранности конфиденциальной информации, заключенной в архивных документах. Таким образом, после передачи архивов в ведение Министерства наследия культуры и окружающей среды ведомство внутренних дел сохранило за собой контролирующие функции над конфиденциальной документацией. В обязанности наблюдательного совета входят: надзор за правильным ведением и хранением текущих архивов органов управления; оказание помощи их хранителям в определении организационных и административных критериев отбора; переда-

ча документов в государственный архив; определение документов ограниченного доступа, содержащих конфиденциальную информацию.

Центральный аппарат каждого министерства разрабатывает классификационные схемы и руководства по хранению документов для архивов центральных и местных учреждений своей системы, что обеспечивает единую организацию архивов различных секторов государственного управления. Классификационные схемы определяют структуру и организацию архива в соответствии с направлениями деятельности каждого подразделения, создающего определенные документы, а руководства по хранению устанавливают состав документов, имеющих историческое значение и подлежащих передаче на постоянное хранение, сроки хранения остальной управленческой документации до ее уничтожения.

Документы передаются в государственный архив, в том числе на постоянное хранение, после проведения их предварительного отбора. Наблюдательные советы получают разрешение на уничтожение документов от Генеральной дирекции архивов. При подготовке предложений по выделению документов к уничтожению используются номенклатуры дел и руководства для хранителей, разработанные центральными ведомствами. К сожалению, в связи с тем, что эти руководства быстро устаревают, наблюдательные советы часто устанавливают свои критерии, с учетом необходимости сохранения особо важных исторических документов и нехватки хранилищ. Даже в архивах государственных учреждений документы периодически выделяются к уничтожению, которое санкционируется 19 архивными управлениями (суперинтендантами), функционирующими на правах агентств Министерства культурного наследия и культурной деятельности, одновременно находясь под областной юрисдикцией. Отбор к уничтожению документов – жестокая необходимость, часто вызывающая сомнения и проблемы у архивистов.

Во всех архивах к услугам исследователей и специалистов созданы научные библиотеки, но лишь некоторые (наиболее крупные) архивы имеют свои реставрационные лаборатории. В большинстве случаев архивные документы реставрируются частными специалистами на контрактной основе. Примерно 40 архивов (или более трети всех архивов) имеют лаборатории для копирования материалов. При 17 государственных архивах в столицах областей действуют школы архивного дела, палеографии и дипломатики.

Одной из сложнейших проблем деятельности архивов является доступ к документам. С одной стороны, итальянская Конституция гарантирует свободный доступ к информации и свободу исследований, с другой – охрану конфиденциальной информации. Соблюдение основного принципа итальянского законодательства – объективность и прозрачность административных актов – обуславливает предоставление гражданам для защиты их законных интересов доступа к документам, относящимся к деятельности государства и государственных учреждений, при условии некоторых четко определенных исключений. Таким образом, документы в государственных учреждениях, ведомственных архивах и депозитариях доступны для граждан с учетом установленных правил и сроков их выдачи.

Доступ к документам государственных архивов еще проще. Исключение составляют документы, содержащие конфиденциальные сведения: о внутренней и внешней политике государства (открыты для исследования через 50 лет после их создания); касающиеся лиц, привлекавшихся к суду по уголовным

преступлениям (доступны по истечении 40 лет); затрагивающие здоровье, интимные и семейные отношения частных лиц (открыты по истечении 70 лет).

Законом предусмотрены исключения по предоставлению архивных документов для исторического исследования. Так, Министерство внутренних дел может санкционировать досрочное предоставление документов, согласовав этот вопрос с директором государственного архива, в котором они хранятся, и Консультативным советом по вопросам, касающимся документов ограниченного доступа. Такие ограничения относятся не только к хранящимся в государственных архивах и имеющим историческое значение личным фондам, но и к ведомственным архивам, депозитариям государственных учреждений, органов законодательной и исполнительной власти.

Одним из основных направлений деятельности государственных архивов является создание научно-справочного аппарата, включая описи, путеводители и каталоги, а также изучение истории фондообразователей.

Италия активно участвует в разработке проблемы популяризации архивов. Существует множество проектов публикации в Интернете описаний хранящегося в государственных архивах наследия. Один из них – «Путеводитель по Государственному архиву Флоренции», доступный в режиме онлайн на веб-сайте (www.archiviodistato.firenze.it). Основным источником информации о составе документов государственных архивов является «Общий путеводитель по итальянским государственным архивам» в четырех томах, которые выпускались с 1981 по 1994 г. Он также доступен в режиме онлайн на веб-сайте (www.archivi.beniculturali.it).

Особо следует сказать о негосударственных архивах, хранящих документы частных и государственных учреждений, родов, игравших важную роль в социально-политической истории Италии, частных лиц, фирм, политических партий, союзов, ассоциаций и т.д. Надзор за ними, и в первую очередь архивами итальянских муниципалитетов, возложен на архивные управления (суперинтендантства). Города Италии являлись независимыми институтами местного управления со средневековья и играли главную роль в истории страны, это ярко подтверждают архивные документы, которые в них создавались и до сих пор хранятся.

Категория частных архивов многочисленна и разнообразна. Она наиболее трудно поддается контролю. В этом случае государственный интерес в обеспечении доступа и сохранности документов ограничен правом собственности на них. Важным юридическим инструментом в деле обеспечения сохранности частных архивов является закон о культурном наследии и ландшафте, обязывающий собственника выполнять защищающие государственные интересы правила.

Согласно действующему законодательству, некоторые частные архивы, имеющие особое историческое значение, наряду с государственными и ведомственными архивами относятся к категории культурного наследия. Этот статус может присваиваться архивным управлением (суперинтендантством). После установления исторической ценности архива суперинтендант издает официальную декларацию о культурном значении архива и направляет ее владельцу или куратору. Апелляцию на данное решение можно подать в течение 30 дней после получения извещения.

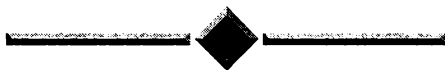
Частные архивы, историческая ценность которых в ходе проверки не установлена, не принадлежат к культурному наследию, и к ним, соответст-

венно, не применяются защищающие правила. Суть последних в том, что фонды и документы не должны уничтожаться, использоваться с риском для их сохранности, а также распыляться. Владельцы архивов, имеющих культурное значение, обязаны их систематизировать и описать. Любое уничтожение документов этих архивов должно санкционироваться суперинтендантом. Министерство культурного наследия и культурной деятельности в отдельных случаях может выделять средства на описание и реставрацию документов частных архивов и архивов госучреждений с целью их сохранности и доступа к ним исследователей.

Частные владельцы и государственные учреждения, которые не в состоянии гарантировать сохранность и доступ к своим архивам, могут сдать их на временное хранение в государственный архив, не утрачивая при этом права собственности. Важно при этом отметить, что частные владельцы архивов, имеющих историческую и культурную ценность, обладают правом продать или подарить их, проинформировав суперинтенданта.

В случае продажи архива, имеющего историческое или культурное значение, в течение двух месяцев Министерство культурного наследия и культурной деятельности имеет приоритетное право приобрести его за ту же цену и разместить в местном государственном архиве. Если министерство отказывается, область, провинция или город могут заявить о своем праве на приобретение документов.

Перевод с английского М.И. Осекиной

Как гармонизировать интересы пользователей и хранителей документов: размышления исследователей и архивистов

Поводом для обсуждения этого вопроса послужили два события: заседание коллегии Росархива в марте и читательская конференция в РГАЭ в июне. Коллегия рассмотрела вопрос о работе федеральных государственных архивов по организации копирования архивных документов по запросам пользователей и по договорам в 1998 – первой половине 2005 г. – важной составляющей в удовлетворении потребностей граждан, общества, государства в ретроспективной информации. Были отмечены факторы как положительные: значительное укрепление федеральных госархивов копировально-множительной и другой техникой за счет средств ФЦП «Культура России (2001–2005 годы)», сведение в скором времени на нет субъективизма в слу-

чаях отказа пользователю в выдаче документов по причине их неудовлетворительного физического состояния (проект Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях, библиотеках, организациях РАН требует теперь от архивиста назвать исследователю ориентировочные сроки получения документов), так и негативные: продолжительные сроки исполнения заказов на копирование, невысокое качество ксерокопий и, что немаловажно, разброс цен на эту услугу, причем на порядок (от 3 руб. 77 коп. за лист формата А4 в РГИА ДВ до 30 руб. в РГАЛИ). Коллегия рекомендовала директорам федеральных государственных архивов «использовать опыт ГАРФ по организации участка копирования архивных документов в читальном зале архива».

Конференция архивистов и пользователей документов, состоявшаяся в читальном зале архивного городка в Москве по Б.Пироговской улице, где в одном помещении работают исследователи и ГАРФ, и РГАЭ, была обусловлена грядущими переменами в сфере пользования документами. Так, в РГАЭ закрывается доступ к документному комплексу оборонного характера объемом почти 18 тыс. дел до завершения тотальной проверки наличия, вдвое уменьшится количество выдаваемых исследователям дел (пять вместо десяти), вводится полистный просмотр каждого возвращаемого читателем дела, сохраняется запрет на применение личных цифровых фотокамер для самостоятельного копирования документов. Изменения вводятся в связи с вскрывшимся в конце прошлого года хищением 103 документов на 221 листе из 34 дел оборонных ведомств. По мнению архивистов, часть этих документов не представляла коллекционной ценности и была вырвана из дел для того, чтобы «исследователю» не тратить время на их переписывание (хищение произошло в другом здании архива, на ул. Профсоюзной, где не было возможности для копирования посредством оргтехники).

В ходе обсуждения архивисты говорили о слабых местах в сфере использования: в читальном зале РГАЭ работают всего два человека; средства, выделяемые на микрофильмирование, ничтожно малы и позволяют отснять 600–700 дел в год; в архив подчас приходят пользователи с низкими моральными качествами.

Исследователи, со своей стороны, подняли вопросы назревшего увеличения штатов в читальном зале, широкой оцифровки документов, рекомендовали разрешить пользование собственными цифровыми камерами, приводя в пример Политехнический музей, упростить процесс копирования, ссылаясь на опыт РГБ, не завышать плату за копии.

Редакция предлагает взглянуть на работу федеральных архивов, в первую очередь ГАРФ, а также РГАЭ, их читального зала, со стороны – глазами исследователей из Германии и США, представляет комментарии самих архивистов.

Цифры, факты

В 1998–2004 гг. в ГАРФ работали 13 074 российских и 1709 зарубежных пользователей, по их заказам выполнено соответственно 184 955 и 102 890 копий документов. Подобная тенденция характерна и для других федеральных госархивов. Общее число зарубежных пользователей в них составило 12 %, а количество изготовленных копий – около 35 %.

В ГАРФ имеется возможность изготавливать практически все виды копий документов: ксеро-, фотокопии (черно-белые и цветные) различного формата, микрокопии на 16, 35 и 70-миллиметровой пленке, цветные и черно-белые слайды (издательские и демонстрационные), сканированные образы, видео-, кино- и аудиоконии. Разрешение на копирование дает заместитель директора – руководитель центра использования документов, для особо ценных и уникальных документов – по согласованию с заместителем директора – руководителем центра обеспечения сохранности документов.

В большинстве федеральных архивов (кроме РГАЭ, РГАЛИ) расценки на копирование документов для иностранных пользователей выше, чем для российских граждан, в среднем в 2–3 раза. В ГАРФ, РГАДА, РГВИА, филиале РГАНТД граждане стран СНГ приравнены по оплате копий к российским гражданам. Денежные средства взимаются с физических лиц через бухгалтерию архива и/или через Сбербанк (Казначейство), с юридических лиц – со счета на счет (безналично) в соответствии со сложившейся практикой проведения финансовых операций.

Мартин Байсвенгер, Университет Норт-Дам, США: В Государственном архиве Российской Федерации я работаю с большим удовольствием каждый день уже в течение нескольких месяцев. Тема моей диссертации – биография Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), главного идеолога Евразийского движения. В ГАРФ хранится основная часть его личного фонда, поэтому для меня чрезвычайно важно работать в этом архиве. Общий объем фонда Савицкого велик и составляет свыше 500 ед. хр. Пока мой опыт личного общения с ГАРФ был исключительно положительным. Меня устраивает режим работы архива, в частности то обстоятельство, что он не перешел на сокращенный летний график и что можно заказывать одновременно большое количество микрофильмированных дел.

Всегда доброжелательные заведующая залом Нина Ивановна Абдулаева и сотрудники архива с высоким профессионализмом принимают и обрабатывают мои объемные требования. К сожалению, описи фонда Савицкого дают весьма общую информацию о содержании дел, поэтому мне приходится заказывать и изучать одновременно большое количество дел, чтобы самостоятельно выстроить хронологическую последовательность. Я очень благодарен сотрудникам архива за содействие.

Также положителен мой опыт заказа ксерокопий документов: я получал их в срок и хорошего качества. Есть лишь одно пожелание: оплачивать копировальные работы в стенах архива, не занимаясь поисками отделения Сбербанка. Такое изменение особенно приветствовали бы иностранные исследователи, которым процедура оплаты кажется довольно сложной.

Рабочая обстановка в читальном зале ГАРФ очень хорошая. Особенно важна, с моей точки зрения, возможность пользоваться портативным компьютером с подключением в сеть. К сожалению, не все исследователи соблюдают установленный (и официально объявленный) запрет на пользование сотовыми телефонами в читальном зале, что временами крайне затрудняет сосредоточенную работу над документами. Вероятно, дисциплина в читальном зале могла бы соблюдаться лучше, если бы ее нарушителям грозили какие-либо санкции.

В сравнении с другими архивами, в которых мне пришлось работать, как в Чехии (Национальный литературный архив), так и в США (Бахметевский архив при Колумбийском университете, Нью-Йорк), условия работы в ГАРФ в целом соответствуют международному уровню.

Марко Думанчич, Университет Северной Каролины в Чапел Хилле, США: Я посещаю ГАРФ уже не первый год и признаюсь, что использование ресурсов архива является для меня по-настоящему полезным и приятным опытом. Есть несколько вещей, которые особенно нравятся мне и моим коллегам. Среди них обязательно нужно упомянуть тот факт, что иностранные аспиранты могут пользоваться ресурсами архива бесплатно, что немаловажно. Это тем более приятно, поскольку качество оказываемых работниками архива услуг находится на высоком уровне. Особо стоит отметить следующие моменты: в архиве трудятся очень квалифицированные специалисты, и в первую очередь Нина Ивановна Абдулаева, которые всегда готовы и рады помочь и могут дать профессиональный совет; заказанные документы приходят в срок, несмотря на то что в течение года ресурсами архива пользуются одновременно несколько десятков человек; пользователям выдаются именно те документы, которые они заказывают, т.е. архивисты не допускают ошибок в своей работе, а сами документы всегда находятся в отличном состоянии; гибкий график работы читального зала позволяет одновременно использовать другие архивы города; в помещениях всегда убрано и очень чисто.

В то же время в целях улучшения работы хочу сделать несколько предложений. Как известно, самое главное для исследователя – это время. Чтобы использовать его более эффективно, как мне кажется, было бы удобно оплачивать услуги по копированию документов на месте, т.е. в архиве, поскольку приходится тратить много времени на дорогу в банк. Это особенно желательно в связи с тем, что иностранные пользователи обычно заказывают копии документов уже на завершающем этапе исследовательской работы, когда весьма ограничены во времени.

Другим способом более эффективного использования времени может стать сокращение периода поиска затребованных дел. Как известно, сейчас на выполнение заказа уходит 2–3 дня, однако если бы можно было ограничить срок до двух дней, это значительно ускорило бы нашу работу. Это особенно необходимо тем аспирантам, которые пользуются фондами только ГАРФ. Мой предыдущий опыт показывает, что летом число исследователей в читальном зале увеличивается, и в то же время очень часто именно те, кто посещает архив летом, весьма ограничены во времени, поскольку им отводятся лишь эти месяцы на работу в архиве. Поэтому, может быть, именно в этот период полезно введение двухдневного срока выдачи документов.

Но в любом случае, я хочу еще раз отметить тот факт, что работа ГАРФ находится на высоком уровне и может легко конкурировать с государственными американскими архивами.

Стивен Брейн, Калифорнийский университет, Беркли, США: В данный момент я работаю над диссертацией в области европейской истории. Мое исследование посвящено истории советского лесного хозяйства.

Я проработал в ГАРФ и РГАЭ более года и за этот период никогда не сталкивался с какими-либо значительными проблемами. Коллекции федеральных государственных архивов в Москве невероятно богаты. Здесь име-

ется значительно больше интересных для меня документов, чем я смог бы прочитать за время моего пребывания в России. Я очень благодарен администрации и сотрудникам архива за их помощь, без которой не смог бы даже начать работу над темой.

Хотел бы упомянуть отдельных людей и некоторые обстоятельства, которые мне существенно помогли. Когда начал заниматься в архиве, то заказал десять дел из одной коллекции в РГАЭ (максимум, который можно было тогда запросить в день). Оказалось, что эти десять дел очень большие, поэтому меня направили работать с ними в рабочую комнату при хранилище. Это был удивительный случай. Архивисты, работающие в хранилище, обладают детальнейшими знаниями о составе фондов. Помимо этого, люди, с которыми мне довелось работать, а именно: Мария Валентиновна Власова, Марина Владимировна Гуськова, Евгений Иванович Цивадиц, были очень доброжелательны и всегда готовы прийти на помощь. Они помогли мне понять структуру фонда, и в тех случаях, когда я ошибался или заказывал дела, не содержавшие полезной информации по теме, очень быстро приносили следующее дело по представленному мной списку. Иногда они находили время, чтобы пригласить меня на чашку чая после обеда и поговорить об истории и жизни в России. К тому же в то время в хранилище также работали два исследователя из российских университетов. Я был рад возможности общаться с ними во время обеда и сравнивать мои записи. В целом мне показалось очень удобным и полезным заниматься при хранилище, и я был разочарован, когда правила изменились и я более не мог там работать.

Еще хотел бы упомянуть Галину Ивановну Соловьеву, начальника отдела личных фондов РГАЭ. Спросив меня о моей теме, она поинтересовалась, использую ли я какую-либо информацию из личных фондов. Когда я ответил отрицательно, она сказала, что это ошибка, и вспомнила, что некоторые из личных фондов принадлежат известным советским лесничим и административным чиновникам лесного хозяйства. Она провела небольшое исследование, чтобы подтвердить эти сведения, и затем предоставила мне краткий список фондов лесничих, переданных в РГАЭ после их смерти. Эти фонды оказались невероятно полезны. Они отразили личностный взгляд на те события, которые я исследовал по фондам учреждений, и более того, привнесли личные оценки тех событий, которые в основных фондах отсутствовали. Для моего исследования этого оказалось достаточно, но Галина Ивановна всего несколько дней назад, встретив меня на выходе из архива, с энтузиазмом сообщила, что поступили документы еще одного выдающегося советского лесничего, и предложила взглянуть на эту коллекцию. Без сомнения, здесь также найдется интереснейшая информация. Каждый раз, когда я благодарю Галину Ивановну за ее неоценимую помощь, она отвечает, что помощь исследователям сама по себе является для нее лучшей благодарностью.

К сожалению, многие из содержащихся в архивах удивительных секретов, которые проливают свет на истинный ход российской истории, могут так и остаться скрытыми от исследователей, если те не найдут возможность лично пообщаться с архивистами и заведующими отделами архива. Для меня наиболее полезными были именно результаты личных встреч с экспертами архива. Я понимаю, что это не всегда возможно в больших государственных архивах, но если бы администрация архива могла сделать такое взаимодействие более регулярным, она бы оказала огромную услугу иностранным исследователям.

Александр Шейнгайт, Университет Констанц, Германия: С ноября 2004 г. я работаю в ГАРФ, а также в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Условия работы в этих федеральных государственных архивах России я попытаюсь сравнить с работой в федеральном Военном архиве (г. Фрейбург, Германия) (Bundesarchiv).

Прежде всего нужно сказать, что в Германии, как и в России, действуют архивы различных региональных и ведомственных структур. Федеральные немецкие архивы соответствуют федеральным государственным архивам Российской Федерации. Имеются также земельные архивы (Landesarchiv), которые примерно соответствуют республиканским и краевым архивам России. На третьем уровне общественных архивов находятся городские архивы (Stadtarchiv). Кроме того, в Германии значительное число частных архивов (например, семейные), а также архивов различных фирм и предприятий (как пример можно назвать фирму Сименс (Siemens)).

Доступ в общественные архивы (т.е. в федеральные, земельные и городские) является свободным, а в частные – ограничен. Обычно архивы работают с понедельника по пятницу. Военный архив предоставляет читальный зал для работы исследователей с 8 до 18 час. (в пятницу до 16 час.).

Как и в российских архивах, для работы в немецких архивах нужно рекомендательное письмо (прошение) с указанием темы и ее хронологических рамок. В Военном архиве г. Фрейбурга надо также заранее резервировать место для работы в читальном зале, поскольку количество рабочих мест относительно небольшое. Существенным отличием от российских архивов является свободный доступ к описям фондов. Засекреченных фондов и дел по истечении 30-летнего срока хранения нет, и, как правило, все документы государственных учреждений становятся доступными исследователям.

В Военном архиве г. Фрейбурга возможно заказать максимально 15 дел, которые обычно приходят на следующий день.

Большое количество фондов ГАРФ и значительное число исследователей вполне оправдывают ограничение заказа девятью делами и его выполнение в течение двух дней. РГАСПИ работает три раза в неделю, и заказ обычно готов на следующий день. К сожалению, часть фондов ГАРФ и РГАСПИ закрыта или находятся на рассекречивании. В некоторых доступных фондах РГАСПИ имеются засекреченные дела (например, Сталина, Ежова и т.д.). «Тайны» сталинского времени, по-видимому, символизируют определенные проблемы в процессе демократизации российского общества.

Что касается ксерокопирования документов, то следует сказать, что одна копия в Военном архиве г. Фрейбурга стоит между 15 (с микрофильмов) и 42 (обычные документы) центами. Количество возможных ксерокопий не ограничено. Срок изготовления зависит от объема заказа и может длиться несколько недель.

Несмотря на вышеупомянутые проблемы, мой опыт работы в российских архивах можно назвать положительным. Архивные работники компетентны и доброжелательны.

Поскольку архив является средоточием не только прошлого, но и будущего страны, остается надеяться, что российское государство поставит когда-нибудь архивное дело России на качественно новую финансовую основу, начиная с зарплаты работникам архива и заканчивая выпуском путеводителей и описей.

Лариса Александровна Роговая, заместитель директора ГАРФ: Приятно, что работе ГАРФ с исследователями дана положительная оценка. Безусловно, это прежде всего заслуга сотрудников читального зала, которые первыми встречают исследователя. От их компетентности, профессионализма и доброжелательности зависят отношения архива и пользователя. Помочь исследователю найти нужный документ и с максимальной отдачей использовать время работы в читальном зале – основная задача сотрудников архива, с которой, судя по отзывам, они в целом справляются.

Конечно, в наших фондах значительно легче ориентироваться российским исследователям: они обладают более глубокими знаниями по отечественной истории, им легче работать в читальном зале с микроформами, отсутствует языковой барьер. Мы учитываем эти обстоятельства при работе с зарубежными историками. В архиве сложилась практика консультаций по составу и содержанию документов. В помощь сотрудникам читального зала приглашаются специалисты из отделов информационно-поисковых систем и использования, хранители фондов. Такое личное общение, как справедливо отметил один из опрошенных Вами аспирантов, имеет огромное значение.

Кроме того, в распоряжении исследователя находится вся существующая в архиве система научно-справочного аппарата: это и шеститомный Путеводитель по фондам ГАРФ, и традиционные каталоги, картотеки, указатели – все, что позволяет оперативно найти необходимые сведения. В архиве созданы специальные базы данных, часть из них сопровождается электронными образами документов. Исследователи имеют доступ к этим базам данных в специальном компьютерном центре и в читальном зале. Мы уверены, что будущее – за созданием электронных баз данных. Это не только решит проблему сохранности документов, но и позволит значительно расширить доступ исследователей к ним.

Основным справочником в ГАРФ, как и в любом другом архиве, являются архивные описи. От их состояния во многом зависит возможность быстрого и эффективного поиска необходимой информации. Результаты продолжающейся в течение нескольких лет работы по переводу описей в электронный формат – а сегодня это более 1,3 млн заголовков дел – по мере их обработки также становятся доступными пользователям в читальном зале и позволяют искать информацию в значительном количестве фондов. Приоритет был отдан описям, содержащим наиболее ценные сведения и вызывающим наибольший интерес.

На протяжении нескольких лет в ГАРФ сохраняются минимальные цены на изготовление копий для исследователей. Это твердая позиция руководства архива. Причем расценки одинаковы для всех граждан: и из России, и из СНГ, и из более далеких стран.

В отношении необходимости применения более жестких мер к нарушителям режима в читальном зале. Надеюсь, что это не потребуется. Недавний запрет на пользование мобильными телефонами и несанкционированное пользование фотоаппаратурой в целом воспринят с пониманием. За последние две недели нарушений этого правила не было отмечено.

Мы понимаем, как неудобно читателям оплачивать заказ на ксеро- или микрокопии в банке. Это неудобно и для сотрудников архива, которые даже на 3–5 листов копий выписывают в трех экземплярах счета-фактуры, подписывают у главного бухгалтера и директора или его заместителя. Возможно, эту проблему могли бы решить Росархив или Минкультуры.

Сергей Иванович Дёгтев, заместитель директора РГАЭ: Архив проводит большую работу по вводу в научный оборот прежде секретных архивных фондов. За последние 15 лет у нас рассекречено свыше 300 тыс. архивных дел. Администрация архива ориентирована на создание наиболее благоприятных условий для новых научных изысканий отечественных и зарубежных исследователей.

В последние годы между архивистами и исследователями сложилось понимание общности целей и задач. Конструктивное взаимодействие укрепило доверие научного сообщества к хранителям документов. Многие исследователи работают в РГАЭ постоянно, знакомы друг с другом годами. Это касается и пользователей, которые занимаются вместе в читальном зале, и специалистов архива, которые принимают посетителей и консультируют их. Научных сотрудников, преподавателей и архивистов сближают характер и профиль труда, уровень образования и заработной платы, преданность своему делу.

В то же время сотрудники РГАЭ впервые в истории своего учреждения столкнулись с особо жестоким, циничным и прагматичным отношением к документальному отечественному наследию, поступившему на постоянное хранение. Частичная или полная утрата письменных документов и фотографий из нескольких десятков архивных дел по истории оборонной промышленности, авиапроизводству, танкостроению, производству вооружений и новых видов военной техники была обнаружена во время плановой проверки часто используемых фондов.

Проведенный в РГАЭ анализ поставил перед коллективом ряд сложных вопросов. Каковы истинные масштабы утрат документов? Как предотвратить случаи вандализма в отношении источников ретроспективной информации и сохранить документы для потомков? Каким должен быть комплекс мероприятий по упорядочению работы читальных залов?

Прежде всего было решено обеспечить неукоснительное соблюдение нормативно-методических документов, регламентирующих деятельность архива в области предоставления документов различным категориям пользователей, упорядочить контроль за работой пользователей в читальных залах, проверить все 18 тыс. дел архивных фондов отраслей оборонного комплекса. Росархив согласился с предложением РГАЭ не выдавать пользователям в 2006 г. документы рассекреченных частей архивных фондов министерств, ведомств и организаций оборонного профиля с целью проведения в полном объеме полистной проверки дел указанных фондов, выданных в 1995–2005 гг. из хранилища РГАЭ в здании на ул. Профсоюзная, 82.

В дальнейшем при планировании и организации работ по использованию документов будут учитываться реальные возможности архива по обеспечению выдачи документов из архивохранилищ в соответствии с нормативными требованиями. Этим объясняется сокращение количества выдаваемых пользователям дел с бумажной основой с десяти до пяти единиц. Уже в 2007 г. в читальном зале будет установлена система видеонаблюдения, приобретена копировально-множительная техника.

Подготовила **Т.И. Бондарева**

«Позволено... учредить в городе... пансион»
Документы Национального архива Республики
Татарстан по истории частных учебных заведений
в Поволжье. Конец XVIII – начало XIX в. *

Кризис советской системы образования и коренное ее реформирование на рубеже XX–XXI вв. в России привели к возвращению вариативных моделей обучения, существовавших в нашей стране в имперский период. Среди инновационных учебных заведений – негосударственные школы и вузы. Их становление и развитие требуют обращения к отечественному опыту школьного строительства.

Комплексного исследования частных учебных заведений России не предпринималось, хотя отдельные аспекты темы нашли освещение в литературе¹. Особый интерес представляют работы Л.М. Артамоновой² и С.В. Сергеевой³. Первая посвящена изучению школьной реформы Екатерины II как системообразующего явления социальной и культурной жизни России, и прежде всего провинции. Во второй освещаются становление и развитие частного образования в России до середины 70-х гг. XVIII в., правительственная политика в этой области в последней трети XVIII – первой половине XIX в.

Кроме того, имеются исследования по отдельным частным учебным заведениям, как столичным, так и провинциальным⁴, проблемам женского образования в целом и воспитания девиц в негосударственных школах в частности⁵. Поскольку частные учебные заведения были ориентированы на представителей привилегированных слоев российского общества, в первую очередь дворянства, не последнее место в историографии проблемы занимают работы о дворянской усадьбе и семье, психологии российского дворянства⁶, истории педагогики⁷, деятельности отдельных персон⁸.

Характерной чертой историографии является вывод о незначительной роли частных пансионов и школ в культурной жизни провинции, их плохом состоянии, примитивном и низком уровне образования. Он основан на мемуарах бывших воспитанников или людей, «наслышанных» об этих учебных заведениях, т.е. базировавшихся на распространенных в провинциальном обществе слухах. Разрозненные сведения об отдельных пансионах переносились на всю их совокупность. Для ломки подобных представлений необходимо изменить методику исследования. Наиболее продуктивным нам видится использование микроисторического анализа⁹ применительно к частным школам и пансионам. Он заключается в написании истории множества негосударственных учебных заведений, что позволит выявить их общность и специфику, показать взаимосвязь пансионов и школ внутри региона, сделать выводы о значении этого типа учебных заведений в культурной жизни российской провинции и страны в целом.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы «Развитие социальных исследований образования в России» Европейского университета в Санкт-Петербурге, грант № 02П-033.

Одним из первых частных учебных заведений в России была созданная в 1703 г. при личном участии Петра I гимназия Эрнста Глюка в Москве. Большинство частных учебных заведений давало элементарное образование. Как правило, здесь приходящих детей обучали чтению, письму и счету, а учителями выступали представители посада и духовенства. Такие школы могли быть закрытыми и служили не только «для преподавания учения, но вместе с тем и для содержания и вообще для воспитания учеников»¹⁰. Они назывались пансионами. В них, в отличие от школ, преподавался более широкий круг предметов. Среднее образование в начале XVIII в. было представлено «разноязычными немецкими школами», латино-итальянской школой, основанной братьями Лихудами, эллино-греческой школой. Эти учебные заведения, возникавшие по частной инициативе, не пользовались правительственной поддержкой, «были очень недолговечны и не могли представить прочной основы для создания системы среднего образования»¹¹.

В пределах будущего Казанского учебного округа (КУО) частные пансионы возникли рано, в значительной степени восполняя отсутствие достаточной правительственной инициативы в деле распространения народного просвещения для детей привилегированных классов. Так, в оренбургском пансионе ссыльно-каторжного (!) немца Розе учился Г.Р. Державин¹²; в пансионе французского мещанина, учителя французского языка казанской гимназии Карла Манжена получил образование будущий попечитель Московского учебного округа М.Н. Муравьев¹³; в симбирских пансионах Кабрита и Фовеля проходили курс наук будущие министр юстиции И.И. Дмитриев¹⁴ и историограф Н.М. Карамзин¹⁵; в казанском мужском благородном пансионе немца М.Б. Вюльфинга¹⁶ – Г.П. Каменев, впоследствии видный представитель русского предромантизма, поэт, переводчик и прозаик¹⁷.

В результате реформы образования 1803 г. учебные заведения были объединены в округа по территориальному признаку. Каждый учебный округ имел свои особенности, которые отражались на системе образования в регионе. Однако наличие единой законодательной базы, общих учебных программ и методов обучения позволяет рассматривать отдельно взятый округ как модель для изучения не только государственной школьной системы, но и системы частного образования.

На протяжении всей первой половины XIX в. КУО был одним из самых обширных. Он охватывал восточно-европейскую и азиатскую (Урал, Сибирь) части России, в его состав входили 14 из 50 губерний (к 1835 г. – 9) с многонациональным населением, принадлежавшим к различным религиозным конфессиям. Особенностью округа была также социально-экономическая неоднородность.

В 1804 г. по количеству частных учебных заведений лидировали столицы. Из 88 частных пансионов империи 46 (52 %) с 1529 учащимися (74 %) были в Санкт-Петербургском (24) и Московском (22) учебных округах. На втором месте стояли западные учебные округа – Виленский (19) и Дерптский (17) с 431 учащимся. Самыми немногочисленными по количеству частных пансионов были Казанский и Харьковский учебные округа (5 и 1 соответственно). В казанских пансионах обучались 88, в харьковском – 26 человек¹⁸.

К 1824 г. количество частных учебных заведений возросло до 274. В Казанском учебном округе насчитывалось 6 частных школ и пансионов, что составляло 2 % от всех негосударственных школ России¹⁹ и 4 % от учебных заведений этого округа. По сравнению с 1819 г. количество частных учебных заведений округа сократилось за счет мужских пансионов. Это отразилось на численности учащихся. Если в 1819 г. в негосударственных школах и пансионах получали образование 3 % от общего числа учащихся округа, то к 1824 г. – только 1 % (68 из 6416). Параллельно численность учащихся в государственных школах округа по сравнению с 1817 г. возросла более чем в 1,5 раза,

а в частных учебных заведениях сократилась почти в 3 раза²⁰. Усилилась тенденция преобладания в сфере частного образования учебных заведений для представительниц женского пола. Это было обусловлено не только мерами, инициированными попечителем округа, но и постепенным укреплением позиций государственной школьной системы, в которой отсутствовала массовая школа для девочек.

Первые правительственные распоряжения, направленные на регулирование сферы частного образования, появились во второй половине XVIII в. По указу 1757 г. «находящихся как в С.Петербурге, так и в Москве в партикулярных домах иностранных наций учителей в их науках всех свидетельствовать и экзаменовывать в С.Петербурге в Десианс-Академии, а в Москве в Императорском университете, а без того свидетельства и аттестата не принимать и не иметь, и до содержания школ не допускать и проч. под опасением не упустительного штрафа, а именно: тем, которые их без аттестата примут, за каждого по сту рублей, а тех учителей, кто без аттестатов школы иметь будет, выслать за границу»²¹. Этот указ неоднократно повторялся впоследствии с разными модификациями.

5 августа 1786 г. был утвержден Устав народным училищам в Российской империи, завершивший законодательное оформление школьной реформы Екатерины II. Приложение № 8 к Уставу содержало «Наказ содержателям домашних училищ и учителям, имеющим у себя воспитанников». Частные учебные заведения переходили под учебно-методический контроль Приказов общественного призрения. Все формы этого контроля подробно излагались в Наказе²².

Правительство Александра I поощряло частную инициативу, так как пансионы восполняли недостатки государственной системы образования: отсутствие элитных школ, школ для девочек и иноверцев. Устав учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 г. включал раздел из 18 статей «О пансионах»²³. Содержателем частного пансиона или школы мог быть иностранец или российский подданный «свободного состояния». Для того чтобы открыть свое заведение, необходимо было подать прошение директору губернской гимназии, приложив необходимые свидетельства и обстоятельный план. В нем указывались цель пансиона (школы), учебные предметы, предполагаемое число учащихся и преподавателей, стоимость обучения. Причем обязательными предметами в учебном плане являлись русский язык и Закон Божий по исповеданию той веры, к которой принадлежали дети. Остальные предметы назначались по усмотрению содержателя. Университет выдавал документ на открытие или запрещение школы. В Уставе также содержались требования к нанимаемым учителям. С этого времени в пансионах могли воспитываться дети только одного пола. Но поскольку на практике существовали школы с совместным обучением мальчиков и девочек, это положение удалось реализовать не сразу. Правительственный контроль над частными учебными заведениями возлагался на директоров гимназий.

Обеспокоенность состоянием частного образования и его влиянием на общество обострилась с ростом антифранцузских настроений накануне Отечественной войны 1812 г. Министр народного просвещения граф А.К. Разумовский²⁴ в своей записке императору от 25 мая 1811 г. писал: «В отечестве нашем далеко простерло корни свое воспитание иноземцами сообщаемое... Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца. Сего недовольно, и для преподавания наук они избирают иностранцев же, что усугубляет вред, воспитанием их разливаемый, и скорыми шагами приближает к истреблению духа народного. Воспитанники их и мыслят, и говорят по-иноземному; между тем не могут несколько слов правильно сказать на языке отечественном»²⁵. Предлагалось ввести ряд мер. Некоторые из них по существу повторяли

предшествующее законодательство. Новым стало введение 5 %-ной платы с держателей пансионов и школ²⁶. В 1812 г. были подтверждены указ 1757 г. о требовании с иностранцев свидетельств от университетов на право преподавания²⁷ и § 156 «О недопущении частных учебных заведений для детей обоего пола» Устава учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 г.²⁸ С января 1814 г. 5 % стали взимать и с учителей, содержавших пансионеров²⁹.

С вступлением на пост министра народного просвещения А.Н. Голицына³⁰ в августе 1816 г. началось усиление реакционных тенденций в вопросах народного просвещения в России. Они усилились после преобразования в 1817 г. Министерства народного просвещения в Министерство духовных дел и народного просвещения. Произошла смена попечителей округов. Попечителем Казанского учебного округа стал М.Л. Магницкий³¹.

Знакомясь с положением дел в учебных заведениях округа, Магницкий обратил внимание на малочисленность учащихся в государственных учебных заведениях. В качестве одной из главных причин этого явления выдвигалось широкое распространение частного образования. Представители высшего сословия отдавали предпочтение частным пансионам и домашним учителям-иностранцам, что объяснялось следованием сословным традициям, недостаточным количеством государственных учебных заведений в округе (в том числе полным отсутствием закрытых элитарных), их плохой материальной обеспеченностью, недостатком в отечественных педагогических кадрах и, главное – соотвечением учебных планов пансионеров запросам дворянства. Последнее противоречило мнению попечителя (и других представителей образованного общества) о качестве частного образования³². 29 сентября 1819 г. он предписал совету университета в дополнение к ведомости о частных пансионах за 1818 г. составить и прислать «историческое сведение о всех держателях пансионеров» округа³³. Магницкий предполагал, что «многие, не только из домашних учителей, но и из держателей пансионеров не имеют потребных для воспитания юношества способностей и часто бывают ненадежных правил»³⁴. Не получив в течение полугода ответа, Михаил Леонтьевич обратился к своему единомышленнику, директору Казанского университета А.П. Владимирскому³⁵. 16 апреля 1820 г. ему было поручено «побудить, кого следует, к немедленному доставлению вышеупомянутых сведений о держателях пансионеров», проанализировать полученные данные и «представить попечителю со своим мнением»³⁶.

Просмотрев биографии держателей пансионеров Казанской и Саратовской губерний, А.П. Владимирский посчитал их малоинформативными. По его мнению, существенным в них было лишь упоминание даты открытия учебных заведений. Остальное – либо описание походов и странствий, либо пространное жизнеописание основателей этих учебных заведений. Отсутствовали причины основания пансионеров, не указаны их цели. Это побудило Владимирского изменить способ сбора информации. Запросить не держателей пансионеров, а их директоров. Последние должны были составить «наблюдения» с описанием: а) мыслей и жизни держателей; б) «содержания воспитанников в публичных и частных отношениях; в) преподавания предметов; г) жизни и чувства преподавателей»³⁷. В заключение следовало указать, достоин ли держатель своего звания.

Уже в конце июня 1820 г. Владимирский отправил Магницкому шесть жизнеописаний, полученных им из совета Казанского университета³⁸. Эти документы вошли в настоящую публикацию. Они представляют автобиографии основателей частных учебных заведений Казани и Саратова³⁹, рассказывают о деятельности шести человек, внесших существенный вклад в развитие системы частного образования в российской провинции. Хранятся в фонде попечителя Казанского учебного округа (Ф. 92) Национального архива Республики Татарстан. Написаны канцеляристами и подписаны держателями пансионеров, различны по объему и информативности, основаны на сведениях аттестатов и свидетельств владельцев

учебных заведений, почти все имеют, как это требовалось, типовой заголовок. Исключение составляет автобиография Н.С. Кветковского*, отличающаяся от остальных названием, казенным стилем изложения и объемом.

События в документах излагаются от первого лица, за исключением биографий М.П. Ронцевича и С.И. Троппе. Автобиография Ронцевича, по-видимому, записана с его слов другим человеком, что подтверждается последней фразой источника. Повествования составлены по шаблону. В них отражены с разной степенью полноты следующие данные: возраст (дата рождения); происхождение (родители и их социальный статус); указание на сиротство (И.Ф. Лейтер, М.Т. Потот, М.П. Ронцевич были круглыми сиротами, Н.С. Кветковский лишился отца в детстве); образование; семейное положение (в биографиях содержательниц отражен социальный статус мужей); причины приезда в Россию; деятельность в качестве домашних преподавателей. Указанные владельцами обстоятельства открытия пансионов однотипны: просьбы со стороны провинциального общества, желание родителей дать хорошее образование детям. Причины их закрытия – болезнь, война, желание содержателя.

Документы наглядно демонстрируют нарушение законодательства иностранными учителями с молчаливого согласия общества. Например, С.И. Троппе только через 9 лет службы домашней учительницей запросила свидетельство на право заниматься преподаванием. Аналогичным образом поступили Лейтер, Потот и Ронцевич.

Обратимся к истории некоторых пансионов. Учебное заведение Лейтера неофициально являлось благородным пансионом Казанского университета. Так его называл сам содержатель, так именовали и в обществе⁴⁰. Попытки Магницкого создать в Казани учебное заведение, подобное благородным пансионам при Московском и Петербургском университетах, не увенчались успехом, в том числе из-за конкуренции со стороны И.Ф. Лейтера⁴¹. Он нанял и содержал в порядке дом напротив университета, собрал лучших преподавателей, заручился поддержкой в дворянском обществе Поволжья. Его заведение было самым многочисленным (до 60 учеников). Содержатель имел столь безупречную репутацию, что даже после увольнения его из университета 25 июля 1821 г. с формулировкой «за неблагонадежность» ему разрешили содержать пансион и дальше. За период с 1817 по 1823 г. 28 воспитанников Лейтера поступили в Казанский университет, окончили его со званием действительно студента – семь, кандидата – шесть человек⁴². Пансион был значительным явлением в провинциальной жизни первой четверти XIX в.

Не менее известным являлось и первое в Казани женское учебное заведение, основанное супругами Потот (вначале там обучались и мальчики). В 1802–1813 гг. оно находилось в Казани, затем (с конца 1813 по 1819 г.) – в Симбирске, потом вернулось в Казань. Закрылось в 1826 г. по просьбе самой содержательницы⁴³.

Пансион Юнгвальд в Казани – пример самого продолжительного существования в Поволжье частного учебного заведения для девочек. Он действовал более 40 лет и закрылся в связи со смертью содержательницы 27 января 1856 г.⁴⁴ Сама Софья Юнгвальд в пансионе не преподавала. Действовала стандартная программа обучения, с традиционным уклоном в сторону иностранных языков и предметов эстетического цикла. Заведение было ориентировано на средние городские слои (дочерей небогатых дворян, мелких чиновников, купцов, мещан). В первые годы в нем пребывало около десятка учениц, в 1856 г. – 66. Пансион был не только образовательным и воспитательным уч-

* Написание фамилии в документах различное: сам он подписывался: «Кветковский», писец в автобиографии написал: «Квятковский». В официальных источниках часто встречается: «Квитковский».

реждением, но и приютом для дочерей бедных чиновников и сирот. В разные годы число девочек-сирот, живших и обучавшихся в пансионе за счет содержательницы, колебалось от трех до семи⁴⁵. Ее деятельность была высоко оценена правительством России. В 1855 г. Софья Юнгвальд от имени министра народного просвещения получила в награду 500 руб. серебром⁴⁶.

Содержатель одного из саратовских пансионов – Кветковский был хорошо образован, обладал замечательными художественными способностями, владел иностранными языками, в том числе турецким. Его формированию способствовало тесное общение с дядей, известным философом-материалистом Я.П. Козельским, с которым он не только состоял в родстве, но и сотрудничал (Кветковский в течение двух лет жил в имении Козельского, переписывал набело и иллюстрировал его сочинения). Пансион Кветковского официально действовал с 1 сентября 1812 г. (фактически с 1803 г.) по 31 октября 1820 г.⁴⁷ Удалось обнаружить подробный список учащихся: за время его существования пансион окончил 131 человек. Ежегодно обучалось 19–20 воспитанников (в 1815, 1817 гг. – 26), большинство (64 %) дворяне. Обучение длилось от полутора до четырех лет. Наличие пансиона Кветковского в Саратове фактически препятствовало появлению благородного пансиона при гимназии. Последний открылся только после закрытия Кветковским своего учебного заведения.

Представленные читателям автобиографии содержателей пансионов запечатлели традиционный для того времени жизненный путь лиц, занимавшихся частным образованием, и служат важным источником для исследования истории культуры и частного образования в России.

Текст документов, написанный рукой владельцев пансионов, выделен курсивом. Восстановленные части слов заключены в квадратные скобки, опущенные фрагменты – в угловые. Сохранены стиль и особенности написания текстов.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **С.А. ФРОЛОВОЙ.**

¹ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. Негативные оценки деятельности царского правительства в области школ см.: *Миролюцкий С.* Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб., 1883; *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. СПб., 1892; *Фальборк Г., Чарнолуцкий В.* Народное образование в России. СПб., 1900; *Riasanovsky N.V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia. 1825–1855. Berkeley, 1967; *Орлик О.В.* Россия и французская революция 1830 г. М., 1968; *Alston P.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969. Позитивные оценки см.: *Blak C.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1966; *Blakwell W.* The Beginings of Russian Industrialisation, 1800–1860. Princeton; New York, 1968; *Pintner W.* The Social Characteristics of Early Nineteenth-Century Bureaucrasy // *Slavic Review*. 1970. V. 29. September. P.

429–443; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 1999. Т. 2; *Виттекер Ц.Х.* Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999. Обзор российской политики в образовательной сфере в Александровскую эпоху содержится в работах: *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, 1963; *Hans N.* History of Russian Educational Policy, 1701–1917. New York, 1964; и др.

² *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.

³ *Сергеева С.В.* Частное образование в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). Пенза, 2000.

⁴ *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849; *Он же.* Историко-статистическое обозре-

ние учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1863 г. СПб., 1854; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: В 4 т. Казань, 1904; *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994; *Он же.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 1997; *Чеков М.О.* Частные школы Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Самара; М., 1999; *Шанская Т.А.* Восприятие французской культуры русским дворянством в первой четверти XIX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001; *Фролова С.А.* Пансионеры Марьи Потот в Казани (1802–1813, 1819–1826) // Диалог поэтов в культурном пространстве Казани: Литературно-публицистические чтения к 200-летию смерти Г.П. Каменева и 170-летию приезда А.С. Пушкина в Казань. Материалы выступлений 23–24 октября 2003. Казань, 2004. С. 139–145; *Она же.* Благородный пансион Казанского университета: замысел М.Л. Магницкого... И реализация? // Проблемы истории Казани: современный взгляд: Сб. ст. Казань, 2004. С. 281–300; и др.

⁵ *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856): В 3 ч. СПб., 1899; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X–XIX в.: невеста, жена, любовница. М., 1997; *Она же.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002.

⁶ *Мокряк Е.И.* К вопросу о социальной психологии столичного дворянства первой половины 50-х гг. XIX в. (по мемуарным источникам) // Проблемы истории СССР. М., 1977. Вып. 6. С. 156–165; *Минц С.С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Евангулова О.С.* Город и усадьба второй половины XVIII в. в сознании современников // Русский город. М.,

1984. Вып. 7. С. 172–188; *Дедюхина В.С.* Культура дворянской усадьбы // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. Ч. 4. С. 220–251; *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995; *Шмидт С.О.* Общественное самосознание Noblesse Russe в XVI – первой трети XIX в. // Дворянское собрание. М., 1996. № 4. С. 113–125; и др.

⁷ *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. СПб., 1915.

⁸ *Галиуллина Р.Х.* Михаил Николаевич Мусин-Пушкин – попечитель Казанского учебного округа: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997; *Лексина Ю.А.* Гимназии Казанского учебного округа в первой четверти XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1997.

⁹ *Зоккол Т., Кром М., Шлюмбом Ю.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 7–26.

¹⁰ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 22. С. 703–794.

¹¹ *Рожественский С.В.* Указ. соч. С. 6.

¹² *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 26.

¹³ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. М., 1866. Ч. 1. С. 12.

¹⁴ *Загоскин Н.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 193–194.

¹⁵ *М.С.* Из Поволжской старины // Исторический вестник. 1907. Т. 109. С. 508.

¹⁶ НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 510. Л. 1–3 об.

¹⁷ *Бобров Е.А.* Собрание статей по истории русской литературы и философии. Б.м., б.г. С. 30.

¹⁸ *Сергеева С.В.* Указ. соч. С. 45.

¹⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 32–55 об. Подсчитано автором.

²⁰ *Фролова С.А.* Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе и попечитель М.Л. Магницкий // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1. С. 67.

²¹ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1875. Т. 1. № 191. Стб. 699.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. № 16421. Стб. 666–669.

²³ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1864. Т. 1. № 47. Стб. 333–337.

²⁴ Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) – граф, министр народного просвещения в 1810–1816 гг.

²⁵ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1875. Т. 1. № 217. Стб. 706.

²⁶ Сбор отменен 1 января 1817 г. (См.: Там же. 1864. Т. 1. № 255. Стб. 817–818.)

²⁷ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1875. Т. 1. № 250. Стб. 774.

²⁸ Сборник распоряжений по МНП. 1802–1834. СПб., 1866. Т. 1. № 84. Стб. 214.

²⁹ Сборник постановлений по МНП. СПб., 1864. Т. 1. № 103. Стб. 231–232.

³⁰ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – князь, государственный деятель, министр духовных дел и народного просвещения (с 10 августа 1816 по 15 мая 1824 г.), член Государственного совета, сторонник религиозно-мистического направления в учебных заведениях. (Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Воронеж, 2004.)

³¹ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) – государственный деятель, публицист, поэт, действительный тайный советник. В 1801–1803 гг. состоял при российском после в Париже. С 1803 г. начальник в Экспедиции государственного производства благоустройства МВД. С 1810 г. статс-секретарь департамента законов Государственного совета. В 1812–1816 гг. в ссылке в Вологде. В 1817 г. симбирский гражданский губернатор. С 1819 г. член Главного правления училищ, вице-президент Симбирского отделения Библейского общества. С того же года попечитель Казанского учебного округа. В 1826 г. обвинен в растрате казенных денег и уволен в отставку, сослан в Ревель. В 1834 г. переведен в Одессу, в 1839 г. – в Херсон, в 1841 г. возвращен в Одессу. (Минаков А. Михаил Леонтьевич Магницкий: К вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов в первой четверти XIX в. Воронеж, 2000.)

³² Подробнее см.: Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе и попечитель М.Л. Магницкий... С. 56–69.

³³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ Владимирский Александр Поликарпович (1778–1847) – профессор повивального искусства в Казанском университете, с 5 сентября 1819 по 28 октября 1822 г. его директор, ставленник Магницкого. 28 февраля 1821 г. избран почетным членом университета. После размолвки с Магницким впал в немилость и вскоре «по расстроенному здоровью» уволен. (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): В 2 ч. Казань, 1904. Ч. 2. С. 154–155.)

³⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 5–5 об.

³⁷ Там же. Л. 8–8 об.

³⁸ Там же. Л. 11.

³⁹ Небольшая биографическая справка об одном из основателей пансиона – И.Ф. Лейтере дана Н.П. Загоскиным в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)». Ч. 1. С. 247–248.

⁴⁰ Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. М., 1883. Кн. 3. С. 80.

⁴¹ Фролова С.А. Благородный пансион Казанского университета: замысел М.Л. Магницкого... И реализация?.. С. 281–300.

⁴² Императорского Казанского университета список о студентах (1804–1839). Казань, 2002. № 313, 316, 359–360, 362, 389, 407–408, 423, 426–427, 442, 449–450, 452–453, 524–527, 536, 543–544, 559–560, 574–575, 595.

⁴³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1040. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7125. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Д. 4299. Л. 9; Ф. 160. Оп. 1. Д. 60. Л. 22.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 381. Л. 11.

⁴⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 583. Л. 48 об.; Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 70. Л. 180–181.

№ 1

**Подробное историческое сведение о содержательнице
Казанского для благородных девиц пансиона Марье Потот***

30 октября 1819 г.

Родилась я в Москве 1762 г. от иностранных родителей¹. Отец мой, Теодор, по фамилии Масон служил в Московском императорском университете в качестве профессора французской словесности². Мать моя, Эстер, урожденная Миссет, была дочь фабриканта Ивана Миссета, вызванного государем Петром I в Россию и заведшего с его позволения первую в Москве суконную фабрику. Оба они, равно как и я, состояли в протестантском исповедании. После домашнего воспитания воспитывалась я в Московском публичном пансионе г-на Левена. В 1792 г. вышла я замуж за иностранца Потот, французской нации³, и вступила в Нижнем Новгороде Казанской протестантской церкви пастором Иоанном Лютером. Поскольку я до сего во многих частных домах в Москве и в Нижнем Новгороде занималась воспитанием детей, то будучи в 1802 г. в Казани испросила у директора Главного народного училища г-на Лихачева⁴ дозволение на учреждение вольного пансиона благородных обоого пола детей. На что, по силе Наказа о содержателях домашних училищ, и дан мне помянутым г-м Лихачевым за сего подписом** и печатью аттестат, свидетельствующий о моей способности обучать французскому и немецкому языкам по правилам грамматическим, так же истории и географии. Оный пансион содержала я до половины 1813 г. В сем году, быв принуждена по моим обстоятельствам закрыть оный пансион, я получила при сем от бывшего в должности директора народных училищ и пансионов г-на Смирнова⁵ похвальный аттестат. По переезде в город Симбирск, открыла я там в том же 1813 г. с позволения начальства пансион для детей мужеского и женского пола, как мне сие было позволено еще в 1811 г. особым письмом г-на министра народного просвещения⁶ его сиятельства графа Алексея Кирилловича Разумовского. В 1819 г., по желанию казанского дворянства, возвратилась я опять в Казань и с позволения училищного комитета Императорского Казанского университета, 8 марта того же года, открыла благородный женский пансион, который содержит донныне.

Содержательница благородных девиц пансиона

Марья Потот

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 14–14 об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

**Подробное историческое сведение о содержателе Благородного
публичного пансиона в Саратове иностранце Марке Ронцевиче**

4 ноября 1819 г.

г. Саратов

Содержатель публичного пансиона в Саратове австрийский подданный Марк Ронцевич родился 20 ноября*** 1774 г. от Петра Наталья Рон-

* Здесь и далее заголовок документа.

** Так в документе.

*** Здесь и далее в слове «ноябрь» первая буква латинская «N».

цевича и от Марии Паскалини Ронцевичевой, урожденной Росси, в бывшей венецианской* Далмации⁷, на острове Курцоле, где отец его служил в звании таможенного директора. Учение и воспитание свое начал он, Марк Ронцевич, в доме родителей своих, а потом, после кончины матери его, последовавшей в 1785 г., отдан он для продолжения наук в тамошнее училище, учрежденное для тех, которые намерены посвятить себя к духовному званию. Там, кроме собственного его славянского языка, обучался он латинскому и итальянскому языкам, Закону Божию, всеобщему землеописанию и арифметике. Лишась отца своего 1 ноября 1787 г., отправлен он старшим его братом, Петром Ронцевичем, к их дяде со стороны матери, Степану Росси, в город Рагузу⁸, где продолжал он в тамошнем [и]езуитском училище обучаться вышесказанному с прибавлением французского и немецкого** языков, всеобщей истории, геометрии и алгебры. Продолжив науки свои здесь до 1793 г., возвратился он в родительский дом, где пробыл по 1794 г.

В конце сего года поехал он в Венецию к своим родственникам, где пробыв короткое время, отправился в виде собеседника с сицилийским*** графом и Мал[ь]тийского ордена командором Де Стателла, предпринявшим путешествие по Германии. Проехав с вышесказанным графом чрез разные страны сей земли, как то: Австрия, Богемия, Саксония, Пруссия и Голштиния****⁹, остановился в Гамбурге, где женился и жил до начала 1803 г. в звании приватного учителя языков.

В конце апреля месяца сего же года воспринял он со своим семейством путь в Россию и прибыл в конце мая месяца того же года в Санкт-Петербург с паспортом, данным ему от гамбургского Сената с надписью австрийского поверенного в делах в сем же городе и российского поверенного в делах в Любеке. В Санкт-Петербурге, где он занимался приватным учением детей в разных господских домах, пробыл он от половины мая 1803 до половины апреля 1807 г. И в сие же время по совету и просьбе его сиятельства, господина тайного советника и кавалера, князя Петра Ивановича Шаховского¹⁰ выехал из столицы с его же сиятельством вместе в Псковскую губернию для вступления в должность учителя в дом вдовы, госпожи гвардии полковницы Прасковьи Васильевны Кутузовой, в соседстве поместья его сиятельства. Отсюда поехал он в Москву, снабжен будучи от его же сиятельства одобрительными письмами к разным особам в столице, между прочим, и его сиятельству графу Григорию Сергеевичу Салтыкову¹¹, разных ученых обществ члену, и его превосходительству тайному советнику и кавалеру Ивану Логиновичу Кутузову, бывшему попечителю Московского университета¹². В Москве принят был он по рекомендации¹³ господина директора Московской губернской гимназии и кавалера Петра Михайловича Дружинина домашним учителем в дом его превосходительства, господина действительного статского советника Алексея Александровича Враского, бывшего уфимским губернатором. Здесь, окончив воспитание и учение воспитанника своего¹⁴, получил он через господина статского советника Яковлева,

* Так в документе.

** Первая буква латинская «N».

*** Так в документе.

**** Так в документе. Правильно: Голштиния.

письменное приглашение от господина саратовского вице-губернатора и кавалера Никифора Михайловича Заварицкого поступить к нему в дом учителем сына его.

Сие приглашение было им принято, и он в августе месяце отправился к нему господину вице-губернатору в Саратов. Проживши там около двух лет, в 1814 г. хотел поехать обратно в Москву, но по предложению, сделанному ему несколькими отличными особами саратовской публики, открыты в сем городе пансион для благородного юношества, отменил он свое намерение и просил господина директора училищ Саратовской губернии, надворного советника Андрея Ивановича Шестакова¹⁵, дабы позволено было ему учредить в городе Саратове публичный пансион. На сие же господин директор препроводил прошение его, Ронцевича, в Императорский Казанский университет в училищный комитет, откуда последовало позволение на открытие сего пансиона¹⁶, который и поныне существует.

Сие есть, сколько вспомнить могу, точное историческое обо мне сведение до сего 1819 г.

*Содержатель публичного в Саратове пансиона
французского и немецкого языков, учитель*

Марк Ронцевич

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 26–27 об. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Историческое сведение о содержательнице Пансиона для благородных девиц Софье Юнгвальд

9 ноября 1819 г.

Родилась я в Москве в 1784 г., исповедания лютеранского, от роду имею 35 лет. Отец мой был Андрей Арманд Тешемахер, уроженец* амстердамский, исповедания реформаторского. Закону Божию и священной истории обучалась у пастора лютеранского исповедания г-на Рихтера. Воспитывалась в Москве в Благородном женском пансионе г-на Штейнигера**, саксонского уроженца. Обучалась языкам российскому, немецкому и французскому по правилам грамматическим, истории, географии, арифметике, рисованию, музыке и танцеванию. Сверх того по окончании учения в пансионе пользовалась еще и в доме родителя моего уроками во всех означенных предметах от учителей, служивших тогда в казенных учебных заведениях. В замужество вышла 1799 г. за вюртембергского уроженца, исповедания католического, служившего в Московской университетской гимназии учителем немецкого языка Ивана Иванова Юнгвальда. Впоследствии времени муж мой с позволения Императорского Московского университета открыл в Москве для благородных девиц пансион, который и содержал по смерти своей. По кончине же его на содержание сего заведения получила я позволение от университета и содержала с 1810 по 1812 г., по самый день вступления в Москву неприятелей. С разорением Москвы рушится и пансион мой, а с ним вместе от грабежа неприятельского и от бывшего там по-

* Здесь и далее так в документе.

** В биографии за 1822 г.: «Штейнингер» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 823. Л. 27).

жара потеряла я все имущество мое и нужные бумаги, оставшись без всякого состояния с семейством, состоящим из престарелой матери, семилетнего сына, сестры¹⁷ и двух маленьких братьев, кои все состояли под моим попечением. Посему не имея по сим обстоятельствам никакой возможности оставаться более в разоренной столице, переехала в Казань. Приехавши в означенный город, испросила у училищного комитета при Казанском университете позволение на открытие в Казани для благородных девиц пансиона, которое и дано мне декабря 18-го дня 1812 г. за № 1578, а открыт оный 1 мая 1813 г., который содержит и поныне.

Содержательница женского благородного пансиона *Софья Юнгвальд*

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 15. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Историческое сведение о содержателе Мужеского благородного в Казани пансиона Императорского Казанского университета лекторе Иване Лейтере

15 ноября 1819 г.

Я, нижеподписавшийся Иван Федоров сын Лейтер, родился 1768 г. в саксонском городе Кольдице. Отец мой, бывший ферстер* означенного города, и мать скончались на шестом году моего возраста. Воспитан я был до 17 годов в доме деда моего и опекуна по имени Рихтер, тогдашнего арендатора в поместьях тайного советника Ностица. Потом отправлен я был в Лейпцигский университет, где и обучался три года разным наукам, а особенно чистой и прикладной математике и словесности французской и итальянской. Оставя сие заведение, продолжал я заниматься сам собою учением и сельским хозяйством, желая при случае посвятить себя военной службе. Потом я отправился в Россию, где имел дальнего родственника санкт-петербургского купца Шнейдера. С намерением вступить в военное звание прибыл я в Санкт-Петербург в 1789 г., однако же провидению было угодно предназначить мне иной род жизни и, прожив в сей столице около двух месяцев, поехал я в Москву и давал там уроки приватно, употребляя при том свободное время на изучение российского языка, в познании коего видел необходимость. В 1790 г. по рекомендации г-на профессора Баузе¹⁸ вступил я в дом г-жи бригадирши Козариновой учителем, где и пробыл с лишком год. Потом по сего же, г-на Баузе, рекомендации поехал в Казань, где и находился при обучении детей майора Мельгунова и надворного советника Депрейса¹⁹ и наконец вызван был Вятской губернии в город Уржум в дом помещика Мосолова.

Таким образом, приобрел в продолжение десяти лет трудами некоторую сумму, завел я в городе Уржуме мыловаренный завод, приняв на себя именование гостя на два года согласно с узаконениями²⁰, но по многим несчастным обстоятельствам, кои описывать здесь считаю излишним, я лишился всего моего имущества.

* Купец, банкир (нем.).

В 1803 г. женился я на дочери иностранца прусской нации Карла Парста²¹, бывшего тогда домовым, а после штатным учителем Казанского главного народного училища языков французского и немецкого. От сего брака имею я одного только сына, по имени Петр, 10 лет, который находится при мне²².

В 1805 г.²³ снова вступил я в должность учителя в дом гвардии прапорщика Христофора Молосткова, а от него перешел к брату его надворному советнику Порфирию Молосткову²⁴.

В 1808 г. приглашен я был помещиком Уфимской губернии Куроедовым к нему в дом и жил в сем месте до 1810 г. Узнавши тогда, что в Казанском университете праздно место лектора немецкого языка, решился я искать сего звания. В исполнение сего моего намерения приготовил я диссертацию и отправил оную при письме на французском языке²⁵ к покойному господину попечителю его превосходительству Степану Яковлевичу Румовскому²⁶, а копию представил в совет университета, который и определил сделать мне испытание. Между тем как я готовился к экзамену, от совета было мне предложено занять упразднившееся* место учителя высшего французского класса в Казанской гимназии. Испытание на сию должность происходило в 1811 г. в феврале месяце, а вскоре и утверждение последовало от господина покойного попечителя Степана Яковлевича Румовского.

Экзамен на звание лектора учинен в марте месяце 1811 г., а утверждение получено в 1812 г. от него же, покойного попечителя. В сем же году присягал я на верноподданство в России в Казанском губернском правлении.

Служение мое в гимназии продолжалось от 27 марта 1811 г. по 27-е число февраля 1819 г.; в университете же я поныне продолжаю службу в звании лектора немецкого языка.

В 1812 г. по желанию некоторых родителей, имевших ко мне доверенность, хотя и открыл я с дозволения училищного комитета, куда был представлен мною план относительно преподавания наук, порядка и учебных пособий, Мужеский благородный пансион, но оный продолжался только два года. Ибо по причине долговременной болезни жены моей я нашелся вынужденным оный закрыть. Пансионеры были распущены, выключая весьма не многих, кои по желанию их родителей жили под моим надзором, продолжая учение в гимназии²⁷.

В 1816 г. по убедительной просьбе казанского дворянства и некоторых особ других губерний решился я вновь открыть пансион с дозволения начальства на тех же самых правилах, какие прежде были мне от училищного комитета предписаны. Существование сего пансиона продолжается и ныне под ведением университета²⁸.

*Содержатель Мужеского благородного пансиона,
лектор Императорского Казанского университета*

Иван Лейтер

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 12–13. Подлинник. Рукопись.

* Имеется в виду свободное.

№ 5

**Подробное историческое сведение о содержательнице
Благородного публичного пансиона в Саратове иностранке
Софии Троппе**

24 ноября 1819 г.

г. Саратов

Содержательница публичного пансиона благородных девиц в Саратове французская подданная Софья Троппе родилась 10 генваря 1772 г. от Ивана Глода Дервие и от Варвары Дервие, урожденной Коаза, в Лионе, где отец ее был в звании купца 1-й гильдии. Учение и воспитание свое получила она в доме ее родителей. 28 октября 1804 г. вышла она замуж за Антона Троппе, учителя немецкого языка, родившегося в Праге. [В] 1806 г. 26 февраля восприняла она с мужем своим и с малолетнею ее дочерью²⁹ путь в Россию и прибыла 1 мая того же года в Ревель*, откуда отправилась в Санкт-Петербург с паспортом, данным ей от лионского правительства, и с рекомендательными письмами к г-ну банкиру Блесик. В Санкт-Петербурге, где она занималась учением и воспитанием благородных девиц в доме его высокопревосходительства, действительного тайного советника сенатора Вейдмейера**³⁰, пробыла она от 1 мая 1806 г. до 29 августа 1810 г. В сие же время поехала она в Симбирск, где принята была домашнею учительницей в дом его превосходительства, господина Диндякова, откуда отправилась 29 августа 1811 г. в деревню к его высокоблагородию г-ну Слепцову и, наконец, [в] 1812 г. в Саратов, где занималась так, как и во все время ее пребывания в России³¹, учением благородных девиц в доме его превосходительства, действительного статского советника и кавалера Алексея Давидовича Панчулидзева³² – саратовского гражданского губернатора, от которого, как и от всех других господ, где она учила, имсет весьма хорошие аттестаты. В 1818 г. 14 мая вознамерилась она открыть в сем городе публичный пансион для благородных девиц и просила г-на директора училищ Саратовской губернии надворного советника Андрея Ивановича Шестакова, дабы позволено было ей учредить в городе Саратове публичный пансион. Г-н директор препроводил прошение сего, Троппе, в Императорский Казанский университет, в училищный оного комитет, откуда последовало позволение на открытие сего пансиона³³, который и ныне существует.

Содержательница благородного пансиона
и учительница французского языка иностранка

Sophie Troppe

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 28–29. Подлинник. Рукопись.

* Таллин.

** Правильно: «Вейдмейера».

№ 6

**Из начертания подробной истории титулярного советника
Никиты Степанова сына Квятковского, содержателя
в Саратове Публичного благородного пансиона**

Ноябрь 1819 г.

1819 г. ноября «»* дня. Исполняя предписание совета Императорского Казанского университета от 19 минувшего октября под № 1349, обязанностью поставлю себе по долгу присяги и совести начертать подробно свою историю к сведению его превосходительства, господина попечителя Казанского учебного округа и кавалера Михайлы Леонтьевича Магницкого.

Происхождение мое от благородных родителей. В памятной их записке значится, что я родился 1768 г. мая 28-го дня. Отец мой польский шляхтич** Степан Яковлевич, сын Квятковский, обитавший в своей оседлости в украинской Подолии близ Новомиргорода и Елизаветградской крепости. <...> Оставив мой отец Украину [в] 1766 г., и перешел с посредственным своим имуществом в Малороссию, женился в городе Полтаве на девице Акилине Павловне, дочери из фамилии Козельских, давшей потом мне жизнь. В 1769 г. отец мой скончался. [В] 1775 г. августа 5-го дня по прошению моей матери губернатор Новороссийской губернии Василий Алексеевич Чертков <...> определил меня учеником в Кременчугское казенное училище, где я обучался: российскому, немецкому, латинскому, турецкому и французскому языкам, Закону Божию, географии, истории, арифметике, геодезии, медицине, рисовать, танцевать, фехтовать, верховой езде и военной экзерциции*** по 1 августа 1784 г. <...> При выпуске из одного училища, по изволению главного попечителя господина фельдмаршала Григория Александровича Потемкина³⁴, на просьбу дяди моего статского советника Якова Павловича Козельского³⁵, снабжен от начальства свидетельством о моем происхождении и похвальными аттестатами, причем просил я поместить в учебный аттестат мой те токмо науки, в коих находил себя сильнее, как то – российский и французский языки, арифметику, геометрию, географию, рисовальное искусство и военную экзерцицию. А прочие не включать, хотя впрочем, за успехи мои в турецком языке и хорошее поведение согласно высочайшему указу был взят в 1780 г. в свиту следовавшего в Константинополь посольства при российском посланнике Як[ове] Фед[оровиче] Болгакове****³⁶; но по просьбе <...> гражданского губернатора Новороссийской губернии и попечителя кременчугских мужеского и девичьего училищ Николая Даниловича Языкова, из города Херсона возвращен в Кременчуг обратно. С 1784 г. августа 1-го по 15 августа 1786 г. находился при помянутом дяде моем Козельском в селе его Кривом Роге на реке Удае, от города Лубнов в восемнадцати верстах. Там я занимался перепискою: 1) сочиненного им военного «Лексикона с чертежами и рисунками всех древних и новых орудий» и 2) перепискою сочиняемой им книги в пяти частях о «Натуре вещей», также с чертежами и рисунками фигур: химических, математических, гидравлических, аэростатиче-

* Дата отсутствует. Первая буква месяца латинская.

** В документе: «шляхта».

*** Упражнениям (лат.).

**** Квятковский ошибся, имеется в виду Булгаков Яков Иванович.

ских и проч. Потом отвезен был помянутым дядей моим, Козельским, в Санкт-Петербург, где по представленным от меня при прошении в Генеральный от Армии штаб <...> свидетельству о моем происхождении и аттестатам, по произведенному мне экзамену в присутствии генерал-квартирмейстера³⁷ <...> Нефедьева, штаб и обер-офицеров определен [в] 1786 г., сентября 10-го дня, вожатым колон во 2-й класс. Тут поручен мне был чертеж военных планов и карт. В свободные же часы от службы обучал обоего пола детей, в квартире того же корпуса, сказанного генерала и прочих особ. Из Генерального штаба по указу Военной коллегии переведен лейб-гвардии в Преображенский полк фурыером³⁸ [в] 1787 г., октября 10-го <...> в отставку поручиком 1787 [г.], генваря 25-го. После сего определен по указу Правительствующего Сената Саратовского наместничества в бывший губернский магистрат стряпчим³⁹ уголовных дел [в] 1788 [г.], апреля 7-го числа. Здесь <...> исправлял прокурорскую должность, потом определен того наместничества в уездные землемеры [в] 1790 г., сентября 27-го. В губернской чертежной показал искусство чертить и тушевать в лучшем вкусе планы и межевые карты штрихом, а между тем в свободные часы от службы с самого приезда своего в Саратов по 1 мая 1792 г. занимался учением детей обоего пола в доме саратовского гражданского губернатора, генерал-поручика <...> вышепомянутого Нефедьева, ибо с началом весны того года, поступив в непосредственное распоряжение экономии директора⁴⁰ <...> отправлен для снятия на план описания и разделения лесов на лесосеки. <...> По возвращении с межи на зиму в Саратов <...> приведены были планы в надлежащий порядок всеми землемерами <...> под моим руководством. В сем же 1782 г. представлен я был в капитаны, по чина сего не получил. В 1783 г. от 17 мая прислан мне из Воронежа аттестат от господина <...> генерал-губернатора Воронежского и Саратовского* наместничества⁴¹, свидетельствующий об известном ему исправлении моей должности с отличным прилежанием и успехом и о хорошем моем поведении. С наступлением весны 1793 г., июня 13-го, отправлен я был <...> для такового ж о лесах производства по Новохоперскому, Балашовскому и Аткарскому уездам, которое и было окончено к весне 1797 г., с изъявлением часто повторяемой мне от начальства признательности <...>. Вслед за тем в случившийся в Саратове пожар мая 28-го числа <...> лишился я дома и на двенадцать тысяч своего с жениным имущества. Того ж 1797 г., июля 14-го дня переименован из поручиков в губернские секретари. Того ж 1797 г., октября 26-го, вступил в саратовскую Контору опекунства иностранных штатным землемером. Того ж года декабря 31-го произведен титулярным советником. <...>. В бывший в Саратове пожар 1800 г., в августе месяце, лишился я с женою моею, также в отсутствие мое по службе, и последнего моего имущества. Наконец определен штатным секретарем той же конторы <...> [в] 1802 г., марта 31-го числа. Во время продолжения служения моего в конторе оной как землемером, так и секретарем, в послужных списках к главному начальству аттестовался способным и достойным <...>. Именным же его императорского величества высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату в 19-й день декабря того ж 1802 г., был отставлен от службы, состоявшие в ведении моем дела сдал исправно <...> по прошению моему снабжен я от Конторы опекунства иностранных аттестатом и

* Слово написано над строкой переписчиком.

пашпортом <...> Из сих-то актов, большею частью составлено сие начертание моей истории⁴². Между тем с 1803 г., июня 1-го дня, был убежден моими начальниками и другими некоторыми благородными особами здешней публики, а впоследствии и собственным благом детей моих, которым кроме приличного воспитания ничего более доставить я не в силах, приступил к учению благородных детей. На каковой конец завел в собственном своем доме приватный пансион, который по настоянию и представлению директора училищ Саратовской губернии г-на Шестакова оным Императорским Казанским университетом привилегирован [в] 1812 г., сентября 23-го числа. Того ж года в октябре и ноябре месяцах находился я чиновником от дворянства Саратовского уезда при рекрутской партии для устройства и защиты поселян от обид. <...> Согласно высочайшему его императорского величества манифесту и указу, данному <...> в 30-й день августа 1814 г., препровождена ко мне <...> бронзовая медаль для ношения на Владимирской ленте в петлице. Одним словом, с 1812 г. <...> я посвятил себя совершенно на обучение юношества, поступая во всем соответственно правилам в народном просвещении, давая ежегодно публичные экзамены и доставляя учебному начальству все нужные по сему отчеты. По заслуженному мною доверию у публики никогда недостатка у меня в учениках не было, ибо и из других губерний поручали мне оных и поручают: как-то и теперь в пансионе моем находятся ученики из губерний Воронежской, Рязанской и Симбирской. Не было также недостатка и в успехах, поелику оные оказывались как при публичных испытаниях, так и при осмотре моего пансиона господами-визитаторами, профессорами Фуксом⁴³, Эрдманом^{*44} и Никольским^{**45}, равно и господами адъюнктами Симоновым и Манасейном. Все они, находя в пансионе моем чистоту, порядок и успехи в учении, изъявляли свою признательность словесно, а господин профессор Эрдман в присутствии адъюнкта Симонова и директора училищ Саратовской губернии г-на Шестакова, также и всех саратовского Главного народного училища учителей, произведя строжайший ученикам экзамен, осмотрев мой пансион и войдя во все подробно, тут же сочиненным и всеми присутствовавшими подписанным журналом, объявил ученикам, учителям и в особенности мне признательность. По предложению господина профессора Эрдмана я скрепил оный журнал своеручно. К славе моего пансиона Императорский Казанский университет удостоил двоих из учеников одного принятием в студенты, а третьего вольным слушателем. Кто же именно обучался у меня с самого начала моего в сем упражнении, имею честь представить при сем именной список⁴⁶.

Никита Кветковский

Скрепа по листам: «Титулярный/ советник/, содержатель/ в Саратове/ публичного/ пансиона/ Никита Кветковский

НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 18–21. Подлинник. Рукопись.

¹ Акта о рождении и крещении у Потот не было. Она объясняла это тем, что, «лишившись родителей в детстве, воспитывалась в чужих людях, и ни воспитате-

* Здесь и далее в документе: «Эртман».

** Первая буква слова латинская.

ли», ни она, «не имея доселе в том надобности, не заботились о приобретении сего акта». (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 823. Л. 19–20.)

² В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. 1755–1855» (М., 1855. Ч. 2) среди преподавателей Теодор Масон не значится.

³ Потот Иосиф – путешественник, коллекционер восточных медалей и монет. Его собрание пользовалось широкой известностью, состояло из 1054 монет, «из коих большая часть хорошо сохранилась» и принадлежала к числу редких. В декабре 1826 г. М.Ф. Потот продала Казанскому университету коллекцию мужа за 7 тыс. руб. ассигнациями. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 823. Л. 22; Д. 1186. Л. 1–2, 6–7.)

⁴ Лихачев Александр Логинович (ок. 1753–1814) – надворный советник, с 1798 г. директор Главного народного училища г. Казани, в 1803–1804 гг. исправлял должность директора казанской гимназии, откуда был уволен после скандала в связи с беспорядками среди воспитанников. (Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.–4.) В 1787–1802 г. депутат по выбору дворянства в Казанском дворянском собрании. (Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913. С. 50–51.)

⁵ Смирнов Степан Васильевич (1766–1815) – из семьи священнослужителей, обучался в Переславль-Залесской духовной семинарии. С 22 сентября 1786 г. учитель в казанском Главном народном училище. В 1802–1804 гг. преподавал математику, российскую грамматику и Закон Божий в пансионе Потот. С 7 апреля 1809 по 1815 г. директор народных училищ Казанской губернии, титулярный советник. (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4. Л. 11 об.–14, 22 об.–23 об., 36 об.–37; Ф. 160. Оп. 1. Д. 4. Л. 124–125; Д. 6. Л. 22.)

⁶ По Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 г. в пансионах могли воспитываться дети только одного пола. В июне 1811 г. попечитель округа С.Я. Румовский предписал Потот «остаться при воспитании одного пола детей». Тогда она обратилась к министру народного просвещения А.К. Разумовскому. В своем ответе тот указал, что лишь от учредителя «зависит содержать пансионы обоих полов», условием служит «их учение и воспитание в двух пансионах». (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 103–105, 162, 190.) Таким образом, не возбранялось содержание одним лицом двух пансионов, мужского и женского.

⁷ Далмация – историческая область на островах и побережье Адриатического моря. В 1420–1797 гг. территория (кроме Дубровника) находилась под властью Венеции, в 1797–1918 гг. – Австрии (в 1805–1813 гг. под властью Франции). (Советский энциклопедический словарь (далее – СЭС). М., 1983. С. 356.)

⁸ Рагуза – латинское название Дубровника.

⁹ Гольштейн – графство с XII в. Объединилось в 1386 г. с герцогством Шлезвиг (Шлезвиг-Гольштейн). С 1476 г. герцогство. С 1460 г. в персональной унии с Данией, одновременно Гольштейн с 1815 г. член Германского союза. В 1864 г. Гольштейн перешел под управление Австрии, Шлезвиг – Пруссии. После австро-прусской войны в 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн стал прусской провинцией.

¹⁰ Шаховской Петр Иванович (?–1827) – князь, псковский губернатор, тайный советник. (История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 152; СЭС. С. 1500.)

¹¹ Салтыков Григорий Сергеевич (1777–1814) – граф, писатель, носил до 1801 г. фамилию Жердеевский. В 1804–1806 гг. издавал журнал «Друг просвещения» вместе с Д.И. Хвостовым и А.М. Кутузовым. (Русский биографический словарь. Сетевая версия (далее – РБС). <http://www.rulex.ru/01180196.htm>)

¹² Голенищев-Кутузов Иван Логинович (1729–1802) – писатель. В 1764 г. назначен наставником по морской части цесаревича Павла, генерал-интендантом флота и директором Морского корпуса. С 1797 г. президент Адмиралтейств-коллегии. С 1827 г. председатель ученого комитета Морского министерства. (РБС. <http://www.rulex.ru/01040258.htm>)

- 13 Рекомендация содержала аттестат на право обучения юношества французскому и немецкому языкам. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 401. Л. 3.)
- 14 Предположительно, Борис Алексеевич (1795–1880) – литературный переводчик (1823–1827 гг.), чиновник особых поручений Третьего отделения, действительный тайный советник (с 1830 г.). (*Черейский Л.А.* А.С. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 76.)
- 15 Шестаков Андрей Иванович (ок. 1765–1820) – из духовенства. В 1775 г. поступил в Казанскую духовную семинарию, в 1783 г. переведен в учительскую гимназию в Санкт-Петербурге. С 1786 г. учитель старших классов Саратовского народного училища. В 1800–1803 гг. директор училищ Симбирской, затем – Саратовской губернии. (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 1. См. также: *Арнольдов М.В.* К материалам для истории просвещения в России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии и первые ее директора – Шестаков и Ченыкаев. Тифлис., 1870; *Артамонова Л.М.* Указ. соч. С. 17–19, 265.)
- 16 Пансион открылся 1 сентября 1814 г. (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 3 об.)
- 17 Впоследствии Елизавета Тешемахер в пансионе обучала детей игре на фортепиано, а сын Юнгвальд (Иван) – танцам. (Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 29. Л. 4; Д. 36. Л. 5 об.)
- 18 Баузе Федор Григорьевич (1752–1812) – профессор, ректор Московского университета (1807 г.). Окончил юридический факультет Лейпцигского университета. В Петербург прибыл в 1773 г. для работы частным учителем. В 1782 г. приглашен на кафедру права в Московский университет. Являлся «не только отличным профессором, но и трудолюбивым ученым», составил богатые коллекции славянских и русских рукописей, русских монет. (Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 594.)
- 19 Депрейс (де Прейс) Исай Исаевич (?–1798) приехал в Россию в 1760 г., записан «дворянином голландской нации», надворный советник (1782 г.). Жена Мария Яковлевна Левашова принадлежала к старинному дворянскому роду. Имели пятерых детей: двоих сыновей и трех дочерей. Его внук Гаврило Матюнин в 1820–1823 гг. учился в пансионе Лейтера, был лучшим учеником. (*Ватази М.* Быль минувшего // Исторический вестник. 1913. Т. 132 (Май). С. 413; Императорского Казанского университета список о студентах (1804–1839). № 453; Казанское дворянство. 1785–1917: Генеалогический словарь. Казань, 2001. С. 188, 359; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1512. Л. 10–10 об.)
- 20 «Иногородние и иностранные гости» – четвертый из шести сословных разрядов «градского общества», введенный по «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.
- 21 Парет Карл Григорьевич (1755–?) – сын прусского подпоручика. Обучался в Берлинской гимназии, затем в Геттингенском университете. С 1 марта 1810 г. учитель немецкого, французского и латинского классов Казанского главного народного училища. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 70. Л. 7 об.–8; Д. 108. Л. 11–12.)
- 22 Обучался в пансионе отца. Дальнейшая судьба неизвестна.
- 23 В августе 1805 г. Лейтер хотел занять вакантное место учителя высшего немецкого класса в казанской гимназии. Директор гимназии И.Ф. Яковкин выступил против, мотивировав свой отказ отсутствием у Лейтера аттестатов, занятием его торговлей и предпринимательством. Лейтеру покровительствовал профессор университета П.А. Цеплин – лидер оппозиции самовластию директора. (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 98. Л. 6–7 об., 10–10 об.)
- 24 Молоствовы: Христофор Львович (1757–1842) – отставной гвардии прапорщик, крупный душе- и землевладелец, библиофил. Сыновья: Валериан (1792–1813), Памфамир (1793–1828), Таврион (1795–1844). Под руководством Лейтера Валериан увлекся литературными переводами. Им переведено с французского и издано «Заблуждение добродушного сына и Палемон» (*Венгеров С.А.* Источники словаря рус-

ских писателей: В 4 т. Петроград, 1917. Т. 4. С. 400), сделан перевод на французский язык «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина (отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета (далее – ОРРК НБЛ КГУ). Ед. хр. 2571); Порфирий Львович (1760–1808) – секунд-майор, казанский губернский предводитель дворянства (1793–1796, 1803–1806). Его сын Владимир (1794–1863) – попечитель Казанского учебного округа (1847–1857). (НА РТ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 8549. Л. 8 об., 21–22.)

²⁵ Письмо хранится в ОРРК НБЛ КГУ. Ед. хр. 5661. № 44.

²⁶ Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) – астроном, академик и вице-президент Петербургской АН, ординарный профессор.

²⁷ В октябре 1814 г. Лейтер прошел испытание на звание лектора французского языка в специальном комитете при университете. В выданном ему аттестате указывалось, что он «в знании языка французского оказал столь основательные познания... что, уважая при том и сведения его в языке российском, советом представлено было» попечителю округа о «помещении Лейтера на место лектора французского языка». Однако попечителем в этом было отказано. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 507. Л. 9 об.–11.)

²⁸ Лейтер уволен из университета 25 июля 1821 г. «за неблагонадежность», пансион был закрыт через два года из-за болезни жены. (*Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования... Т. 3. С. 504–505; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1667. Л. 1.)

²⁹ Антуан Троппе – австрийский подданный. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 244. Л. 6.)

³⁰ Вейдемейер Иван Андреевич (1752–1820) – управляющий Коллегией иностранных дел (1814–1816 гг.), член Государственного совета (1810 г.).

³¹ Аттестат на право обучения французскому языку С.Троппе получила 30 марта 1815 г., после испытания в Саратовской гимназии. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 244. Л. 1.)

³² Панчулидзе Алексей Давидович (1762–1834). В 1807–1826 гг. саратовский губернатор. Имел шесть дочерей: Марью (1785–1845), Анну (1793–1815), Ольгу (1802–1842), Варвару (1806–?), Людмилу (1812–?), Софью (1817–?). В воспитании двух из них (Ольги и Варвары) принимала участие С.Троппе. (Всероссийское генеалогическое древо. <http://www.vgd.ru/P/pnchldzv.htm>)

³³ 27 апреля 1818 г. училищный комитет дал разрешение на открытие пансиона в Саратове. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 244. Л. 5 об.)

³⁴ Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – российский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал. Споспобствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического.

³⁵ Козельский Яков Павлович (ок. 1728–ок. 1794) – русский просветитель, философ-материалист. Развивал идеи справедливого общественного устройства, выступал против крепостничества и религиозной морали. Преподавал артиллерию и механику в артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе; входил в дирекционную комиссию по «сочинению проекта Нового Уложения». (РБС. <http://www.rulex.ru/01110067.htm>; СЭС. С. 596.)

³⁶ Булгаков Яков Иванович (1743–1809) – российский дипломат, писатель, переводчик; почетный член Петербургской АН. В 1781–1789 гг. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе.

³⁷ Генерал-квартирмейстер – начальник Генерального штаба.

³⁸ Фурьер – заготовитель съестных припасов, фуража, квартир на войско.

³⁹ Губернский магистрат – сословный суд для горожан по губернской реформе 1775 г. В его состав входили прокурор и два его помощника (стряпчих) уголовных и гражданских дел.

⁴⁰ Директор экономии – член казенной палаты.

⁴¹ В 1783 г. Воронежское наместничество составляли Воронежская и Харьковская губернии. В 1787 г. вместо Харьковской в наместничество включена Саратовская губерния. С 1782 по 1793 г. наместником был В.А. Чертков. (Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки. Воронеж, 2000. С. 12, 24.)

⁴² Пять аттестатов, на которые ссылается Кветковский, были представлены им в копиях в совет университета. (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 593. Л. 12–15.)

⁴³ Фукс Карл Федорович (1776–1846) – профессор естественной истории и ботаники в Казанском университете, с 1818 г. на кафедре терапии, патологии и клиники. В 1820–1823 гг. декан врачебного факультета. В 1823–1827 гг. ректор университета, одновременно с 1819 по 1829 г. врач больницы Казанского университета. С 1833 г. в отставке. (Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. М.; Л., 1948. С. 808.)

⁴⁴ Эрдман Франц (Федор) Иванович (1794–1863) – ординарный профессор восточных языков в Казанском университете. В 1822–1827 гг., 1828–1832 гг. и 1835–1836 гг. декан отделения словесности. В 1825 г. путешествовал по Оренбургскому и Прикамскому краям. В 1828–1845 гг. цензор восточных сочинений, в 1832–1835 гг. – инспектор студентов и директор Педагогического института. В 1832–1834 гг. составил и опубликовал описание университетского собрания азиатских монет. С 1835 г. ординарный профессор арабского и персидского языков по разряду восточной словесности. В 1840 г. принял русское подданство. В 1841–1845 гг. декан первого отделения философского факультета и проректор. В 1845 г. уволен из университета. С 1850 г. директор училищ Новгородской губернии. (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета... Ч. 1. С. 240–241.)

⁴⁵ Никольский Григорий Борисович (1785–1844) – профессор прикладной математики Казанского университета, в 1820–1823 гг. его ректор, доверенное лицо Магницкого. В 1826–1829 гг. председатель строительного комитета университета, затем его член до 1842 г. Уволен в 1839 г. со званием заслуженного профессора, почетный член университета. (Там же. С. 445–556.)

⁴⁶ См.: «Список ученикам и ученицам, обучавшимся у Никиты Кветковского, с показанием их звания, времени вступления, также выбытия и где служили, и теперь, где кто служит». (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 987. Л. 22–25 об.)

«Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом!»

**Письма королевы эллинов Ольги
в фондах РГАВМФ. 1922 г.**

Великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), внучка императора Николая I, племянница императора Александра II, старшая дочь генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, в октябре 1867 г. стала королевой эллинов. Венчание короля Греции Георга I (1845–1913)¹ с юной великой княжной состоялось в Санкт-Петербурге. Этот брак укрепил дипломатические отношения Греции и России, сблизил два царствующих дома, усилил русофильскую партию при дворе короля. Королева эллинов много занималась благотворительностью: основала образцовую больницу, открыла медицинские курсы для женщин и сама посещала их. Во время Первой мировой

войны приехала в Россию, работала в госпиталях, помогая раненым. От своего отца Ольга унаследовала искреннюю любовь к русскому флоту, которую сохранила на всю жизнь. Одним из многочисленных проявлений этой любви стали многолетние дружеские отношения с семьей русского морского офицера А.П. Угрюмова (1859–1937).

Алексей Петрович Угрюмов родился в дворянской семье. Окончил Морские юнкерские классы в Николаеве и курс военно-морских наук при Николаевской морской академии. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. С 1913 по 1915 г. вице-председатель совета Морской крепости императора Петра Великого на Балтике, затем начальник Главного управления кораблестроения и главноначальствующий г. Архангельска и Водного района Белого моря (с 1916 г.). В 1915 г. ему было присвоено звание вице-адмирала. Награжден орденами Российской империи и других государств. Скончался в эмиграции, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Особенно теплые отношения сложились у королевы Ольги с женой вице-адмирала – Софьей Николаевной Угрюмовой (урожденной Кавериной) (1862–1946). Достаточно сказать, что в письмах они называли друг друга ласковыми, шутливыми прозвищами – Лейтенантша, Верблюденька и Загогуля. С.Н. Угрюмова пережила мужа на 9 лет, а подругу – на двадцать. В последние годы жизни она приняла монашество под именем Ольга, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В РГАВМФ хранятся 6 писем королевы эллинов (одно за 1910 г., остальные за январь–октябрь 1922 г.) и 25 корреспонденций к ней С.Н. Угрюмовой за 1895–1912 гг. Для публикации отобрано два наиболее интересных, на наш взгляд, письма Ольги Константиновны, относящихся к 1922 г.

История этих документов связана с деятельностью русских эмигрантских общественных организаций. В 1923 г. в Нью-Йорке было создано Общество бывших русских морских офицеров в Америке. В 1943 г. при нем образована историческая комиссия для целенаправленного сбора и изучения материалов по

Королева эллинов Ольга Константиновна

истории Русского флота, что положило начало формированию архива общества, в 1953 г. переименованного в Общество офицеров Российского императорского флота в Америке. Спустя десять лет (1963 г.) оно объединилось с эмигрантским культурно-благотворительным обществом «Родина». В его помещениях в г. Лейквуде (штат Нью-Джерси) открылись музей, архив и библиотека.

Эти учреждения многие годы проводили большую работу по сбору, систематизации, хранению и изучению материалов по военной истории России. На обращения общества охотно откликались представители русской эмиграции в Америке и Европе, присылавшие вещественные памятники и документы личного происхождения. Среди дарителей оказалась и семья Угрюмовых. По количеству ценных и интересных экспонатов и документов собрания и коллекции общества «Родина» стали одними из самых значительных за пределами СССР.

С середины 1990-х гг. началась передача этих памятников истории и культуры в Россию. Небольшая часть архивных материалов, в том числе и переписка королевы Ольги с С.Н. Угрюмовой, в 1999 г. попала в РГАВМФ².

Публикуемые письма дают дополнительный штрих к портрету замечательной исторической личности – королевы эллинов Ольги, открывают еще одну страницу в многовековой истории взаимоотношений двух народов и стран – России и Греции.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **М.Е. МАЛЕВИНСКОЙ, В.С. СОБОЛЕВА.**

Фотография представлена сотрудниками Государственного архива Российской Федерации **Д.А. МАКАРОВЫМ, З.И. ПЕРЕГУДОВОЙ.**

¹ Король эллинов Георг I, по рождению принц датский Кристиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский, 30 марта 1863 г. избран греческим королем. Ольга Константиновна была счастлива в браке и очень тяжело переживала смерть мужа. Король Георг I был убит в Солониках 18 марта 1913 г. в разгар военных действий против Тур-

ции. Королевская семья имела пятерых сыновей и двух дочерей. (См.: Монархии Европы: Судьбы династии. М., 1996. С. 345–347.)

² Подробнее см.: Баранова И.Д., Волков С.В., Леонидов В.В., Лобыцын В.В., Мишанов В.Г., Толстова-Бобкова О.С. Собрание общества «Родина» вернулось в Россию // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 37–48.

№ 1–2

Письма королевы эллинов Ольги С.Н. Угрюмовой

№ 1

23 февраля 1922 г.

Афины

Дорогой мой Верблюденька! Благодарю сердечно за милое письмо! Как жаль, что Вы простудились. Вы бы были поосторожнее! Надеюсь, что моя Лейтенантша опять здорова! Радуюсь, что фотография Вам доставила удовольствие, но мне досадно, что внучки мои вышли какими-то арабками и далеко не так хороши, как в действительности. Надо им отдать справедливость, что они премилые девочки! Я была очень обрадована помолвкой Ни-

ны¹ с кн[язем] Чавчавадзе – они очень любят друг друга. Дай Бог им счастья! С другой стороны, я получила горестное известие о смерти мужа моей дорогой Татьяны² Александра Васильевича Короченцова³. Их свадьба была 27 октября, и ровно три месяца после этого он скончался... Моя бедная, бедная Татьяна, ей только 31 год⁴, и она пережила почти что только одни испытания. Она знала А.В. больше 20 лет, он был лучшим другом м[оего] брата Дмитрия⁵ – он был как бы членом нашей семьи. Потеряв столько самых близких и дорогих людей – отца, дядю, заменявшего его, мужа, братьев, родину, она всей душой привязалась к А.В., кот[орый] неустанно заботился о ней и о ее детях⁶. Они женились и только три месяца наслаждались редким счастьем... теперь все кончено, счастье пронеслось как сон и осталась одна скорбь... Слава Богу, у Татьяны *вера** и покорность воле Божьей не сокрушимы – я убеждена, что она будет жить в твердом уповании на все то, что Господь обещал всем страждущим и обремененным.

Вы хотите знать, как я устроилась? В моих комнатах очень хорошо, тепло и уютно – они такие же, какие были, и комнаты короля⁷ внизу тоже, но все кругом в прискорбном состоянии – мраморная чудная лестница без перил и т.д. Все это после пожара в Рожд[ественский] сочельник 1919 г. Ничего не исправлено, пот[ому что] денег нет. Все идет на армию в Малой Азии⁸ и на бесчисленное число беженцев, русских и греков с Кавказа, из М[алой] Азии, из Фракии, отовсюду. Сердце за них болит, они такие несчастные! А наши изгнанники сильно страдают от малярии, от чахотки, происходящей от лишений. Их так всех много, что всем и помочь нельзя, и при этом получаю массу просьб о помощи со всех концов Европы от дорогих морячков и от других, а всем помочь невозможно. Я иногда хотела бы быть на перекрестках, громко и долго, от отчаяния! Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом! Я гораздо меньше езжу по госпиталиям, по разным заведениям, пот[ому что] устаю и стала как-то тяжела на подъем – годы свое берут. Вам и моему Лейтенанту⁹ всякие нежности – храни Вас обоих Господь. До свидания!

Нежно обнимает своего Верблюденка, его верная, старая Загогуля.

РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 73. Л. 65–66 об. Автограф.

№ 2

26 сентября 1922 г.¹⁰

Дания, Видёре

Милая моя, дорогая, собственная Лейтенантша!

От глубины души поздравляю и желаю всего, всего лучшего к дню Вашего Ангела и очень надеюсь, что письмо поспеет к 17-му. Я *так* виновата перед моим дорогим степным зверем, что и сказать не сумею как мне стыдно, одна надежда на снисхождение и прощение Верблюденка! Я просто *не могла* писать, пот[ому что] завалена письмами, просьбами и т.д. и, право, не умею со всем этим справиться; конечно, я могла бы иногда написать открытку, сообщающую, что Загогуля жива и здорова, – сознаю и каюсь!!!

Сегодня 10 дней, что я приехала в Данию, к нашей возлюбленной Императрице¹¹ и живу у нее на ее прелестной даче «Видёре». Слава Богу, она

* Здесь и далее курсивом выделено подчеркнутое в документе.

здорова и бодра; мы каждый день гуляем и катаемся; в последнее время установилась чудесная, хотя в тени холодная, погода – все же солнышко пригревает; а у Вас, вероятно, еще жарко. Летом в Греции была нестерпимая жара; я уехала за границу 17 июля, оставалась 4 недели в Liebensteine, где лечила свои несчастные глаза, что принесло некоторую пользу, но вообще не могу ими похвастаться. Из L[iebensteine] поехала к Христофору¹² в Довиль, через 10 дней вместе отправились в Лондон на свадьбу моей внучки Нины, вышедшей замуж за Павлика Чавчавадзе. Они очень счастливы, дай только Бог, чтобы это так и продолжалось. У них обоих и медного гроша нет за душой – им придется работать.

Ксения¹³ очень счастлива со своим молодым мужем, которому на днях минуло всего 20 лет.

В Лондоне я оставалась 11 дней, а на 12-й поехала сюда. Я наслаждаюсь быть с моей Царицей, так приятно, тихо, уютно и хорошо у ней; но скоро и отсюда мне придется уехать и возвратиться в многострадальную, бедную Грецию, которую снова постигло страшное испытание¹⁴. Всему вина поганая политика Запада, поощряющая, а потом бросающая целые народы на произвол судьбы... Вообще в мире неладно и во многих головах тоже... Страшно боюсь, чтобы недавнее выступление бывшего командира Гв[ардейского] эк[ипажа]¹⁵ не оказалось бы яблоком раздора... и именно теперь, когда всего нужнее сплотиться и крепнуть в единении. Помогите нам Бог!!!

Есть ли у Вас известия об Успенских и о Мраморном?¹⁶

Я рада от души, что вы провели хорошее лето и, может быть, еще там находитесь! Как поживает мой дорогой Лейтенант? Если Вы еще захотите написать Вашей весьма недостойной Загогуле, то адресуйте в Париж, «Hotel Ritz», где я, вероятно, буду проездом. Императрица велела Вам сердечно кланяться. Как здоровье моего Верблюда?

Вещи из Парижа были получены¹⁷ так поздно, что мы думали, что они потеряны, и вдобавок на имя Кор[олевы]*, так что я их и не видала как своих ушей – мне выдали их стоимостью деньгами, так как вещи были розданы – думали, что это было подаяние бедным, которых у нее много. Mlle Baltaris** настаивала, чтобы не писали Королева Эллинов, королева Olga d. H., но они сделали по-своему – однако в конце концов вышло все к лучшему!

Фотографии, которые Вы так давно ждете для «кают компании»¹⁸, вышло из Афин – очень извиняюсь за промедление. До свидания, мой Верблюденька. Обнимаю Вас – теплый привет м[оему] Лейтенанту. Храни Вас Господь!

Ваша любящая старая Загогуля

РГАВМФ. Р-2246. Оп. 1. Д. 73. Л. 67–69 об. Автограф.

¹ Нина Георгиевна (1901–1974) – княжна императорской крови, одна из внучек королевы Ольги.

² Татьяна Константиновна (1890–1970) – племянница королевы Ольги, дочь ее брата великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Впоследствии игуменья Елеонского монастыря Тамара.

* Так в документе.

** Личность установить не удалось.

³ Александр Васильевич Короченцов – полковник Русской армии, адъютант дяди Татьяны Константиновны, великого князя Дмитрия Константиновича.

⁴ Здесь королеве Ольге изменила память, так как Татьяне Константиновне к моменту написания этого письма было 32 года, она родилась в январе 1890 г.

⁵ Брат королевы Ольги – великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919), третий сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал от кавалерии, генерал-адъютант его императорского величества, командир лейб-гвардии конно-гренадерского полка. Арестован в начале 1918 г., сослан в Вологду, в августе вновь арестован и перевезен в Петроград, казнен советским правительством в 1919 г.

⁶ Речь идет о детях Татьяны Константиновны от первого брака с кавалергардом, князем К.А. Багратион-Мухранским (дядя великой княгини Леониды Георгиевны), погибшим в бою с немцами в 1915 г.

⁷ Имеются в виду комнаты короля Константина I, ее сына.

⁸ Имеются в виду деньги на создание воинских частей, расположенных на территории Турции, проигравшей Первую мировую войну.

⁹ Так шуточно королева Ольга называет мужа своего адресата – вице-адмирала Русского флота Алексея Петровича Угрюмова.

¹⁰ Следует отметить, что 26 сентября – трагический день для семьи Ольги Константиновны. В этот день в армии вспыхнуло восстание и королю Греции Константиноу I пришлось вторично отречься от престола в пользу своего сына Георга.

¹¹ Имеется в виду вдовствующая русская императрица Мария Федоровна (датская принцесса Дагмара) (1847–1928) – супруга императора Александра III, мать Николая II, сестра мужа Ольги Константиновны. Поездка в Данию для нее – это поездка на родину мужа, короля Георга I, где она часто бывала со своими детьми.

¹² Христофор (1888–1940) – сын королевы Ольги. В его римском доме и скончалась королева эллинов. Ее прах перевезен королем Георгом II в Грецию.

¹³ Ксения Георгиевна – княжна императорской крови, одна из внучек королевы Ольги.

¹⁴ Имеется в виду вспыхнувшая греко-турецкая война.

¹⁵ Речь идет о великом князе Кирилле Владимировиче, который объявил себя претендентом на российский престол. Таким образом, русская монархическая эмиграция оказалась расколотой на два лагеря. Другим претендентом на престол частью эмиграции признавался великий князь Николай Николаевич.

¹⁶ Видимо, речь идет о семье академика Ф.И. Успенского, который в 1895–1914 гг. возглавлял Русский археологический институт императорской Академии наук в Константинополе и был хорошо знаком королеве Ольге. В Мраморном дворце в Петрограде в это время располагался Институт истории материальной культуры Российской академии наук. До революции этот дворец принадлежал их семье. Ольга Константиновна жила там с Дмитрием Константиновичем в последние месяцы перед их выселением.

¹⁷ Видимо, имеются в виду вещевые посылки, направлявшиеся для оказания гуманитарной помощи бедному населению.

¹⁸ Имеется в виду собирательская деятельность русских морских офицеров-эмигрантов по изучению истории Русского флота.

Рисунки партийных деятелей в личных фондах РГАСПИ

Во многих личных фондах и коллекциях деятелей партии и советского государства, хранящихся ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), изредка встречается специфический исторический источник – рисунки. Обычно их находишь в переписке партийных и государственных руководителей СССР. Все они по манере исполнения относятся к жанру политической карикатуры. Хронологические рамки и сюжеты достаточно широки и разнообразны.

Карикатуры и шаржи, возникшие в среде большевистского руководства, известны общественности. Так, на страницах газет в 1903–1904 гг. неоднократно публиковались рисунки Пантелеймона Лепешинского, отражавшие борьбу политических оппонентов – большевиков и меньшевиков после II съезда РСДРП. По завершении Гражданской войны рисунки изменили свою направленность. В начале 1920-х гг. они освободились от политической злобы, превратившись в дружеский шарж, мягкую ироничную карикатуру, в 1930-х гг. – четко отразили позицию и место автора, а также участников событий в развернувшейся внутрипартийной политической борьбе.

Большинство рисунков, сохранившихся в личных фондах руководителей, объединяет актуальность сюжета, его максимальная привязка к конкретной проблеме. Во многих отражены конфликты, возникавшие во время многочисленных и многочасовых заседаний Политбюро ЦК, СНК, СТО, постоянных и временных комиссий, четкая линия размежевания участников, личные симпатии и антипатии художника. «Прозаседавшиеся» партийные, государственные и хозяйственные деятели «расслаблялись», рисуя шаржи на своих выступавших товарищей, грубоватые, карикатурные жанровые сцены, иногда вполне уместные в непритязательной мужской компании, но не всегда пригодные для публикации. Зачастую рисование превращалось в коллективную игру – первый набросок обрастал все новыми деталями и шутливыми подписями, становясь в конце концов подобием современного комикса. Безусловно, такие карикатурные изображения не предназначались к печати.

Выполнены рисунки чаще всего на отрывных листах служебных блокнотов, полях официальных документов, карандашами (простым, а нередко синим и красным, традиционно использовавшимися для правки документов, виз и резолюций) или черными чернилами. Бросается в глаза разная степень их совершенства – от наспех сделанных зарисовок до тщательно выполненных работ, свидетельствующих о немалых художественных способностях автора.

Кроме разрозненных рисунков в РГАСПИ имеется и их коллекция. Она поступила в 1995 г. из Архива Президента РФ в составе фонда К.Е. Ворошилова (Ф. 74). Судя по количеству изображений (532 в трех архивных делах), можно сделать вывод, что для Климента Ефремовича они являлись предметом собирательства.

В коллекции есть несколько уникальных серий произведений, созданных как бы на одном дыхании и имеющих вполне самостоятельный и завершенный характер. Например, 56 шаржей под общим названием: «Весь синклит, военачальники и градоначальники. 1923 г.». Это шаржированные изображения политической элиты и сотрудников аппарата ЦК среднего ранга начала 1920-х гг., впоследствии занявших ключевые посты во властных структурах предвоенного и военного десятилетий. Любопытно, что на чистом листе, открывающем серию, сделана красноречивая надпись: «Для "Генерального" место оставлено. (Пока!)».

Автор надписи еще не установлен, есть предположение, что это И.В. Сталин. Его подписи уже подтверждены на нескольких рисунках, а вот художником, вероятно, является Е.М. Ярославский.

Большинство раритетов коллекции выполнено Н.И. Бухариным и В.И. Межлауком, несколько рисунков – М.Е. Кольцовым. Предположительно среди авторов шаржей и карикатур – Е.М. Ярославский, М.П. Томский, Морис Белоцкий.

Многие рисунки поддаются точной датировке и комментированию. Проставленные даты позволяют соотнести их сюжеты с хроникой политической жизни страны. Здесь нашли свое отражение XIV, XV и XVII съезды ВКП(б), внутрипартийная борьба конца 1920-х гг., история коллективизации и индустриализации страны, внешней политики, борьба с оппозицией в конце 1930-х гг. Действующие лица – В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, Ф.Э. Дзержинский, Н.И. Бухарин, Г.К. Орджоникидзе, Е.М. Ярославский, М.И. Калинин, В.М. Молотов, А.И. Микоян и др.

В отличие от письменных документов (анкет, писем, речей) каждый из рисунков является искренней и спонтанной реакцией авторов на события, своего рода моментальной фотографией. Именно этим они особенно ценны. Наши представления об эпохе великих преобразований наверняка обогатятся, когда вслед за «письмами вождей» будут опубликованы и плоды их «художественного творчества».

До настоящего времени они использовались главным образом как иллюстративный материал к научным трудам. Но уже появилось несколько тематических журнальных публикаций рисунков в России и Германии*. Скоро увидит свет книга-альбом, выпускаемая одновременно двумя издательствами – РОС-СПЭН и Йельского университета США. Тем не менее предстоит еще большая работа по их атрибутированию, уточнению обстоятельств появления. Порой непросто установить конкретный политический или хозяйственный казус, послуживший поводом для того или иного сюжета; не всегда узнаваемы персонажи и их действия. Хотелось бы узнать и об истории формирования коллекции Ворошилова: дарились ли рисунки самими авторами или они попадали иным путем? (На оборотной стороне, видимо, последних рисунков В.И. Межлаука, запечатлевших некоторых участников февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), имеются надписи М.-Д. А. Багирова и Л.П. Берии.)

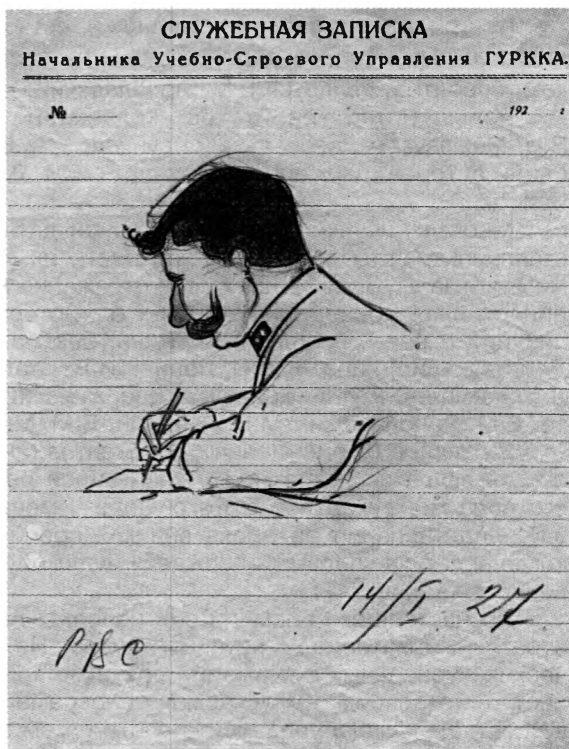
В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что политические шаржи и карикатуры из фондов РГАСПИ являются уникальными изобразительными документами, у которых есть будущее в качестве самостоятельного источника, позволяющего исследователю открывать новые, доселе скрытые горизонты истории.

Ниже публикуются рисунки начальника Главметалла, заместителя председателя ВСНХ В.И. Межлаука и начальника учебно-строевого управления главного управления РККА Л.Б. Малиновского, созданные на разного рода заседаниях в 1920-х гг.

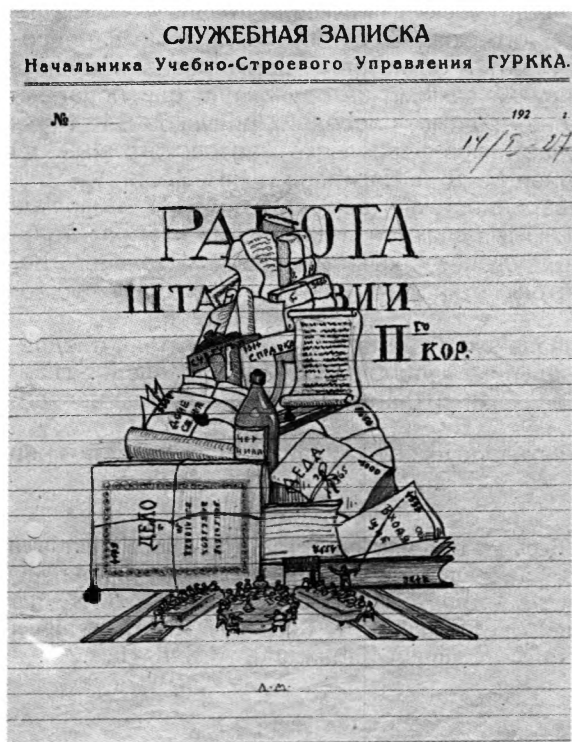
Вступительная статья, подготовка рисунков к публикации и комментарии
Л.Н. МАЛАШЕНКО.

* Малашенко Л.Н., Экштут С.А. Весь синклит // Родина. 1997. № 7. С. 79–83; Vatlin A. Malashenko L. Fuhrergalerie. Nnbekannte Strizzen Bucharin // Forum. 2. Jahrgang 1998. Heft 2; *Idem*. Portrats der

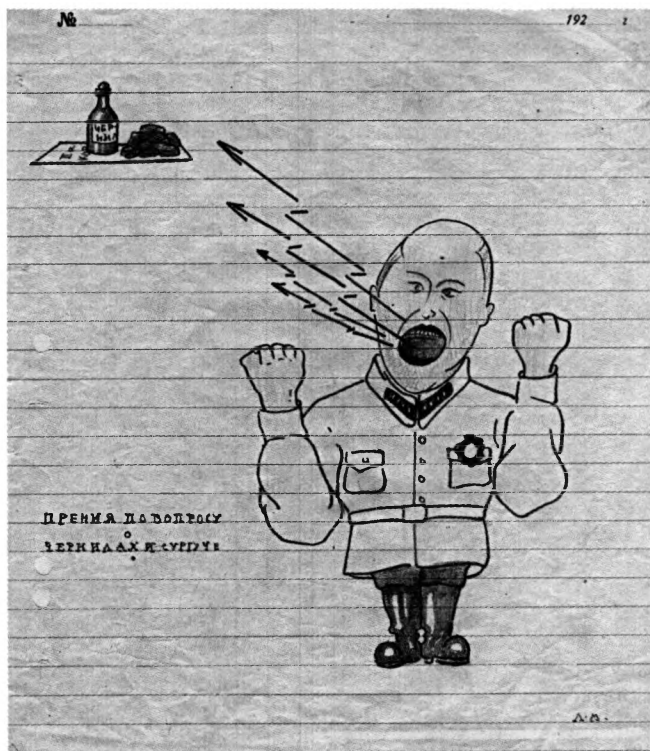
Fuhrungsriege (Teil II): Die Karikaturen von Valerij Mezlauck // Ibid. 3. Jahrgang 1999. Heft 1; *Idem*. Portrats der Fuhrungsriege (Teil III): Innerparteilicher Kampfin Karikaturen // Ibid. Heft 2.

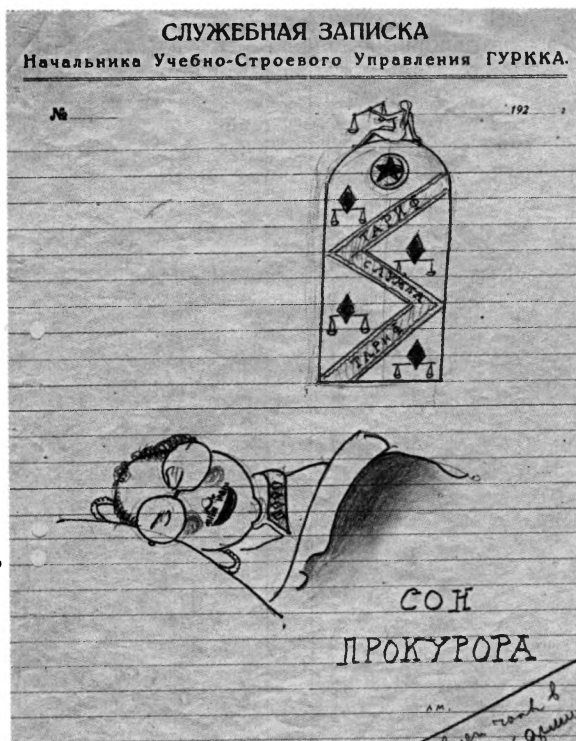
Портрет С.М. Буденного. Автор Л.Б. Малиновский. 14 января 1927 г. Черный и синий карандаш. Помета К.Е. Ворошилова: «РВС. 14/1.27». РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 168. Л. 77

Работа штаба дивизии II корпуса. Автор Л.Б. Малиновский. 14 января 1927 г. Черный, синий, красный карандаш. Авторские инициалы: «Л.М.». РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 168. Л. 79

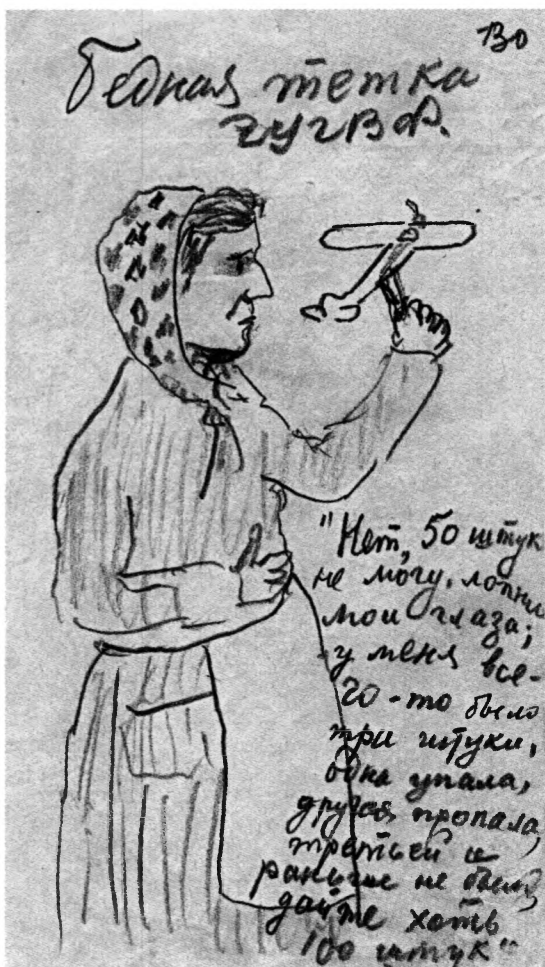
Прения по вопросу о чернилах и сургуче. Автор Л.Б. Малиновский. 14–16 февраля 1927 г. Черный, синий, красный карандаш. Авторские инициалы: «Л.М.». РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 168. Л. 81

Сон прокурора. Автор Л.Б. Малиновский. 14–16 февраля 1927 г. Черный, синий, красный карандаш. Вероятно, приписано К.Е. Ворошиловым: «имевшего чины в старой армии». Авторские инициалы: «Л.М.». РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 168. Л. 83

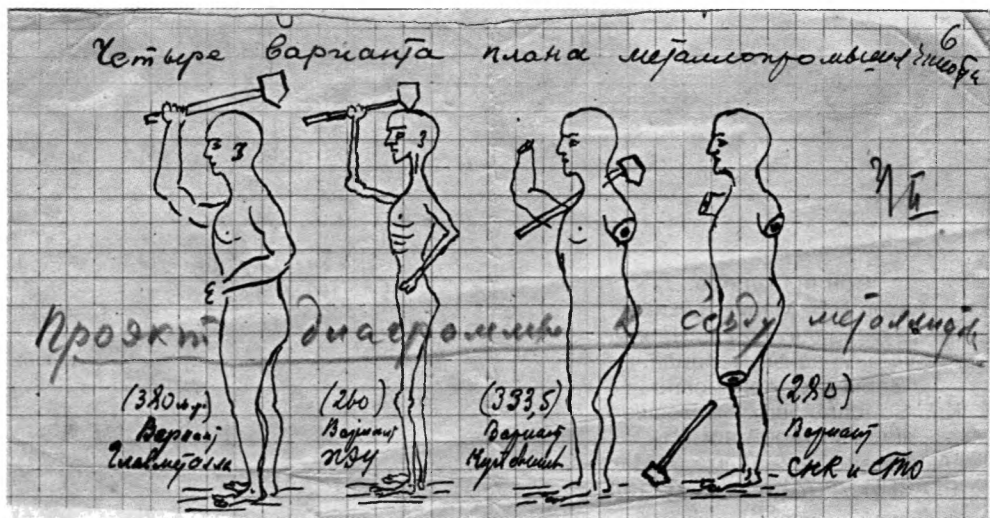
Бедная тетка ГУГВФ. Автор В.И. Межлаук. Без даты. Черный карандаш. Авторская надпись: «Нет, 50 штук не могу, лопни мои глаза; у меня всего-то было три штуки, одна упала, другая пропала, третьей и раньше не было, дайте хоть 100 штук».

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 170. Л. 130

Проект диаграммы к съезду металлистов. Автор В.И. Межлаук. 3 февраля [год неизвестен]. Фиолетовые чернила, синий карандаш. Авторская надпись: «Четыре варианта плана металлопромышленности (380 м.р.) Вариант Главметалла, (260) Вариант ПЭУ, (333,5) Вариант Куйбышева, (280) Вариант СНК и СТО».

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 169. Л. 6

Конференции, совещания, семинары

Юбилейные «Тихомировские чтения»

31 мая состоялось совместное заседание Отделения историко-филологических наук и Археографической комиссии РАН, посвященное ее 50-летию. В зале президиума РАН собрались представители академической науки, архивных учреждений, музеев, библиотек, высших учебных заведений, издательств и СМИ, прозвучали поздравления и доклады участников мероприятия.

Большинство выступавших в первую очередь обращались к истории Археографической комиссии, опираясь на личные воспоминания и архивные документы (директор Архива РАН, канд. ист. наук В.Ю. Афиани; академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, академик А.П. Деревянко; почетный председатель Археографической комиссии, советник РАН, академик РАО С.О. Шмидт и др.). Докладчики отдали должное ее прежним (академик АН СССР М.Н. Тихомиров, член-корр. АН СССР В.И. Шунков) и действующим (член-корр. РАН С.М. Каштанов, С.О. Шмидт) руководителям, внесшим существенный вклад в создание и развитие комиссии как научной организации. С помощью коллектива высококлассных профессионалов им удалось в центре (Москва, Санкт-Петербург) и на местах (Сибирь и другие регионы) развернуть работу по собиранию (в ходе археографических экспедиций), сохранению и реставрации, научному описанию и популяризации рукописных, старопечатных книг и иных исторических памятников. О ее результативности убедительно свидетельствует размах издательской деятельности, в полном объеме отразившийся в опубликованной издательством «Наука» брошюре «50 лет Археографической комиссии» (сост. А.В. Мельников, отв. ред. С.О. Шмидт).

Здесь помещен библиографический список вышедших под грифом Археографической комиссии в 1958–2005 гг. изданий, в котором даже без учета ее региональных отделений и персональных трудов сотрудников около 150 работ.

Общую картину этой сферы деятельности комиссии дополнили участники заседания, рассказавшие о неразрывной связи издателей с учеными в прошлом и настоящем. Они отметили количественный рост продукции, стабильность выхода в свет «Археографического ежегодника» (с 1957 г.) и научную значимость его содержания (генеральный директор Академиздатцентра «Наука», член-корр. РАН В.И. Васильев). Высокую оценку в качестве справочно-информационных изданий заслужили размещенные в ежегоднике обзоры архивных фондов и документов (их 132). Это поистине академические по охвату российских и зарубежных архивов различного профиля и ранга, глубине, полноте и представительности описания исторических источников исследования (директор ГАРФ, д-р ист. наук С.В. Мироненко).

Юбилей Археографической комиссии РАН послужил поводом для широких обобщений и выводов по части издания документов. Так, например, были обнародованы результаты анализа заметно активизировавшейся за последние 15 лет публикаторской деятельности архивных учреждений страны. На базе документальных изданий по истории XX в., претерпевшей наиболее значительные изменения, удалось сформулировать существенно влияющие на археографическую деятельность факторы (правовые, этические, финансовые, организационные, научные, технологические и политические); раскрыть суть их воздействия на данную область научной жизни и практи-

ки, проиллюстрировать конкретными примерами изданий (руководитель Росархива, член-корр. РАН В.П. Козлов).

Не столь оптимистичны были оценки изданий источников по древней истории. В качестве актуальной названа проблема передачи текста документов XVI–XVII вв., обращено внимание на недопустимость использования так называемых упрощенных или общих правил их издания, довольно распространенных сегодня. Положительными примерами в этом деле представлены публикации издательства «Наука», а перспективными методами – цифровые технологии (С.М. Каштанов; ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, д-р ист. наук А.Л. Хорошкевич).

Участники заседания (заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения АК, д-р ист. наук Н.Ю. Бубнов; канд. ист. наук А.В. Елпатьяевский; заведующий кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ, канд. ист. наук В.Ф. Козлов; ученый секретарь АК, канд. ист. наук В.А. Черных), хотя и отмечали объективные трудности в развитии отечественной археографии (потеря профильной кафедры в Историко-архивном институте, отставание исследований в области палеографии и др.), не обошли вниманием заслуги российских

ученых (В.И. Малышева, Б.Н. Морозова, И.В. Поздеевой, архимандрита Иннокентия Просвирнина, С.О. Шмидта и др.) в полевой и камеральной археографии, собирании памятников истории, исторической генеалогии, историческом краеведении, перестройке системы комплектования государственных архивов в 1960-е гг.

Друзья и коллеги сердечно поздравили сотрудников Археографической комиссии с юбилеем. Они выразили уважение к ее заслугам и верности научным традициям (В.П. Козлов – Росархив, Н.И. Хими́на – ВНИИДАД), напомнили о ее вкладе в учебный процесс в ИАИ и на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова, их тесном взаимодействии (А.Г. Голиков, А.В. Дадыкин – МГУ, Е.И. Пивовар – РГГУ), археографической работе на Урале (Р.Г. Пихоя – Российская академия госслужбы при Президенте Российской Федерации), сотрудничестве с музеями (А.Д. Яновский – ГИМ), Институтом славяноведения РАН (К.В. Никифоров, А.Л. Хорошкевич), творческой атмосфере в комиссии (В.Ю. Афиани – Архив РАН), задающей тон в этой научной сфере (М.М. Горинов – Главархив Москвы).

Тексты докладов и сообщений будут опубликованы в очередном номере «Археографического ежегодника».

Л.А. Кобелькова,
кандидат исторических наук

«Обеспечение сохранности архивных документов в современном мире»

Под таким названием в Москве с 6 по 9 июня прошел международный обучающий семинар для архивистов Евро-Азиатского регионального отделения Международного совета архивов. Его организаторы – ЕВРАЗИКА и Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (базовая организация по переподготовке и повышению квалификации кадров стран СНГ по архивоведению, документоведению и документационному обеспечению управления). Участни-

ки – 14 специалистов из республик Армения, Беларусь, Кыргызской, Узбекистан, Российской Федерации, Туркменистана, Украины, Монголии, а также член комитета МСА по обеспечению сохранности архивных документов, начальник департамента сохранности архивных документов Национального архива Словакии доктор Й.Ханус.

На открытии мероприятия выступили представители Росархива: заместитель руководителя В.П. Тарасов, начальник отдела международных связей, испол-

нительный секретарь ЕВРАЗИКИ К.Г. Черненко, заместитель начальника управления – начальник отдела обеспечения сохранности, государственного учета и автоматизированных архивных технологий Т.Е. Шабанова и директор ВНИИДАД, д-р ист. наук М.В. Ларин.

На семинаре рассматривались концепции сохранения архивных документов и их информации, международный опыт предотвращения современных угроз сохранности архивных документов, методика восстановления угасающих текстов и изображений архивных документов с помощью фотографических и цифровых технологий, применения современных компьютерных технологий обработки изображений. Так, Т.Е. Шабанова в своей лекции всесторонне осветила современные проблемы безопасности архивов и архивных фондов. Заведующий лабораторией обеспечения сохранности архивных документов ВНИИДАД, канд. хим. наук В.Ф. Привалов рассказал об истории создания документов на разных носителях, концепциях сохранности объекта и его информации, проблемах хранения и реставрации архивных документов, обеспечении сохранности современных принтерных текстов документов, а ведущий научный сотрудник лаборатории, канд. техн. наук А.Г. Харитонов – о методике восстановления угасающих текстов и изображений архивных документов, возможностях применения фотографических и цифровых технологий обработки изображений.

Доктор Й.Ханус поделился национальным и международным опытом организации системы мер по обеспечению сохранности архивных документов, выделив ее основные элементы и зна-

чение консервации и реставрации архивных документов в деле обеспечения сохранности. Заведующая ОЦНТИ по документоведению и архивному делу канд. ист. наук А.Г. Сергеева сообщила об информационных ресурсах и организации работы центра.

Собравшиеся ознакомились с возможностями информационно-справочной системы архивной отрасли, каждый получил пакет нормативно-методической литературы и компакт-диск с текстами лекций. В рамках семинара были организованы экскурсии в РГАСПИ по теме «Уникальные и особо ценные архивные документы в РГАСПИ. Условия хранения», новую лабораторию микрофильмирования и реставрации архивных документов Главархива Москвы, а также по достопримечательностям столицы.

Итоги семинара были подведены на заседании «круглого стола» с участием член-корр. РАН, руководителя Росархива, председателя ЕВРАЗИКИ В.П. Козлова, который отметил, что организаторы стремились донести до слушателей международный и российский опыт в области обеспечения сохранности архивных документов, показать современные способы решения задачи сохранения для потомков всего документального богатства и готовы впредь проводить подобные мероприятия по любой проблеме архивного дела, имея для этого и финансовые, и технические, и организационные возможности.

Участники семинара дали ему высокую оценку и высказали слова благодарности организаторам. Заседание «круглого стола» завершилось вручением удостоверений о повышении квалификации.

В.Г. Ларина,
кандидат исторических наук

Совещание в Кемеровской области

7 июня в областной администрации состоялось совещание, где обсуждался порядок взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и феде-

ральных организаций с органами управления архивным делом и архивными учреждениями в сфере комплектования документами их территориальных органов.

Заместитель губернатора – руководитель аппарата администрации области Е.М. Баранов сформулировал цель совещания: выработка порядка работы органов управления архивным делом и архивных учреждений области с федеральными структурами в соответствии с законодательной и правоприменительной практикой и заявил о всемерной поддержке архивной службы областной администрацией. Он напомнил, что прежде все документы по истории Кемеровской области, относящиеся к Архивному фонду Российской Федерации, сосредоточивались в облгосархиве, городских и районных архивах, теперь, в ходе административной реформы выстраивается новая система управления, меняются подходы к формированию Архивного фонда страны. Кемеровская область заинтересована в сохранении своей истории, т.е. территориального принципа комплектования. Это потребует дополнительных расходов из областного и муниципальных бюджетов. И если на областном уровне с федеральными структурами заключены соглашения, то с органами местного самоуправления сложнее. Там свой механизм финансирования, слабая материально-техническая база муниципальных архивов и, главное, отсутствуют полномочия для работы с федеральными структурами.

Начальник Архивного управления Кемеровской области В.А. Сергиенко проанализировал состояние, состав и содержание документов муниципальных архивов, отметив повышение их значимости в мировом сообществе.

Главный специалист управления О.А. Агеева рассмотрела архивное законодательство в части определения порядка комплектования документами, образовавшимися в деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и федеральных организаций, расположенных в Кемеровской области и в муниципальных образованиях. Она изложила проблемы комплектования муниципальных архивов документами федеральных структур в свете реализации Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», подчеркнув, что сегодня федеральные структуры составляют 31 % в списке организаций – источников комплектования Госархива

Кемеровской области и 15–20 % на муниципальном уровне. Сформировано около 189 тыс. дел постоянного хранения и 508 тыс. дел по личному составу при объеме ежегодного документооборота 7 тыс. дел. Часть дел постоянного хранения уже находится в хранилищах (на безвозмездной основе). Работа с федеральными структурами потребовала от архивов области значительных затрат рабочего времени (консультации, разработка инструкций по делопроизводству, положений об экспертных комиссиях и архивах, номенклатур дел, описей и т.п.) и финансовых.

Одни главы муниципальных образований исходят из интересов и практических задач жителей своих районов и городов, не отказываясь от работы с федеральными структурами в форме заключения соглашений, другие – просто не вмешиваются в процесс. Несмотря на это, проблема комплектования документами федеральных структур, расположенных в муниципальных образованиях, обострилась. Например, глава г. Новокузнецка С.Д. Мартин сообщил, что в городе действуют 90 организаций, относящихся к федеральным структурам, а также 18 подразделений ОАО «Российские железные дороги». Местная администрация постановила, что будет работать с федеральными структурами только после принятия соответствующих решений Правительства Российской Федерации. Юристы администраций г. Юрга, Мариинского, Топкинского районов либо отказывают федеральным структурам в приеме на хранение документов, либо настаивают на заключении договоров. Исходя из полученных Архивным управлением Кемеровской области от 34 муниципальных образований данных, О.А. Агеева назвала первоочередной задачей принятия постановлений Правительства Российской Федерации «О передаче архивных документов, образующихся в деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, федеральных организаций, иных государственных органов Российской Федерации, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, в государственную собственность субъекта Российской Федерации в случае передачи их на постоянное хранение в государ-

ственные архивы субъектов Российской Федерации и в муниципальную собственность в случае передачи их в муниципальные архивы».

Сообщения управляющего Отделением Пенсионного фонда Российской Федерации по Кемеровской области В.А. Старикова, заместителя руководителя Управления Федеральной налоговой службы России по Кемеровской области Т.Г. Санниковой, руководителя Управления Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по Кемеровской области О.А. Тюриной, заместителя начальника Управления судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в Кемеровской области О.Г. Окуньковой, начальника Управления Федеральной государственной службы занятости населения по Кемеровской области Е.А. Баканова, руководителя территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области С.М. Григорьева были посвящены обзору работы с архивными службами муниципальных образований.

Участники совещания пришли к выводу, что в случае невозможности передачи документов федеральных структур на хранение в муниципальные архивы они, по соглашению с Архивным управлением Кемеровской области, обеспечат упорядочение и передачу документов организаций, расположенных в муниципальных образованиях, в головную организацию территориального органа для последующей передачи в Госархив Кемеровской области объединенного архивного фонда в составе головной организации.

В ходе дискуссии представители Прокуратуры Кемеровской области отметили, что многие положения Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» действительно нуждаются в изменениях, и предложили, исходя из п. 2 ч. 1 ст. 18 закона, архивные документы федеральных органов власти и организаций временно хранить в государственных и муниципальных архивах с соблюдением процедуры, определенной федеральным законом или иным нормативным актом. Однако заместитель начальника Архивного управления Кемеровской области Т.В. Акибова подчеркнула, что ни в федеральном законе, ни в каком другом законодательном акте нет нормы, определяющей порядок наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями по хранению, комплектованию, учету и использованию архивных документов, отнесенных к федеральной собственности, хотя и предусматривается работа с федеральными структурами по договорам.

Совещание рекомендовало органам управления архивным делом и архивным учреждениям, а также федеральным органам и организациям строить взаимоотношения на основе соглашений; возложило на расположенные в области территориальные органы федеральных органов исполнительной власти и федеральные организации, имеющие сеть в муниципальных образованиях, ответственность за обеспечение сохранности, комплектование, учет и использование архивных документов подведомственных организаций в муниципальных образованиях.

О.А. Агеева

Читинские архивисты совещаются

Управление по делам архивов Читинской области 4–5 мая провело совещание-семинар для сотрудников архивных учреждений, а также ответственных за делопроизводство и архив крупных учреждений – источников комплектования Госархива Читинской области, где были

подведены итоги работы государственных и муниципальных архивов за 2005 г. и определены задачи на 2006 г.

Начальник Управления по делам архивов А.Г. Гаученов, говоря о главных проблемах развития архивного дела в области, в том числе комплектования

муниципальных архивов документами по личному составу ликвидированных организаций и предприятий, подчеркнул, что недостаток площадей, кадров, слабая материально-техническая база, задержка выплаты заработной платы муниципальным архивистам серьезно осложняют их деятельность. Положение усугубляется отсутствием перспективы увеличения штата из-за недостаточного финансирования, тенденцией к сокращению сети муниципальных архивов (например в Акшинском и Шилкинском районах), трудностью внедрения современных информационных технологий, а также увеличением количества запросов социально-правового характера (в четыре раза по сравнению с 2000 г.). Эффективность данной работы может повысить только создание научно-справочного аппарата к документам по личному составу и прием их в архивы уже обработанными. Для этого важно наладить сотрудничество с конкурсными управляющими организациями и предприятий, а также арбитражными судами.

Отмечалась необходимость творческого подхода к работе по всем направлениям деятельности архивов, но особенно по формированию Архивного фонда области, обеспечению его сохранности и использованию. Чтобы до-

биться этого, требуется рост профессионального мастерства сотрудников, в частности на курсах повышения квалификации ОЦПК ВНИИДАД (в 2005 г. их окончили 10 архивистов области).

В заключение по результатам работы за год 22 архивиста области и 10 ответственных за делопроизводство и архивы учреждений – источников комплектования были награждены почетными грамотами и благодарственными письмами Управления по делам архивов.

Для участников семинара проведены практические занятия по составлению планово-отчетной документации и списков источников комплектования, а также индивидуальные собеседования. Руководители муниципальных архивов совершили экскурсию в новое здание отдела по делам архивов Департамента обеспечения исполнения государственных полномочий Агинского Бурятского автономного округа. В п. Агинское прошло заседание «круглого стола» по вопросам комплектования архивов документами личного происхождения. Местные архивисты поделились опытом работы и показали выставку документов из фондов личного происхождения.

Гости посетили краеведческий музей, дацан, Мемориал Славы. Мероприятия освещались средствами массовой информации.

Л.М. Пузыревская

Выездное заседание коллегии Комитета по делам архивов Нижегородской области

Хорошей традицией нижегородских архивистов стало проведение выездных заседаний коллегии Комитета по делам архивов Нижегородской области, которые дают возможность не только ознакомиться с работой муниципальных архивистов, но и обобщить их опыт, обеспечив взаимодействие с государственными архивными учреждениями. Об этом говорил руководитель комитета А.П. Арефьев, выступая на заседании коллегии 7 июня в пос. Сосновское Нижегородской области. Деятельность архивного

отдела администрации Сосновского района специалисты комитета изучили еще в мае, изложив итоги в подготовленной ими справке. Участники заседания положительно оценили, в частности, активизацию использования документов (в 2005 г. по итогам конкурса на лучшую газетную статью среди муниципальных архивных учреждений заведующей отделом Н.Ю. Сергуниной присуждена первая премия и вручен диплом комитета). Как особенно примечательный факт они отметили, что руководство небольшого

сельского района, находящегося в не-
легких финансовых условиях, нашло воз-
можность выделить архивному отделу
новое помещение архивохранилища и
немалые средства на его освоение.

В рамках заседания обсуждались
также вопросы комплектования архив-
ного отдела документами личного про-
исхождения, подчеркивалась необходи-

мость учета документальных источников
в районном музее, проведения семина-
ров по делопроизводству для специали-
стов сельских администраций. Заве-
дующие архивными отделами ряда рай-
онов области обменялись опытом, вы-
сказали пожелания по дальнейшему со-
вершенствованию информатизации му-
ниципальных архивов.

Б.М. Пудалов

«Формирование и научное описание архивных коллекций»

Так назывался семинар, проведен-
ный ЦГАЛИ Санкт-Петербурга с 22 по
26 мая в г. Пскове в рамках заседания
научно-методического совета архивных
учреждений Северо-Западного феде-
рального округа Российской Федера-
ции, посвященного работе с документа-
ми личного происхождения. В нем уча-
ствовали архивисты Великих Лук, Воло-
гды, Калининграда, Новгорода, Пскова,
Санкт-Петербурга и других регионов.

Они рассмотрели принципы система-
тизации документов в различных видах
коллекций ЦГАЛИ СПб. (В.П. Ярошецкая),
методы собирания и первичного описа-
ния документальных источников архив-
ной коллекции «Ветераны войны и труда»
(А.М. Варзин, Вологда), тематику, состав
и содержание архивных коллекций
(Т.А. Прошина, Калининград; И.Р. Искра,
Новгород; Н.В. Коломыцева, Псков), по-

делились опытом их формирования
(Н.И. Бурлуцкая, ЦГА СПб.; Н.Ф. Фомиче-
ва, ЦГАНТД СПб.; Т.Н. Зверева, ЦГАЛИ
СПб.). Подчеркивая рост значимости ра-
боты с архивными коллекциями в дея-
тельности госархивов округа, где созда-
ны коллекции участников Великой Отече-
ственной войны, работников отдельных
отраслей промышленности, сельского
хозяйства, культуры; по истории местно-
го края, а также ее актуальность в связи
с переходом на электронное документи-
рование, выступавшие отмечали вместе
с тем слабость нормативно-методиче-
ской базы. В этой связи ЦГАЛИ СПб., как
организационно-методическому центру,
было предложено продолжать работу по
обмену опытом, накопленному госархи-
вами региона, а тексты сообщений семи-
нара включить в очередной выпуск сво-
его информационного бюллетеня.

Л.С. Георгиевская

«Роль курского земства в культурной и научной жизни губернии (1864–1918 гг.)»

Под таким названием 26 мая прошла
конференция в Госархиве Курской об-
ласти с участием представителей науч-
ных учреждений, вузов, музеев, библио-
тек, общественности и краеведов. Ее
тема актуальна, поскольку с 1 января

2006 г. в соответствии с Федеральным
законом «Об общих принципах органи-
зации местного самоуправления в Рос-
сийской Федерации» от 6 октября
2003 г. на территории районов Курской
области созданы органы местного са-

моуправления. Цель конференции – осветить разнообразную деятельность курского губернского земства, показать его роль в культурной и научной жизни губернии в пореформенную эпоху XIX в.

Открыл конференцию начальник Главного архивного управления Курской области В.Л. Богданов. Исторические аспекты становления земского самоуправления в Курской губернии затронула д-р ист. наук, профессор КГУ Г.А. Салтык, отметившая, что изучение опыта местного самоуправления остается одним из актуальных вопросов истории России, так как в современных условиях создание эффективной системы местной власти – закономерный этап на пути построения демократического государства, а без учета достижений более чем полувековой работы земства это невозможно.

Отдельные страницы истории курского земства в период Февральской революции осветил канд. ист. наук, доцент КГУ В.В. Раков, обративший внимание на пробелы в советской и современной российской историографии. Переустройство государственной власти и местного самоуправления стали перманентным процессом в жизни российского общества в 1917 г. Земства «выпали» из этого процесса, что значительно усилило радикальную составляющую революции в провинции.

О вкладе земства в развитие здравоохранения и медицины (проведение съездов земских врачей и публикация их трудов, организация врачебных советов, участие в строительстве лечебниц и больниц) говорили доцент КГТУ Т.А. Лопырева и аспиранты КГУ К.А. Краснородько, К.А. Лотарев. Роли земства в развитии фармацевтической отрасли посвятила свое выступление канд. ист. наук, начальник отдела облгосархива Н.Н. Коротеева, отметившая, что переход аптечного дела в ведение земских органов самоуправления обусловил бесплатный отпуск лекарств населению губернии, открытие земских аптек и аптечных складов на селе, обеспечивавших снабжение врачебных участков, фельдшерских пунктов.

На конференции обсуждалась роль некоторых земских представителей в становлении и развитии различных культурных, общественных и оздоровительных учреждений губернии. Д-р ист.

наук, профессор КГМУ А.Ю. Друговская сообщила новые сведения о земском враче, крупном общественном деятеле В.И. Долженкове, инициаторе организации комиссии народных чтений, создателе Общества содействия начальному образованию в губернии, авторе 100 научных работ, выступавшем за распространение гигиенических знаний среди школьников (после смерти в 1922 г. его имя присвоили открытому в Курске Дому санитарного просвещения); профессор КГСХА Н.С. Шевырев – о первом директоре Курской ветеринарной бактериологической лаборатории Н.Д. Диковском, пионере бактериологических исследований по профилактике сибирской язвы.

Пристальное внимание уделялось роли и месту местного самоуправления в решении проблем социально-экономического развития региона. Деятельность земских учреждений практически совпадает с полномочиями современного местного самоуправления: медицина, народное образование, социальная защита, развитие хозяйства и противопожарных мер, выполнение поручений правительства, налоги. Поэтому многие проблемы, с которыми сегодня сталкиваются представители современного муниципалитета, могут быть решены с учетом опыта земского самоуправления начала XX в. (аспиранты КГУ И.Е. Матосова, О.Е. Бочаров).

Самостоятельные выступления были посвящены участию земства в развитии народного образования (д-р ист. наук, проф. КГУ А.А. Терещенко, канд. ист. наук, президент краеведческого общества Ю.А. Бугров, аспиранты и преподаватели вузов Д.А. Курцев, В.М. Кузьмина, Д.А. Терещенко, Е.И. Емельянова, Л.С. Гатилова и др.), в том числе открытии земских школ, преобразовании ряда начальных училищ (Курское, Льговское, Тимское, Щигровское и др.) в высшие начальные училища, дававшие в дальнейшем возможность юношам поступить в реальное училище, а девочкам – в женскую гимназию, а также в повышении квалификации учителей на педагогических курсах, обеспечении учителей и курсантов жильем и питанием.

На конференции отмечались и слабые стороны земства: отсутствие стройной и централизованной системы

(земские учреждения существовали только на губернском и уездном уровнях) часто мешало плодотворной работе. И все же, несмотря на недостатки в организации и проблемы в финансировании, серьезной заслугой земских деятелей явились собрание и обработка статистических данных о деятельности земства (канд. ист. наук, доцент КГСХА А.Д. Афанасьев).

В русле культурно-просветительской деятельности земства рассматривались вопросы пенсионного обеспечения земских училищ (соискатель КГУ А.В. Кульчинский), участия земства в исследовании Курской магнитной аномалии в 1896–1899 г. (зам. директора ГАКО О.В. Пешехонова), а также роль в ста-

новлении библиотечного дела (ученый секретарь научной библиотеки им. Н.Н. Асеева Б.Д. Оробинский), история земского самоуправления в русской либеральной журналистике (студент КГУ Д.Н. Меньшаков), проведение первой губернской выставки садоводства, плодородства и огородничества (сотрудник ГАКО С.А. Перепонова).

Участники конференции решили направить городским властям резолюцию с предложением распространить положительный исторический опыт земства начала XX в. на решение современных вопросов местного самоуправления.

Доклады и сообщения участников конференции будут опубликованы в сборнике.

В.Л. Богданов

«Локальные войны глазами пермяков»

Этой теме 27 апреля было посвящено заседание «круглого стола», организованное Архивом г. Перми при поддержке городской администрации. Для архива, созданного в августе 2004 г. на базе ликвидированного архивного отдела городской администрации – центра хранения документов по личному составу и только осваивающегося в статусе муниципального, мероприятие такого масштаба было первым.

Тема и дата проведения выбраны не случайно – в мае исполнилось 55 лет со времени ввода советских подразделений в составе китайских войск на территорию Северной Кореи. Долгие годы эта страница истории скрывалась от общества, как и информация об участии российских солдат в других локальных войнах и конфликтах.

Перед началом заседания его участники собрались в сквере Советской армии, где возложили цветы к памятнику «Разорванное братство» в честь пермяков, погибших в «горячих точках» планеты.

Большой интерес вызвали доклады д-ра ист. наук, профессора Пермского госуниверситета М.Г. Суслова «О ха-

рактере войн на разных этапах исторического развития» (о возможностях и вероятностях третьей мировой войны) и д-ра ист. наук, профессора того же университета Б.П. Дементьева «Феномен теории и практики локальных войн». Об отношении органов власти к событиям в Афганистане в 1980-е гг. рассказал бывший в 1960–1980-е гг. первым секретарем Пермского областного комитета КПСС, председателем Пермского облисполкома Б.В. Коноплев. В прениях выступили историки, партийные и советские работники, участники событий в Афганистане, Сербии, а также архивисты, краеведы, музейные работники.

Собравшиеся предложили ходатайствовать перед Законодательным собранием Пермского края об установлении Дня памяти погибших в локальных войнах, создании оргкомитета по работе с ныне живущими участниками этих событий и обратились к ним с предложением о передаче в архив личных документов.

При подготовке «круглого стола» в городской архив были приняты документы об участии пермяков в военных

действиях в Корее, Вьетнаме и Афганистане: воспоминания, фотографии, письма, листовки, наградные свидетельства. Они сформированы в архивную коллекцию и уже демонстрирова-

лись на выставке «Участие пермяков в локальных войнах», организованной в рамках мероприятия.

Материалы «круглого стола» архив планирует издать.

С.С. Смородина

«Любовь к Родине как призвание»

Прошедшее под таким названием 24 мая в читальном зале центральной библиотеки г. Льгова Льговского района Курской области выездное заседание «круглого стола» было посвящено 95-летию со дня рождения известного краеведа, организатора пионерского движения, уроженца города Семена Викторовича Лагутича. Организаторы встречи – Главное архивное управление Курской области и муниципальный архивный отдел администрации Льговского района. В заседании участвовали управляющий делами администрации Льговского района М.Д. Сеина, председатель горсовета Л.Г. Жиромская, сотрудники местных музеев, библиотек, представители научной общест-венности, учителя, краеведы и др.

Друзья и родственники С.В. Лагутича (А.В. Селезнев, Л.И. Горячева, Е.К. Маслов, В.Е. Сидоренко) вспоминали о его вкладе в организацию пионерского и комсомольского движения в городе, отмечали, что именно благодаря его усилиям один из боевых катеров Военно-Морского Флота СССР назван «Льговский пионер», а за заслуги в пионерском движении Лагутич был награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу с пионерами».

О краеведческой и творческой работе земляка рассказали сотрудники музеев и библиотек (Е.В. Гурьева, Г.И. Чуркина, С.Н. Репина). Немало времени С.В. Лагутич уделял проведению археологических раскопок на территории района, изучению истории, биографий

известных деятелей науки и культуры родного края, архивным разысканиям. На основе архивных документов им было подготовлено и опубликовано в СМИ свыше 30 статей о тимуровском движении в районе, истории населенных пунктов, жизни и творчестве местных писателей, поэтов, композиторов и рядовых жителей.

Самостоятельным источником биографических данных о краеведе стали архивные документы. В фонде С.В. Лагутича свыше 200 документов, в том числе 40 рукописей, отражающих его деятельность по увековечению памяти писателя А.П. Гайдара, организации и созданию ставших ведущими в области музеев (краеведческого и мемориального А.П. Гайдара), где в настоящее время хранится более 25 тыс. фондов и экспонатов.

Участники встречи отметили, что во многом благодаря неутомимой деятельности С.В. Лагутича сегодня в городе продолжается пионерское движение в виде детской организации «Орлята Курской земли», работает Дом детского творчества, директором которого он был. На основе оставленных Семеном Викторовичем рукописей его сыном опубликована книга «Льговские истории» (2001 г.), ставшая пособием для учителей районных и городских школ.

В рамках «круглого стола» экспонировалась выставка документов и материалов о жизни и деятельности С.В. Лагутича.

М.В. Шишлова

В Выставочном зале федеральных государственных архивов

Историко-документальная выставка «Заповедное дело в России и Республике Беларусь. Конец XIX – начало XXI в.» прошла с 5 мая по 4 июня в Москве. Она была организована Росархивом, Комитетом по архивам и делопроизводству при Совете министров Республики Беларусь, РГАЭ и подготовлена в рамках ФЦП «Культура России (2006–2010 годы)». С российской стороны в ней участвовали ГАРФ, РГВИА, РГАСПИ, РГАНИ, РГАКФД, Архив Президента Российской Федерации, Архив РАН, РГБ, Комиссия РАН по сохранению биологического разнообразия, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Государственный биологический музей им. К.А. Тимирязева, Государственный Дарвиновский музей, Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр охраны дикой природы; с белорусской – Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Национальный исторический архив Беларуси, Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно, Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов, государственные архивы Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областей, Государственный архив общественных объединений Гродненской области, Зональный государственный архив в г. Полоцке, Государственное природоохранное учреждение «Национальный парк "Беловежская пушта"».

Цель выставки – ознакомление широкой общественности с уникальными архивными документами и музейными экспонатами, отражающими основные вехи заповедного дела в России и Республике Беларусь, историю природоохранной деятельности, а также привлечение внимания государственных и общественных институтов, граждан обеих стран к проблеме обеспечения экологической безопасности и сохранения природного наследия.

Экспозиция рассказывала о зарождении заповедного дела в Российской империи и создании первых заповедников, борьбе научной общественности в 1920–1930-е гг. за обеспечение охраны природы, потерях, понесенных российскими и белорусскими заповедниками в годы Великой Отечественной войны, их уничтожении в 1951 г., развитии заповедной системы в середине 1960-х – начале 1990-х гг., а также на современном этапе.

На выставке были представлены законодательные и нормативно-распорядительные акты, посвященные созданию, функционированию и поддержанию режима государственных природных заповедников, изменениям их сети; докладные записки, справки и письма в высшие органы государственной власти о состоянии и развитии заповедного дела; документы видных ученых и практиков, внесших большой вклад в развитие системы особо охраняемых природных территорий. Среди них – документы об охране зубров в Беловежской пушке и мерах по ограничению охоты в XIX в.; ленинский декрет от 16 сентября 1921 г. об охране памятников природы, садов и парков; постановления правительств СССР и союзных республик 1951 г., приведших к ликвидации ряда заповедников; законы Российской Федерации 1995 г. и Республики Беларусь 2000 г. «Об особо охраняемых территориях», российский закон «Об охране окружающей среды» 2002 г., а также дипломы, письма известных ученых В.Л. Комарова, Н.М. Кулагина, В.Н. Сукачева, Ф.Р. Штильмарка и др.

Самостоятельный интерес представляли фотографии редких животных, а также лиц, участвовавших в создании и сохранении заповедников. Красочные плакаты, карты, детские рисунки, зоологические и флористические композиции оживляли экспозицию.

В торжественном открытии выставки участвовали заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации Л.Н. Надиоров, руководитель Росархива В.П. Козлов, его заместитель А.Н. Артизов, директор Национального архива Республики

Беларусь В.Д. Селеменев, Архива РАН В.Ю. Афиани, федеральных архивов, а также представители Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, научной общественности. В.П. Козлов отметил, что «заповедное дело сродни архивному. Заповедники

сохраняют природные памятники, архивы – документальные. И те, и другие ответственны перед историей». Выступившие на пресс-конференции выразили надежду, что выставка будет способствовать повышению уровня экологической культуры.

* * *

«Сталин и Тито» – историко-документальная выставка, подготовленная при финансовой поддержке ФЦП «Культура России (2006–2010 годы)» на 2006 г., прошла с 24 июня по 16 июля. Организаторы – Росархив, ГАРФ, Архив Сербии и Черногории при участии МИД Республики Сербия, Музея истории Югославии – архива Иосифа Броз Тито, МИД России, Минкультуры России, Федерального агентства по культуре и кинематографии, РГАСПИ, РГАНИ, РГАКФД, РГАФД, Архива внешней политики Российской Федерации, ГИМ.

В торжественном открытии 23 июня участвовали руководитель Росархива В.П. Козлов, временный поверенный Республики Сербия в Российской Федерации Е.Курьяк, заместители руководителя Росархива А.Н. Артизов и В.П. Тарасов, помощник директора Архива Сербии и Черногории М.Милошевич, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Л.Я. Гибианский, директора федеральных архивов, представители общественности, СМИ.

На пресс-конференции В.П. Козлов отметил, что выставка продолжила серию экспозиций, подготовленных в рамках международного архивного сотрудничества России с национальными архивными службами стран Европы и Азии, она представляет уникальную возможность ознакомиться с источниками

и сформировать собственную точку зрения на недавнее прошлое.

Выставка посвящена истории взаимоотношений руководителей двух стран, чье пребывание во власти составило целую эпоху в истории СССР и Югославии. В ее основе – уникальные документы, фотографии и личные вещи из архивов и музеев России и Сербии, в том числе биографические документы об Иосипе Броз Тито и Иосифе Сталине, отражающие параллели их становления как деятелей международного коммунистического движения, материалы о совместной борьбе против нацизма, личных встречах в 1944–1946 гг., кризисе в отношениях между СССР и Федеративной Народной Республикой Югославия в 1948 г. и последующей «нормализации» после смерти Сталина.

Особый интерес вызвали документы, свидетельствующие о взглядах Сталина и Тито на роль и место стран народной демократии в системе международных отношений, развертывании противостояния между двумя лидерами. Здесь же демонстрировались фрагменты художественных фильмов, снятых в СССР и Югославии в разные годы.

Большое внимание выставке уделила пресса: были аккредитованы представители 41 СМИ, в том числе зарубежных.

Н.А. Буравченко

«Государственный архив Курской области: история и современность»

29 марта в Госархиве Курской области состоялось торжественное открытие этой документальной выставки, посвященной его 65-летию. Начальник Главного

архивного управления Курской области В.Л. Богданов отметил важность и своевременность мероприятия: в последнее время кадровый состав обновился и

пополнился молодыми специалистами, которым полезно ознакомиться с историей архива. Именно 29 марта 1941 г. на основании Положения о ГАФ СССР, утвержденного Советом министров СССР, Курский областной исторический архив и архив Октябрьской революции объединились в единый Госархив Курской области. Тогда отдельного помещения архив не имел, документы размещались в зданиях двух церквей. К 1941 г. здесь было сконцентрировано 3426 фондов (697 575 дел), в том числе 794 фонда дореволюционного периода.

На выставке экспонировались ценные и редкие документы начиная с XVII в., рассказывающие о зарождении архивного дела на Курской земле, фотографии зданий и помещений, где в разное время размещался архив. Это Воскресенская церковь, в которой в 1920-х гг. находились архивные фонды, Троицкая, где в 1930-е гг. хранились фонды советского периода, Ильинская церковь, здесь до 1984 г. были архивные фонды дореволюционного периода, а также современное здание, принятое в эксплуатацию в 1984 г.

Отдельный стенд посвящался деятельности ГАКО в годы Великой Отече-

ственной войны. В связи с угрозой оккупации часть фондов была вывезена в г. Уфу, но основной массив оставался на местах. Директору архива Л.Н. Познякову удалось предотвратить разграбление архива, о чем свидетельствуют представленные на выставке документы. После освобождения г. Курска 23 июня 1943 г. архив возобновил работу.

Особое место на выставке отводилось архивистам, силами которых собран и сохранен Архивный фонд Курской области, насчитывающий сегодня 2350 фондов (1 102 411 ед. хр.). В фотозэкспозиции «История – это наука о людях и времени» – снимки директоров госархива (Л.Н. Позняков, В.К. Подлов, И.П. Ковалевская, Н.А. Ульянов, М.М. Литвинова, руководящая архивом уже более 30 лет), рядовых сотрудников (Л.С. Ласочко, Т.И. Еськова и др.), ветеранов архивной службы (Н.Я. Максимчук, Е.С. Катыхина и др.), молодых специалистов (Л.Б. Карманова, О.В. Пешехонова, А.И. Костина и др.).

Посетители выставки увидели подготовленные ГАКО издания (путеводитель по архивным фондам, «Календарь знаменательных и памятных дат», сборники документов и др.).

М.В. Шишлова

Открылся выставочно-экспозиционный зал Архивной службы Челябинской области

Государственному комитету по делам архивов Челябинской области в рамках празднования 60-летия Великой Победы удалось добиться финансирования организации выставочно-экспозиционного зала. Был осуществлен ремонт помещения площадью 70 кв. м в здании бывшего партархива (ныне – архивохранилище № 2 Объединенного государственного архива), приобретено современное оборудование, оформлена экспозиция, посвященная вкладу южноуральцев в Победу. Торжественное открытие состоялось в День архивов, 10 марта.

Идея создания выставочного зала у челябинских архивистов возникла дав-

но. В течение трех лет собирали экспонаты: мебель, скульптурные и живописные портреты партийных и исторических деятелей, канцелярские принадлежности, предметы быта. Неоднократно через средства массовой информации обращались к горожанам, краеведам и фондообразователям. В результате удалось собрать интересные вещественные источники о политике, промышленности, культуре и быте Южного Урала периода 1910–1950-х гг. Началось описание поступивших от населения и организаций документов и предметов, из которых было решено создать коллекцию.

Экспозиционный план первой выставки «Война. Южный Урал. Победа» акцентировал внимание прежде всего на личности, а также деятельности партийных и советских органов в годы войны. При подготовке баннеров использовались только подлинные архивные документы, а витрин – их качественные копии, преимущественно из числа рассекреченных («особая папка» Челябинского обкома КПСС). В каждом разделе демонстрировались документы из личных фондов ОГАЧО (фотографии, награды, продуктовые карточки, облигации, лотерейные билеты и т. д.).

С помощью предметов военного времени был воссоздан фрагмент интерьера кабинета партийного руководителя: стол, кресло, шкаф, тумбочка, радиоприемник. Он создавался по имеющимся в фонде Челябинского обкома КПСС фотографиям А.Малышева, брата наркома танковой промышленности, его личного фотографа. Альбом передан в архив дочерью Ж.Я. Котина, известного конструктора тяжелых танков. В витринах наряду с уникальными архивными документами размещены генеральские погоны, записная книжка, пропуск на завод, карманные часы легендарного директора Кировского завода, «короля танков» И.М. Зальцмана, переданные в дар архиву его детьми.

Демонстрировался также небольшой уголок жилой комнаты: зеркало в резной старинной раме, тумбочка с патефоном и граммофонными пластинками тех лет.

В выставочном зале есть телевизор с видеоприставкой для просмотра документальных фильмов, созданных на основе архивных документов. При входе – постоянная фотоэкспозиция «Прошлое и настоящее архивной службы Челябинской области». Здесь ежедневно проходят экскурсии для учащихся, краеведов и горожан (для иностранных граждан – на английском языке). Туристическая компания «Спутник» включила его посещение в программу туров по Челябинску для иногородних школьников. Проводятся также школьные уроки, заседания дирекции и научно-методического совета госархива, редколлегий, рабочих групп, творческих коллективов по подготовке сборников документов, книг, буклетов, фильмов, встречи с фондообразователями, журналистами, «круглые столы», презентации. Планируется создать информационный центр для исследователей с целью поиска информации о составе и содержании фондов, находящихся в архивах Челябинской области, Урала, а в перспективе – других регионов Российской Федерации.

Г.Н. Кибиткина

У архивистов Костромской области

Накануне 65-летия начала Великой Отечественной войны, Дня памяти и скорби в выставочном зале Госархива новейшей истории Костромской области открылась выставка «Братские могилы». На ней были представлены 99 экспонатов, сопровождавшихся информацией о местонахождении братской могилы или мемориального комплекса, о костромичах, память о которых здесь увековечена. Среди документов – паспорта и фотографии захоронений в Волгоградской, Воронежской, Калужской, Курской, Ленинградской, Липецкой областях, Республики Беларусь и на других территориях.

Среди них не только такие известные мемориалы, как Мамаев курган в Волгограде, Пискаревское кладбище в Санкт-Петербурге, «Невский пятачок» в Кировском районе Ленинградской области, Чижовский плацдарм в Воронеже, но и скромные братские и персональные могилы.

По мнению одного из посетителей, «выставка документальных материалов, воскрешающих память о Великой Отечественной войне, дает наглядное представление о том, как люди хранят людей, лежащих в братских могилах».

В Малом зале областной администрации состоялась презентация 10-го

тома Книги памяти Костромской области, подготовленного ГАКО по распоряжению губернатора. Ее участники – ветераны Великой Отечественной войны, родственники погибших, представители военных комиссариатов, учреждений образования, работники библиотек, музеев, архивисты.

Издание содержит новые сведения о погибших на фронте, без вести пропавших костромичах, очерки о ветеранах войны, их воспоминания, биографические сведения о костромичах – Героях Советского Союза, кавалерах трех орденов Славы, военачальниках.

В нем использовано 60 архивных документов, рассказывающих об истории формирования и боевом пути Ярославской Коммунистической дивизии, других событиях и фактах, а также разнообразные материалы, представленные Костромским поисковым отрядом «Феникс» и частными лицами из семейных архивов.

В выступлениях звучали слова благодарности авторам издания за проделанную работу. Ветеранам, родственникам погибших были вручены книги и цветы, а коллективу архива – благодарственное письмо администрации области.

А.М. Елизаров

О реализации федеральных законов в архивном деле Челябинской области

Государственный комитет по делам архивов Челябинской области осуществил комплекс мероприятий по приведению нормативной правовой базы деятельности архивной службы области в соответствие с федеральными законами «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Были разработаны и приняты законы «Об архивном деле в Челябинской области» от 22 сентября 2005 г. и «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по комплектованию, учету, использованию и хранению архивных документов, отнесенных к государственной собственности Челябинской области» от 27 октября 2005 г.

Первый регулирует отношения в сфере организации хранения, ком-

плектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов независимо от форм собственности, а также – управления архивным делом, определяет полномочия местных органов государственной власти в сфере архивного дела, организацию финансового и материально-технического обеспечения госархивов, формирование и содержание архивных фондов и архивных документов, отнесенных к государственной собственности Челябинской области, устанавливает разграничение собственности между муниципальными образованиями и областью на архивные документы, созданные до образования муниципальных образований и хранящиеся в муниципальных архивах, а также обязанности государственных органов и организаций в случае их ликвидации по передаче документов в госархивы.

Вторым законом определен порядок финансового обеспечения переданных государственных полномочий, установлены обязанности органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению выполнения этих полномочий. В ходе реализации данного закона были заключены договоры с администрациями муниципальных образований о направлении в 2006 г. субвенций на осуществление указанных государственных полномочий из средств областного бюджета по разделу «Межбюджетные трансферты», причем особо отмечалось, что средства могут использоваться только на материально-техническое обеспечение соответствующих муниципальных архивов, исключая заработную плату и капитальный ремонт. Таким образом в 1-м квартале муниципальным образованиям было перечислено 1 млн 227 тыс. руб., которые израсходованы на приобретение компьютеров, множительной техники, стеллажей, установку охранно-пожарной сигнализации и т.д. Всего в 2006 г. на выполнение государственных полномочий органам местного самоуправления планируется перечислить 2,831 млн руб.

В русле реализации Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» заключаются трехсторонние договоры (соглашения) о сотрудничестве с территориальными органами федеральных органов государственной власти и другими федеральными организациями и предприятиями. В настоящее время договоры о сотрудничестве направлены в 24 федеральные организации (из 58, числящихся в списке источников комплектования Объединенного государственного архива Челябинской области на 1 января 2006 г.), с 17 организациями (29,3 %) они уже подписаны (Главное управление МЧС России по Челябинской области; областные управления федеральных служб: занятости населения, налоговой, антимонопольной, казначейства; территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области). Фактов отказа от подписания договоров не было, хотя ФГУП «Челябинский автоматомеханический завод» воздерживается от этого с августа 2005 г.

Разработан текст примерного договора о сотрудничестве с негосударст-

венными организациями, в результате ОГАЧО заключил 26 подобных договоров (39,3 %), муниципальные архивы – 50 договоров (20 %).

В связи с подготовкой к вступлению в действие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» разработаны модельные правовые акты «Об организации архивного дела на территории муниципального района (городского округа)» и «О формировании архивных фондов поселений», на основе которых приняты индивидуальные правовые акты в 38 городских округах и муниципальных районах, а также в 215 городских и сельских поселениях (81,1%). Кроме того, в 2005 г. вышли постановления и распоряжения глав ряда муниципальных районов и городских округов, впервые устанавливающие расходные обязательства муниципальных образований по содержанию архивных фондов и документов.

Наряду с достижениями следует отметить трудности реализации Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»: не установлен порядок возмещения негосударственным организациям расходов на осуществление отбора и передачи в госархивы в упорядоченном состоянии находящихся в их владении архивных документов, отнесенных к федеральной собственности (ч. 3 ст. 23), в связи с чем задерживается разработка аналогичного порядка для документов, отнесенных к государственной собственности субъекта федерации; не решен вопрос о месте хранения документов территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, других федеральных организаций, расположенных на территории муниципальных образований (муниципальные архивы не имеют права хранить федеральные документы, в то же время не ясно, кто будет оплачивать хранение документов в случае их приема в госархив); предпринимаются попытки преобразовать архивные отделы администраций в муниципальные учреждения – городские и районные архивы (в Саткинском муниципальном районе это уже состоялось, в Магнитогорске архивный отдел пока удалось сохранить), так как понятийный аппарат привязан к понятию «муници-

пальный архив» (ст. 3) и не определено, какие органы местного самоуправления осуществляют управление архивным делом (ст. 14); ликвидирован как самостоятельное юридическое лицо Юрюзанский муниципальный архив, поскольку учредителем его была администрация Юрюзанского городского посе-

ления (присоединен в качестве подразделения к архивному отделу администрации Катав-Ивановского муниципального района), а правом создавать муниципальные архивы наделены только органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (ст. 3, 13).

А.П. Финадеев

У архивистов Чувашии

Минкультуры Чувашии совместно с корпорацией «Электронный Архив» организовали и провели 28 июня в Национальном музее республики межрегиональный научно-практический семинар «Создание единой информационной системы региона».

В обсуждении вопросов, касающихся современных решений и инновационных технологий управления деловой информацией и создания электронных архивных информационных ресурсов, участвовали представители администрации Президента Чувашской Республики, руководители и специалисты комитетов и управлений министерств и ведомств, главных управлений внутренних дел и ГО и ЧС, органов судебной власти Приволжского федерального округа.

Об опыте информатизации рассказал первый заместитель министра культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики В.С. Бондарев. В докладе «Сохранение культурного наследия Чувашской Республики. Организация информационных систем широкого доступа к ресурсам музеев, библиотек, архивов» он отметил, что сегодня «созданы условия для объединения информационных ресурсов музеев, библиотек, архивов республики в единую базу данных "Память Чувашии"». Обеспечение публичного доступа к ней в удаленном режиме позволит реализовать конституционные права граждан на свободный доступ к информации. Создание интегрированной рас-

пределенной базы данных обеспечит дальнейшую интеграцию информационных ресурсов учреждений культуры Чувашии в мировое интеллектуальное пространство».

Здесь же прошла выставка-демонстрация оборудования ведущих производителей в области архивного хранения и наполнения электронных архивов. На стенде корпорации «Электронный Архив» можно было ознакомиться с новейшими техническими средствами, специализированными программными продуктами и решениями, обеспечивающими эффективную работу архивов и надежное исполнение работ по федеральной целевой программе «Электронная Россия».

В рамках семинара состоялась презентация интернет-портала «Архивы Чувашии». До сих пор архивные учреждения республики не имели собственных сайтов, а информацию размещали на портале органов власти республики, сайтах местных самоуправлений и других, что затрудняло быстрый доступ и поиск. Поэтому министр культуры поставил задачу в кратчайшие сроки создать сайты учреждений культуры, печати и архивов.

Портал «Архивы Чувашии» позволяет обеспечить единую для всех архивов республики информационную среду; организовать удобную систему поиска информации; расширить доступ пользователей к архивной информации и услугам; создать неограниченное количество мини-сайтов и разделов (в том чис-

ле сайты муниципальных архивов), которые можно регулярно обновлять.

Портал архивов Чувашии аккумулирует информационные ресурсы республиканского органа управления архивным делом – Управления по делам архивов Минкультуры Чувашии, четырех государственных и 25 муниципальных архивных учреждений республики. Его предваряет главная страница, предоставляющая доступ к сайтам четырех госархивов. В центре страницы – лента новостей и баннер Календарь знаменательных и памятных дат 2006 г., подготовленный архивистами республики. Особенность электронного календаря «Чувашия: Время. События. Люди» в том, что в него включено более 160 знаменательных и памятных дат республики текущего года. Каждая дата сопровождается кратким текстом, демонстрацией в электронной форме подлинных архивных документов, фотопортретов и иллюстраций, изображений обложек и титульных листов произведений печати, основных научных трудов ученых, картин художников; фонограммами фрагментов музыкальных произведений композиторов-юбиляров.

Слева располагаются справочно-информационные разделы: «Архивная служба Чувашии» с контактной информацией об архивных учреждениях республики, сведениями о составе и объемах фондов муниципальных архивов; «Законодательство» – с перечнем и текстами законодательных актов, регламентирующих деятельность архивной отрасли; «Календарь мероприятий» – с анонсами предстоящих событий архивной отрасли; «Методические разработки» – с перечнем и краткими сведениями о них; «События» – с информацией о проводимых архивистами мероприятиях, приуроченных к различным памятным датам; имеются «Планы, итоги». Справа размещена баннерная зона («История дружбы в документах», «День Республики», «Год духовного просвещения»).

Сайты госархивов в основном построены одинаково: выделены разделы «Новости», «Фонды», «Вопрос-ответ»,

«Контакты», представлена информация об архивах (история, структура, архив сегодня), перечень оказываемых услуг. Но есть и особенности в оформлении. Так, в дизайне Государственного исторического архива республики присутствуют элементы старины: рукописные свитки, древние книги, фотографии прошлых лет. На сайте Госархива современной истории интересен раздел «Знаменитые люди Чувашии», где представлена информация о лицах, внесших значительный вклад в развитие общественно-политической и культурной жизни республики (Тани Юн, Михаил Сеспель, Андриян Николаев). Госархив электронной документации подготовил 25 электронных изданий (в том числе виртуальные выставки и видеофильмы по архивным документам). На сайте Госархива печати представлена электронная версия библиографического указателя «Книжная летопись Чувашской Республики», содержащая информацию о книгах и брошюрах, продолжающихся изданиях и авторефератах диссертаций, ежемесячно поступающих на постоянное хранение.

Портал «Архивы Чувашии» будет способствовать популяризации архивного дела, созданию возможностей для оперативного удовлетворения информационных потребностей пользователей, развитию сотрудничества с общественностью; позволит объединить, структурировать разнообразную информацию; даст возможность республиканским и муниципальным архивным учреждениям достойно представить себя в сети Интернет и, в конечном счете, повысить рейтинг архивов Чувашии в виртуальном пространстве, обеспечить жителей как республики, так и других регионов самой полной и оперативной информацией, в первую очередь документной, о культурной и общественной жизни Чувашии, ее истории, традициях и духовных ценностях.

Добро пожаловать на информационно-исторический портал Чувашской Республики – сайт «Архивы Чувашии» (www.archives21.ru).

М.А. Александрова, О.В. Игнатьева

Альтернативная гражданская служба в архиве

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации 24 января 2005 г. в Перечень видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу (АГС), и Перечень организаций, где предусматривается ее прохождение, были внесены важные для архивной сферы дополнения и изменения: в раздел 2 «Должности служащих» Перечня профессий внесен «архивист», а в Перечень организаций – большинство федеральных архивов.

Как сообщила пресс-служба Росархива, в заявке агентства в Федеральную службу по труду и занятости, направленной туда в конце декабря 2005 г., числятся семь подведомственных организаций, которые нуждаются в выбравших АГС призывниках. Юношей ждут не только на должностях рабочих (переплетчик, грузчик, гардеробщик, подсобный рабочий, уборщик

территории, уборщик подсобных и служебных помещений), но и служащих (архивист). Всего же подведомственные Росархиву организации могут принять 18 человек (10 в весенний призыв, 8 – в осенний). В РГАСПИ с июня 2005 г. проходит АГС один человек в качестве уборщика территории.

АГС длится 42 месяца (для имеющих высшее образование – 21), а после вступления в силу поправок, предусматривающих сокращение срочной военной службы (с 2008 г.), она сократится до 21 месяца. Список профессий, доступных для избравших иную форму службы Родине, печатается в «Российской газете», размещен на сайте Федеральной службы по труду и занятости <http://www.rostrud.info> и на специальном портале, посвященном АГС (<http://www.ags-rf.ru>). Кроме того, ежегодно издается сборник нормативных документов, посвященных альтернативной службе, который рассылается во все территориальные органы Роструда.

В.В. Ситникова

РГВА: сбор документов личного происхождения

20 лет назад, 30 июля 1986 г. коллегия Главархива СССР приняла решение о развертывании с января 1987 г. в Центральном государственном архиве Советской армии (ныне Российский государственный военный архив) работы по выявлению и приему на хранение документов личного происхождения. Для этой цели был создан отдел комплектования (сейчас это группа в составе отдела госучета и комплектования) и начался планомерный, целенаправленный сбор документов военачальников, военных деятелей, участников, ветеранов войн и вооруженных конфликтов, продолжающийся до сих пор, хотя и в меньших, чем прежде, объемах (многие владельцы личных архивов теперь предпочита-

ют продавать, а не дарить документы).

Сегодня на учете в РГВА 93 личных, объединенных фонда и коллекции, насчитывающих более 9 тыс. дел за 1880–2005 гг. Это личные фонды видных военных деятелей, создателей и организаторов Красной армии, активных участников военного строительства в межвоенный период, военачальников Гражданской и Великой Отечественной войн В.К. Блюхера, А.А. Гречко, Г.К. Жукова, С.П. Иванова, Ф.А. Самсонова, М.Н. Тухачевского, Н.С. Фомина, М.В. Фрунзе и др.

За последние годы хранилище личных фондов пополнилось рядом интереснейших документных комплексов, представляющих большую научную и историческую ценность. Среди них – лич-

ный архив видного военного деятеля и теоретика, профессора военных наук, участника Первой мировой и Гражданской войн, генерал-лейтенанта царской армии Ф.Е. Огородникова (1867–1939 гг.), переданный его дочерью И.Ф. Огородниковой. Здесь дневниковые записи Ф.Е. Огородникова за 1906–1907 гг., 1914–1919 гг. о событиях в личной и общественно-политической жизни России, документы о служебной деятельности в царской и Красной армиях в годы Первой мировой и Гражданской войн, рукописи научных трудов по вопросам стратегии и оперативного искусства, служебная переписка с руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем о положении на севере Советской республики в августе 1918 г., личная переписка с женой – М.И. Кульневой, сестрой милосердия полкового лазарета в Петрограде и в действующей армии за 1914–1917 гг., уникальные фотографии периода русско-японской и Первой мировой войн.

Богатейший архив по истории авиации и воздухоплавания поступил от В.А. Козловой – дочери одного из первых авиаторов и конструкторов летательных аппаратов, участника Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, автора многочисленных трудов по истории авиации, полковника А.В. Шиукова (1893–1985 гг.). Человек необыкновенной судьбы, он, еще будучи гимназистом, совершал полеты на планере собственного изобретения. В Первую мировую войну осуществил более 200 боевых вылетов в качестве летчика 3-го корпусного авиаотряда, которым командовал легендарный русский ас капитан Е.Н. Круть. В Гражданскую войну принимал деятельное участие в формировании авиачастей,

командовал авиацией Восточного и Туркестанского фронтов, затем работал в военно-исторической комиссии при Всероссийском главном штабе по изучению опыта Первой мировой и Гражданской войн.

На протяжении всей своей жизни А.В. Шиуков собирал документы по истории авиации, которые впоследствии были использованы для создания «Летописи авиации и воздухоплавания нашей Родины», охватывающей период с 1906 по 1961 г.

Личный фонд А.В. Шиукова продолжает пополняться новыми интересными документами.

Среди последних поступлений документы начальника Генерального штаба – первого заместителя министра обороны СССР, дважды Героя и Маршала Советского Союза М.В. Захарова (1898–1972 гг.); первого заместителя начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба, Героя Советского Союза, генерал-полковника Х.-У.Д. Мамсурова (1903–1968 гг.); первого секретаря Мурманского обкома ВКП(б), члена военных советов 14-й армии и Северного флота, одного из организаторов обороны Заполярья в годы Великой Отечественной войны генерал-майора М.И. Старостина (1902–1948 гг.) и др.

Сотрудники РГВА ведут также поиск и прием документов рядовых бойцов и командиров, партизан и подпольщиков, военных историков, писателей, журналистов, художников, женщин – участниц войны. Они включаются в объединенные фонды и коллекции. В ближайших планах – подготовка путеводителя по личным фондам и работа с новыми поступлениями документов личного происхождения.

Л.И. Скворцова

Совершенствование научно-справочного аппарата Госархива современной документации Астраханской области

Специалисты ГАСД АО в 2002 г. провели анализ существующего НСА бывшего партийного архива, показавший наличие лишь отдельных не взаимосвязанных архивных справочников. На качестве НСА, его информативности отрицательно сказалось отсутствие категорирования фондов. Схема классификации документной информации в систематическом каталоге существенно отличалась от построения этого справочника в других госархивах, а описи составлены с нарушением общенормативных требований.

Интеграция НСА бывшего партархива в систему НСА госархивов требовала комплекса мероприятий, поэтому важно было выбрать приоритеты, т.е. определить направления и последовательность работ, отвечающих потребностям развития и общеархивным стандартам. Достижению этой цели послужили разработка и реализация «Комплексной программы развития и совершенствования системы НСА к документам ГАСД АО на 2003–2006 гг.». В соответствии с ней и задачами интенсификации использования фондов в архиве были проведены категорирование 1677 фондов, упорядочение 27 104 учетных карточек членов КПСС, анализ описей как базового источника.

Для обследования наметили 103 архивных фонда 1-й и 2-й категорий, разработали специальную форму, в которой фиксировали сведения о реальном состоянии описей и предложения по их дальнейшему усовершенствованию. Она состояла из 16 граф: сведения о фонде (категория, номер, наименование, крайние даты документов, количество дел), описях (номера, крайние даты документов, количество дел, имеющийся НСА), наличии исторической справки, перечней рассмотренных на заседаниях бюро вопросов, видах работ, которые следовало провести с описями фонда.

По итогам оценки состояния описей бывшего партархива начались их усовершенствование (на 24 тыс. ед. хр.) и переработка (на 14 тыс. ед. хр. по фон-

дам губкома, окружкома, горкома, обкома, райкомов КПСС и ВЛКСМ). Наглядным примером может служить переработка описей ф. 296 «Партийный архив Астраханского обкома КПСС» (1421 ед. хр. за 1798–1837, 1902–1995 гг.). В фонде отложились документы по основной деятельности партархива, а также коллекция документов ветеранов революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, участников пионерского и комсомольского движений, бывших партийных деятелей и др. Эти документы были учтены в четырех описях, которые не выполняли функций поискового справочника. Основная работа сосредоточилась на двух описях и заключалась в редактировании и пересоставлении заголовков, уточнении крайних дат дел, систематизации их по вновь разработанным схемам. В результате были подготовлены новые описи: оп. 2 (201 ед. хр. за 1798–1837 гг., 1903–1994 гг.) и оп. 3 (642 ед. хр. за 1902–1989 гг.).

Посредством автоматизированных архивных технологий удалось решать задачу совершенствования НСА архива на более высоком уровне. Этой цели послужила «Программа информатизации архивного дела в ГАСД АО на 2002–2008 гг.», в рамках которой были созданы и пополняются шесть баз данных («Список ликвидированных предприятий и организаций», «Ведомости по начислению заработной платы», «Библиотека», «Особо интересные дела ф. 296», «Великая Отечественная война», «Выставки ГАСД АО»).

В плане автоматизации НСА наибольшее внимание уделяется внедрению ПК «Архивный фонд» (3-я версия). По состоянию на 1 января 2006 г. сюда внесены сведения о 1703 фондах, 3335 описях, в раздел «Дело» – 6251 ед. хр., вводится информация на уровне «Документ».

В 2003 г. был издан путеводитель по фондам архива. В него включены описания 1665 фондов объемом 128 677 ед. хр. с начала XX в. по 2003 г. Справочник имеет семь разделов («Органы, органи-

зации, учреждения КПСС»; «Органы, организации, учреждения комсомола»; «Общественно-политические партии, союзы, движения»; «Личные фонды»; «Коллекции»; «Прочие»; «Неаннотируемые фонды»), предисловие, список сокращений.

Первый раздел делится на пять подразделов («Партийные комитеты»; «Органы партийного контроля»; «Политотделы»; «Партийные ячейки и первичные парторганизации органов управления, учреждений и предприятий»; «Учреждения партии»). В подразделах «Партийные комитеты» и «Органы партийного контроля» на первое место вынесены сведения о фондах партийных органов, существовавших в Астраханской губернии (1917–1928 гг.), Астраханском округе (1928–1930, 1937–1943 гг.), Астраханской области (1943–1991 гг.), г. Астрахани (1930–1991 гг.). Подраздел «Первичные парторганизации» построен по отраслевому принципу, а внутри – с учетом статуса и времени существования партийной организации (ячейка, партком, первичная партийная организация) и того предприятия или организации, при которой они существовали. При систематизации характеристик фондов организаций одинакового статуса и территориальных парторганизаций использовался алфавитный принцип.

Аналогично построен раздел «Органы, организации, учреждения комсомола».

На основе дифференцированного подхода к описанию документов выработаны оптимальные характеристики архивных фондов. Для фондов 1-й категории составлены индивидуальные характеристики. Каждая из них включает наименование фонда, крайние даты деятельности фондообразователя, номер, объем, крайние даты документов, историческую справку и аннотацию. Групповые характеристики и аннотации давались, как правило, фондам партийных и комсомольских комитетов, освещающим один и тот же хронологический период и однотипным по содержанию. При подготовке аннотаций изучались не только описи, но и наиболее важные дела, документы.

Появление такого справочника (составленного с учетом современных требований архивоведения) по фондам бывшего партийного архива, ранее практически закрытого, – серьезное событие в деле информирования научной общественности.

Дальнейшая работа по совершенствованию НСА будет направлена на повышение качества описательных статей и унификацию различных типов архивных справочников (как в традиционном, так и автоматизированном вариантах).

О.Г. Учкина

Юбилеи

Юбилей Г.А. Победимовой

20 мая поздравляли с 75-летием старейшего сотрудника научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН Галину Антоновну Победимову, имя которой с признательностью произносят многие историки. Она в 1954 г. окончила истфак Ленинградского университета, где под руководством И.И. Смирнова специализировалась на изучении источников по истории России до XIX в. В 1958 г. начала работать в Архиве ЛОИИ (Ленинградского отделения Института истории Ака-

демии наук СССР), с 1975 г. – ответственный хранитель русской секции архива. Там ее наставниками стали многоопытные исследователи и знатоки архивного наследия А.И. Андреев, С.Н. Валк, К.Н. Сербина, Е.Ч. Скржинская, убежденные в том, что квалифицированный историк-архивист не может ограничиваться в своей деятельности хранением и описанием документов.

Галина Антоновна своими стараниями не только обеспечила оптимальные условия для хранения архивных мате-

риалов и реставрации тысяч архивных дел, но и действительно участвовала в подготовке изданий исторических источников (летописей, Соборного уложения 1649 г., памятников внешней политики, историографических источников – томов Русского биографического словаря) и основанных на архивных документах исследований (по аграрной истории Северо-Запада России и др.); для составленного к трехсотлетию Петербурга каталога «Петербург в эпоху Петра I» отобрала около четырех тысяч архивных документов. Недавно Г.А. Победимовой выполнена археографическая подготовка к изданию «Путешествия Демидовых по Европе. Письма и подневные журналы 1750–1761 гг.». Исследовательница – автор ценных статей об источниках по истории землевладения XVI в., напечатанных в ежегоднике «Вспомогательные исторические дисциплины», Трудах ЛОИИ. Ее заслуга и в осуществлении совместно с Петрозаводским государственным университе-

том проекта интернет-издания «Олонекская приказная изба»; при обучении студентов этого вуза архивному делу раскрылось и педагогическое мастерство Г.А. Победимовой.

Творческая инициатива и многообразные знания Галины Антоновны проявляются и в создании экспозиций-выставок документов архива. Содействие ее ощутимо и при формировании издательского портфеля Археографической комиссии. Мы многим ей обязаны в расширении представлений о фонде основанной в 1830-е гг. и действовавшей около ста лет Археографической комиссии, подлинных рукописях из богатейшей коллекции комиссии, готовившихся к печати, но не осуществленных изданиях.

Она трудится с увлеченностью, высоким чувством ответственности и всегда стремится помочь, особенно начинающим исследователям. Доброжелательность, трудолюбие, эрудиция Галины Антоновны – образец для хранителей документального наследия.

**Председатель Санкт-Петербургского отделения АК РАН,
доктор исторических наук, профессор М.П. Ирошников;
почетный председатель АК РАН, академик РАО С.О. Шмидт**

В.Р. Клейну – 60 лет

21 июля заместитель директора Российского государственного архива научно-технической документации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный архивист СССР, кандидат исторических наук Вячеслав Рафаэлевич Клейн отметил свой юбилей.

Он прошел хорошую жизненную школу (с 1961 г. работа на ЗИЛе, в 1965–1968 гг. служба в Ракетных войсках стратегического назначения в Белоруссии) и в архивную отрасль пришел в 1969 г. уже сформировавшейся личностью. Выпускник Историко-архивного института 1974 г. В.Р. Клейн познал работу с документами на всех стадиях, начиная с ведения дел в делопроизводстве до организации их государственного хранения. Он работал хранителем фон-

дов, младшим научным сотрудником Государственного архива Московской области (ныне ЦГАМО), свыше десяти лет (с 1972 г.) налаживал делопроизводство в Минстройматериалов СССР, подготовил перечень документальных материалов системы министерства, был руководителем отдела комплектования в ЦГАНХ СССР. С 1985 г. его деятельность связана с научно-технической документацией: был заместителем директора ЦГАНТД СССР, в 1991–1995 гг. возглавлял его филиал, с 1996 г. – заместитель директора РГАНТД.

Как высококвалифицированный специалист Вячеслав Рафаэлевич принимает самое непосредственное участие в комплектовании архива, подготовке нормативно-методических документов; он автор и соавтор целого ряда статей

по документоведению и архивному делу, председатель ЭПК и свыше 20 лет член ЦЭПК Главархива СССР–Росархива.

Обладая глубокими профессиональными знаниями, широкой эрудицией и организаторским талантом, В.Р. Клейн пользуется заслуженным авторитетом среди архивистов, неоднократно награ-

ждался благодарностями и почетными грамотами. Несмотря на внешнюю суровость, он любящий и заботливый муж, отец и дед.

Поздравляем Вячеслава Рафаэлевича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, счастья и новых творческих свершений.

Коллеги

Вышли в свет

Ученые и архивисты Челябинской области при финансовой поддержке правительства области издали первый том сборника документов и материалов **«Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг.»** (всего их будет шесть), подготовленного по документам госархивов Пермской, Свердловской и Челябинской областей (по каждой два тома) по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Общественный потенциал истории» в рамках проекта Института российской истории РАН. В составе его редколлегии: канд. полит. наук, заместитель губернатора – руководитель аппарата Правительства Челябинской области Н.М. Рязанов, член-корр. РАН, директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров, д-р ист. наук, декан гуманитарного факультета ЮУрГУ В.С. Балакин и канд. ист. наук, председатель Государственного комитета по делам архивов Челябинской области А.П. Финадеев.

Первый том включает документы и материалы Челябинской области за 1917–1945 гг. Он состоит из четырех разделов, представленных авторскими вводными статьями и 302 документами из Объединенного государственного архива Челябинской области. В большинстве своем это малоизвестная, ранее секретная информация, которая достаточно достоверно воспроизводит

события социально-политической истории Южного Урала, раскрывает противоречивые взаимоотношения власти и народа, позволяет увидеть драму человеческих идей, стремлений и поступков.

К сборнику составлен полноценный научно-справочный аппарат: краткая справка по истории административно-территориального деления Челябинской области, именной и географический указатели, списки сокращений и источников, перечень документов сборника с указанием номеров и страниц.

6 июня в большом зале Правительства Челябинской области состоялась презентация первого тома сборника документов, с участием руководителей аппарата губернатора, депутатов, историков, архивистов, представителей общественных организаций, журналистов, учителей, студентов.

Ответственный редактор тома Н.М. Рязанов в своем выступлении отметил, что при равных возможностях других заявленных регионов челябинцы первыми справились с поставленной задачей, и от имени правительства поблагодарил авторский коллектив за хорошую работу. Академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, главный редактор шеститомного издания В.В. Алексеев подчеркнул, что выпуск таких книг – событие чрезвычайно важное для общества

в целом и для исторической науки в частности. Директор Центра историко-культурного наследия г. Челябинска, член Общественной палаты В.С. Боже внес предложение о подготовке подоб-

ных изданий в Оренбургской, Курганской областях и Республике Башкортостан для получения масштабной картины исторического процесса на Урале в указанный период.

Г.Н. Кибиткина

* * *

Отдел по управлению муниципальным архивом администрации муниципального района «Прилузский» Республики Коми при финансовой поддержке главы администрации С.Ф. Попова, председателя Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» М.Б. Рогачева в 2005 г. издал сборник документов и материалов «Хотелось бы всех поименно называть... Политические репрессии в Прилузском районе Коми АССР. 1930–1950 гг.», (авт.-сост. зав. отделом А.А. Сидорова). Это первое научно-популярное издание муниципального архива по истории политических репрессий в районе в 1930–1950 гг.

Тема политических репрессий по-прежнему актуальна для Республики Коми, поскольку именно в этот северный суровый край, в частности в Прилузский район, в 1930–1950 гг. были высланы сотни тысяч граждан не только СССР, но и зарубежных стран.

В сборнике 9 тематических разделов. Они содержат историческую хронику событий, повлиявших на проведение репрессивной политики в Прилузском районе (1918–1960 гг.), списки лиц, лишенных избирательных прав в Прилузском и Летском районах в 1920–1930-е гг.; отражают раскулачивание крестьян в Прилузском районе, историю расположенных на его территории спецпоселков и спецкомендатуры в 1945–1948 гг., положение высланных туда в

1940–1941 гг. польских граждан и судьбу спецконтингента, прибывшего в 1944–1945 гг.; раскрывают деятельность лагерных пунктов южного участка Северных лагерей ОГПУ особого назначения, некоторые страницы жизни и деятельности уроженцев Прилузского района, пострадавших в годы сталинских репрессий. В сборнике помещены репродукции фотографий и краткие описания мемориальных знаков в память жертв политических репрессий, описание мест массовых захоронений спецпереселенцев в районе.

Особую ценность представляют опубликованные здесь мемуары бывших спецпереселенцев, их детей и родственников, собранные местными школьниками под руководством А.А. Сидоровой во время поисковых экспедиций по сбору документов, записи воспоминаний и фотосъемке мест захоронений и мемориальных знаков. Практически в каждом из них рассказы о голоде, болезнях, утратах близких и родных, бесправном положении высланных, тяжелой физической работе в лесу и колхозах.

В послесловии помещено обращение к читателям с просьбой оказать помощь в поиске людей, переживших эти трудные времена и готовых поделиться своими воспоминаниями. Сборник документов и материалов предназначен для широкого круга исследователей, интересующихся историей края и его жителей.

Е.Э. Макеева

* * *

В апреле изданием двухтомного (в трех книгах) сборника документов «Немцы в Прикамье. XX век» в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО) завер-

шился одноименный проект, работа над которым продолжалась полтора года. Его инициатор – пермская общественная организация российских немцев «Возрождение», движимая идеей восстановле-

ния исторической справедливости в отношении немецкого народа, реабилитация которого осуществлялась непоследовательно и затянулась на десятилетия. Свой «заказ» они адресовали ГОПАПО, в котором хранятся документы бывшего партархива Пермского обкома КПСС и Госархива по делам политических репрессий Пермской области. Идею проекта поддержал глава региона О.А. Чиркунов, первым из пермских губернаторов посетивший архив. В его реализации участвовали Госархив Пермской области, архивные отделы администраций Красновишерского района, городов Краснокамска, Гремячинска и Кизела, Кунгурский горархив, Информационный центр ГУВД Пермской области, Березниковский историко-художественный музей и Дом учителя, а также активисты местных обществ немцев, бывшие трудармейцы и их родственники.

Для воссоздания полноты картины «немецкого присутствия» на Пермской земле архивисты провели работу по инициативному документированию и комплектованию. Состоялся ряд командировок в область для поиска наиболее интересных документов (прежде всего воспоминаний и фотографий бывших трудармейцев), которые отложились в общественных организациях российских немцев. Подобная работа велась и в Перми. В результате в сборник вошло 50 воспоминаний и других публицистических материалов, составивших отдельный том, а также свыше 200 иллюстраций.

Научным руководителем издания стал д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета О.Л. Лейбович. Под его руководством проведен анализ документальной базы по истории прикамских немцев в советский период, свидетельствующий о том, что немецкое влияние в регионе было не постоянным, а скорее, цикличным; немцы никогда не относились к главным национальным силам, определявшим его развитие. В то же время удалось выявить несколько комплексов документов о судьбах тех немцев, которые в силу исторических обстоятельств в разное время оказались на Пермской земле и внесли вклад в ее историю.

Во-первых, это немецкие военнопленные времен Первой мировой войны, принудительно эвакуированные на Урал

из прифронтовых областей и создавшие здесь свою немецкую секцию при Пермском губкоме РКП(б). Во-вторых, германские инженеры и рабочие, которые в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в качестве высококвалифицированных специалистов участвовали в строительстве Березниковского химического комбината и Соликамского калийного рудника. Но главным образом это советские немцы-трудармейцы периода Великой Отечественной войны. Несмотря на то что Пермская (Молотовская) область не являлась местом расселения депортированных немцев, тем не менее она стала крупным районом сосредоточения немцев, мобилизованных в так называемую трудармию (уступая в этом лишь Кемеровской области). Кроме того, Пермский край был одним из значительных островов печально знаменитого «архипелага ГУЛАГ». Среди репрессированных по политическим мотивам граждан здесь насчитывалось около 800 немцев, 130 из них приговорены к высшей мере наказания (расстрелу). Часть документов сборника рассказывает о деятельности немецких религиозных объединений в Прикамье и судьбе тех представителей немецкой национальности, которые при всех существовавших для спецпоселенцев ограничениях (в передвижении, получении образования и т.п.) сумели сделать определенную служебную и общественную карьеру.

В целом публикуемые материалы 1920–1980-х гг. призваны заполнить сложившиеся в условиях советского государства информационные лакуны о пребывании немцев в Пермском крае в наиболее драматичный, сложный и противоречивый для них период, раскрыть малоизвестные страницы истории края.

Всего в сборнике 442 архивных документа, большинство из которых публикуется впервые (общий объем издания – 61,5 печ. л., тираж 1000 экз.). Книга выпущена в свет Пермским книжным издательством «Пушка» на средства областного бюджета.

Его презентация состоялась в апреле в Краснокамске, в мае в Перми. В них участвовали руководители департаментов, управлений и комитетов краевой администрации, Уполномоченный по правам человека в Пермской области Т.И. Марголина, представитель аппарата Уполномоченного по правам

человека в Российской Федерации М.И. Одинцов, зам. председателя Международного союза немецкой культуры О.Мартенс (Москва), директор Российско-Немецкого дома в Москве И.Хеч, гости из ФРГ, работники российско-германских предприятий Прикамья, руководители местных национально-культурных обществ, преподаватели вузов и

школы, студенты и школьники, специалисты архивных учреждений, журналисты, а также главные герои книги – бывшие трудармейцы. Осенью с изданием познакомятся в Соликамске, Березниках и Лысьве, где до сих пор достаточно велик процент немецкого населения. И наконец, сборник должны представить в Москве.

Т.В. Безденежных

Курские архивисты подготовили путеводитель **«Государственный архив Курской области»**. Справочник содержит сведения о 2205 архивных фондах, характеризующих состояние и развитие политики, экономики, культуры, просвещения, здравоохранения в Курском крае с 1625 по 1991 г.

Первый выпуск путеводителя по Государственному архиву Курской области был издан в 1958 г.; второй – в 1972 г. (отразил изменения в составе и содержании фондов в связи с передачей в 1966–1967 гг. непрофильных фондов ГАКО в Госархив Белгородской области). Новый путеводитель – это самостоятельное справочное издание, сохранившее преемственность в построении, составе элементов и методике составления характеристик. В нем четыре части, содержащие описания фондов досоветского и советского перио-

дов, фотодокументов и научно-справочной библиотеки, а также сведения о документах, поступивших на хранение после выхода в свет второго издания справочника, рассекреченных в 1980–1990-х гг., фондах личного происхождения и архивных коллекциях.

Путеводитель снабжен предисловием с кратким очерком истории становления архивного дела в Курской области, списком сокращенных слов, именным и географическим указателями. Фонды, не включенные в основную часть путеводителя, перечислены в приложении в виде списка, построенного аналогично общей схеме справочника. Существенно дополнена помещенная в приложении «Справка об изменениях административно-территориального деления Курской области (1708–1990 гг.)».

Издание рассчитано на широкий круг пользователей.

Л.С. Ласочко

Новгородские архивисты при поддержке местного Общества любителей древности издали сборник **«Любитель древности. Михаил Валерианович Муравьев (1867–1932): документы и материалы»**.

Предки М.В. Муравьева уже в конце XVI в. были новгородскими городскими дворянами. Дед, Николай Назарьевич (1775–1845), археолог, писатель, сенатор, управляющий собственной канцелярией Николая I, в 1813–1818 гг. занимал должность новгородского вице-, затем губернатора, отец, Валериан Николаевич (1811–1869), – сенатор, псковский губернатор.

М.В. Муравьев оставил значительный след в истории Новгородского края. Будучи земским деятелем, изучал памятники истории и культуры, проводил археологические раскопки, в родовом имении открыл общедоступную бесплатную библиотеку-читальню, возглавлял в 1908–1914, 1919–1925 гг. Общество любителей древности (ОЛД).

В сборнике опубликован очерк автора-составителя книги С.В. Моисеева о жизни и трудах общественного деятеля, историка, генеалога, археографа, стоявшего у истоков архивного дела в губернии. Здесь помещены списки 28 докла-

дов и сообщений, прочитанных М.В. Муравьевым в 1908–1913, 1917–1927 гг. на общих собраниях ОЛД, 33 опубликованных работ. Труды Михаила Валериановича посвящены состоянию и реставрации новгородских соборов и церквей, документальному наследию декабристов (в том числе Муравьевых), жизни и деятельности краеведов, активистов ОЛД.

Во второй части издания опубликован фотоальбом со снимками 1913–1914 гг. из семейного собрания внука Михаила Валериановича. В нем – портреты М.В. Муравьева, виды Новгорода. Впервые приведены десять писем Михаила Валериановича новгородскому земскому работнику и краеведу И.В. Аничкову за 1917 г., восемь – историку С.Ф. Платонову за 1919–1920 гг. и одно – сыну Владимиру за 1926 г. Они повествуют о трудных днях жизни Михаила Валериановича и его семьи, раскрывают интересные факты о становлении архивного дела в губернии, первых сотрудников губернского архива М.Г. Деменни, Е.В. Скородумове, видном музейном деятеле Н.Г. Парфироиде.

Из переписки мы узнаем, что 24 июня 1919 г. Петроградское отделение Главного управления архивным делом назначило М.В. Муравьева уполномоченным по Новгородской губернии – заведующим губернским архивом. «По совести говоря, мне выгодней совсем оставить службу – я получаю 4680 р[уб.] в месяц, – писал он С.Ф. Платонову. –

На свое же жалованье я могу купить только 5 ф[унтов] соли в месяц. Но мне дороги наши архивы». И он приступил к их спасению, разобрал и приготовил к отправке в Главархив дела Валдайского Иверского монастыря. Однако уже в августе 1921 г. был отстранен от работы и позднее выслан в Нарым. О том, что суровые испытания его не сломили, свидетельствует письмо сыну от 4/17 ноября 1926 г.: «Не сразу заживет рана, но она нанесена и перенесена, изживется она со временем, но она уже в прошлом и перед нами новая действительность. Настойчиво и твердо приступим к созданию нашей новой жизни, позволяющей нам больше отдавать друг другу и духовной стороне жизни».

Возвратившись из ссылки в 1927 г., Михаил Валерианович с семьей жил некоторое время в Новгороде, а затем в Ленинграде, работал в Археографической комиссии Академии наук, изучал историю движения декабристов, публиковал статьи в журналах «Каторга и ссылка», «Красный архив». Скончался он 16 января 1932 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в ограде дальних родственников. Во время блокады Ленинграда это место, наряду с другими захоронениями, было распахано под огороды.

Издание сборника документов и материалов о М.В. Муравьеве достойно увековечило память историка, генеалога, археографа, первого руководителя Госархива Новгородской области.

Н.С. Зелов

Находка архангельских архивистов

В Госархиве Архангельской области (ГААО) в апреле при инвентаризации научно-справочной библиотеки обнаружены личные документы и книги из собрания контр-адмирала Сергея Андреевича Посохова (1866–1935), начальника штаба флотилии Северного Ледовитого океана, и.о. главноначальствующего г. Архангельска и водного района Белого моря, и.о. командующего флотилией (морскими силами) Северного Ледовитого океана, мореплавателя, доктора

морских наук и коллекционера. Он – обладатель многих наград, как российских (ордена св. Станислава 3-й и 2-й ст., св. Анны 3-й и 2-й (с мечами) ст., св. Владимира 4-й ст. (с бантом), медали и знаки), так и иностранных (бухарский – Золотой звезды 2-й ст., греческие – Спасителя офицерского 4-й ст. и Командорского креста, датский – Даннеброга, иерусалимский – Иерусалимский крест животворящего древа, мекленбургский – Гриф командорского

креста, французский – Почетного легиона, тунисский – Нишан-Ифтихар (Nishan-Iftikhar), турецкий – Меджидия 3-й ст., японский – Восходящего солнца 5-й ст.).

С.А. Посохов – выпускник Морского корпуса в Петербурге, участник многих заграничных плаваний, а также Цусимского сражения, которое описал в книге «Крейсер 1-го ранга “Олег” в бою 14 мая 1905 года у острова Цусима». Будучи капитаном 2-го ранга, он окончил Николаевскую морскую академию (1906–1907) и курс «доктора морских наук» (1907–1908). В августе 1907 г. – июле 1909 г. С.А. Посохов – адъютант великого князя Георгия Михайловича. В Петербурге, командуя учебным минным отрядом Балтийского флота, Сергей Александрович обучал первых русских подводников из Учебного отряда подводного плавания.

Посохов собрал прекрасную библиотеку на русском, английском и французском языках, в основном по военноморской тематике. В ГААО обнаружено 48 книг с его экслибрисами, автографами и многочисленными пометами, в индивидуальных переплетах с золотым тиснением. Среди них – труды адмирала С.О. Макарова, генерала В.И. Колча-

ка, географа К.Н. Посыета, по военноморской истории, русско-японской войне. Реконструкцию личной библиотеки контр-адмирала по фондам ГААО и Архангельской областной библиотеки им. Н.А. Добролюбова провел архангельский историк В.В. Брызгалов.

В Архангельске после Февральской революции 1917 г. Посохов принял решительные меры по наведению порядка, за что был уволен в отставку Временным правительством. В апреле 1917 г. выехал в Петроград, оставив в Архангельске наградные документы, личную библиотеку и коллекцию оружия. Вскоре вместе с братом генерал-майором А.А. Посоховым эмигрировал во Францию.

На обнаруженных документах – автографы короля Греции Георгиоса I, иерусалимского патриарха Дамиана I, иероглиф японского императора Муцухито (Мэйдзи). На три ордена, указанные в послужном списке контр-адмирала (бухарский, турецкий и второй греческий), бумаг не оказалось.

Документы (их 47) сформированы в самостоятельное дело, включенное в фонд 1731 главноначальствующего г. Архангельска и водного района Белого моря.

В.В. Брызгалов, Н.А. Шумилов

Памяти Ж.В. Поляковой

2 июля после непродолжительной болезни скончалась ведущий научный сотрудник ВНИИДАД Жанетта Васильевна Полякова. Выпускница биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1961 г.), кандидат биологических наук, она пришла в институт в 1977 г. и со временем стала одним из ведущих специалистов в области защиты архивных документов от биологических вредителей. Архивисты регионов России знали Ж.В. Полякову как высококвалифицированного профессионала-биолога с огромным опытом работы, получали от нее практическую помощь в осуществлении контроля за состоянием хранилищ и документов в различных климатических условиях. Свои многогранные знания она изложила в ряде методических пособий по биозащите архивных документов, их дезинсекции, сохранности в экстремальных ситуациях, а также в рекомендациях по обследованию государственных архивов и защите от биологических вредителей.

Светлая память о Жанетте Васильевне навсегда останется в наших сердцах.

Коллектив ВНИИДАД

Наши авторы

- Асфандиярова Ирина Ганеевна* – канд. юрид. наук, ведущий юрисконсульт Управления по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан, г. Уфа.
- Батурина Светлана Сергеевна* – аспирантка отдела украинской историографии Института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев.
- Борисенко Михаил Васильевич* – канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций.
- Бровина Александра Александровна* – канд. ист. наук, начальник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар.
- Дегтярева Ирина Анатольевна* – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, г. Москва.
- Иванов Виталий Анатольевич* – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Костанов Александр Иванович* – канд. ист. наук, начальник Управления по делам архивов Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск.
- Малашенко Лариса Николаевна* – заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы и научно-справочного аппарата Российского государственного архива социально-политической истории, г. Москва.
- Малевинская Марина Евгеньевна* – канд. ист. наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург.
- Соболев Владимир Семенович* – д-р ист. наук, директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота, г. Санкт-Петербург.
- Толу Розалия Манно* – директор Государственного архива Флоренции, Италия.
- Фролова Светлана Анатольевна* – канд. ист. наук, доцент кафедры права, истории и политологии Института государственной службы при Президенте Республики Татарстан, г. Казань.
- Черепенина Надежда Юрьевна* – заведующая отделом публикации и использования Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.
- Чупрова Эльвира Геннадьевна* – канд. ист. наук, научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар.
- Эскин Юрий Моисеевич* – канд. ист. наук, заместитель директора Российского государственного архива древних актов, г. Москва.

CONTENTS

Articles and reports: *History and practice of archival matter and record keeping*: A.I. Kostanov, Yu.M. Eskin. Archives and record keeping in Siberia and the Far East before the reign of Peter the First; S.S. Baturina. F.P. Shevchenko as a historian-archivist; I.G. Asfandiyarova. Regional archives legislation in Russia: trends of development; I.A. Degtyareva. Reflections on drafts federal laws about information; N.Yu. Cherepenina. Communicatory potential of the Saint-Petersburg State Archive: negative trends; A.A. Brovina, E.G. Chuprova. The personified archival information about people should become more integrate. *In Russian archives funds*: V.A. Ivanov. Documents of the State Archive of Kaluga region on a number of regional local officials engaged until the Administrative reform (1855 – January, 1861); M.V. Borisenko. Registering on the books and channels of information on a rural population of Russia between the 18th and the beginning of the 20th century. *In foreign archives funds*: R.M. Tolu. The Italian archives to date. * * * How to harmonize interests of users and document keepers: reflections of researchers and archivists. *Publications of documents*: «It is permitted... to establish in the city... a public boarding school». Documents of the National State Archive of the Tatarstan Republic on a private educational institutions history in the Volga region. End of the 18th – beginning of the 20th century. By S.A. Frolova; «Ashamed to live in comfort at the sight of the poverty around me!» Letters of Olga, an ancient Greek queen in funds of The Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). 1922. By M.E. Malevinskaya, V.S. Sobolev; Drawings of the party figures in personal funds of The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). By L.N. Malashenko. *Information and chronicle*.

SOMMAIRE

Articles et communications: *Histoire et pratique de l'archivistique*: A.I. Kostanov, J.M. Eskin. Les archives et l'archivistique en Sibérie et dans l'Extrême-Orient avant Pierre I-er; S.S. Batourina. Ph.P. Chevchenko comme historien-archiviste; I.G. Asfandijarova. Législation régionale d'archives de la Russie: tendances du développement; I.A. Degtjarjova. En réfléchissant sur des projets des lois fédérales sur l'information; N.J. Tcherepenina. Potentiel d'information des Archives Centrales de l'Etat de Saint-Petersbourg: tendances négatives; A.A. Brovina, E.G. Tchuprova. L'information personifiée sur les citoyens dans les archives doit être plus complète. *Dans les Fonds des archives russes*: V.A. Ivanov. Documents des Archives d'Etat de la région de Kalouga sur le nombre des fonctionnaires dans cette province avant les grandes réformes (1855–1861, janvier); M.V. Borissenko. Organisation et sources du recensement de la population rurale de la Russie du XVIII siècle au début du XX siècle. *Dans les Fonds des Archives étrangères*: R.M. Tolou. Les archives de l'Italie aujourd'hui. * * * Comment harmoniser les intérêts des utilisateurs et des conservateurs des documents: réflexions des chercheurs et des archivistes. *Publications des documents*: «Il est permis... d'instituer dans la ville... le pensionnat publique». Documents des Archives Nationales de la République de Tatarstan sur l'histoire des écoles privées dans la région de Volga de la fin du XVIII-ème siècle au début du XX-ème siècle. Publication préparée par S.A. Frolova; «Il est honteux de vivre dans le confort à la vue de la misère tout autour!» Lettres de la reine des Hellènes Olga dans les fonds des Archives Russes d'Etat de l'Armée de mer (RGAVMF). 1922. Publication préparée par M.E. Malevinskaja, V.S. Sobolev; Dessins des hommes de parti dans les fonds privés des Archives Russes d'Etat pour l'histoire sociale et politique (RGASPI). Publication préparée par L.N. Malachenko. *Information et chronique*.

Уважаемые читатели!

Начинается подписка на газеты и журналы на 2007 г.

- ✓ Рекомендуем оформить годовую подписку на журнал «Отечественные архивы» по каталогу Роспечати «Газеты. Журналы»: индекс – 81632, цена 900 руб. (без учета стоимости услуг местной почты) в любом почтовом отделении. Это позволит сэкономить время и деньги, так как стоимость годового комплекта не увеличится. Для тех, кто решит подписаться на первое полугодие, индекс – 70913, стоимость трех номеров – 450 руб.
- ✓ Для подписчиков СНГ и Балтии имеется самостоятельный каталог Роспечати.
- ✓ Распространением журнала за рубежом занимается ЗАО «МК–Периодика»: (495) 681-37-98, 681-91-37, 684-50-08; <http://www.periodicals.ru>
- ✓ На один или все шесть номеров журнала в электронном виде можно подписаться в редакции. Журнал выходит в формате Microsoft Word на CD-ROMе первого числа каждого четного месяца. Цена номера без учета доставки – 90 руб. CD-ROM доставляется организациям в пределах Москвы курьером бесплатно; высылается по почте наложенным платежом. Оплата организациями производится по безналичному расчету по предварительному заказу: (495) 246-03-00, 245-09-01.

Номер подготовили:

Главный редактор: **Бондарева Татьяна Ивановна**
Заместитель главного редактора: **Кобелькова Лариса Александровна**
Редакторы отделов: **Водопьянова Зоя Константиновна,**
Осин Владимир Михайлович,
Ситникова Валентина Васильевна
Ведущий редактор: **Виноградова Вера Михайловна**
Корректор: **Островская Галина Алексеевна**
Компьютерная верстка: **Карпухина Елена Валентиновна**

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала "Отечественные архивы"».

Наш адрес: 119992, Москва, ГСП-2, Б. Пироговская, 17

тел. 245-09-01, 245-83-32, тел/факс 246-03-00

E-mail: otech_arch@mtu-net.ru

<http://www.rusarchives.ru/publications/otecharh/index.shtml>

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. № 1303.

*УЧРЕДИТЕЛИ: редакция журнала,
Росархив.*

Подписано в печать 18.07.2006. Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 15.

Тираж 2400 экз.

Заказ № 2016. Цена для подписчиков 135 руб., в розничной продаже – свободная.

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской обл.

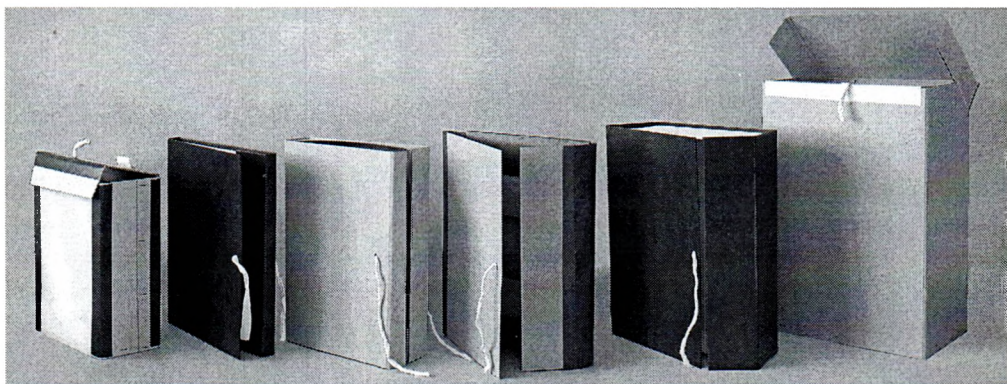
Тел. (501) 443-92-17, т/ф (272) 6-25-36

E-mail: marketing@chpk.ru

ООО ПКФ «Эндемик» предлагает

услуги по изготовлению архивных коробов и папок для длительного хранения документов из бескислотного высокопрочного электроизоляционного картона, а также из любого другого картона по образцам заказчика.

Наша фирма существует с 1994 г. Отзывы о качестве продукции и репутации фирмы можно получить у наших заказчиков, в числе которых федеральные государственные архивы (ГАРФ, РГВИА, РГАЭ, РГВА, РГАЛИ и др.), Главархив Москвы, Архив РАН, Архив Президента РФ, музеи (ГИМ, Политехнический, Государственный литературный и др.), банки, агентства.

Заказчики удовлетворены качеством нашей продукции, доступной ценой, точностью выполнения обязательств, сроками изготовления и, в случае необходимости, возможностью досрочной поставки заказа частями. В цену включена доставка по Москве и Московской области.

Наш адрес: 249035, Калужская обл., г. Обнинск, Киевское шоссе, 15, корпус 45.

Тел.: (48439) 66-0-22, (495) 546-3472, 546-35-03, 546-35-78, 747-06-08

Факс: (48439) 66-0-11, (495) 747-06-08

e-mail: endemik@obninsk.com

**«Надеемся на установление между Вашим учреждением
и нашей фирмой длительных партнерских отношений»**

Президент ООО ПКФ «Эндемик»

А.Б. Чернов

СОВРЕМЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ МИКРОФИЛЬМИРОВАНИЯ

эффективное технологическое решение

Корпорация «Электронный Архив» —
отечественный поставщик новейшего
и традиционного микрографического
оборудования ведущих мировых
производителей.

Качество на 500 лет !

Удобно
Быстро
Легко

- **съёмка** — микрофильмирующие аппараты: UKM-3 для съёмки на микрофишу, PS 2002 для съёмки на пленку 35 mm
- **проявление** — MiniLabMaster Plus, Hostert Pro
- **копирование** — копировальный аппарат Real RB 70 m
- **сканирование** — сканеры микроформ ЭЛАР ПланСкан MP-35, Kodak ABR 3000 DSV
- **чтение** — читальный аппарат INDUS 4601-11
- **специальные сканеры для создания электронных фондов пользования** — ЭЛАР ПланСкан
- **аксессуары и комплектующие**
- **расходные материалы со склада в Москве**
- **квалифицированное техническое обслуживание**

Для получения дополнительной информации обращайтесь в корпорацию «Электронный Архив»

Корпорация «Электронный Архив»

127083, Москва, а/я 522,
Петровско-Разумовская аллея, 12а
Тел.: +7 (495) 792 3131, факс: +7 (495) 251 3603
<http://www.elar.ru>, www.prosoft-m.ru
e-mail: office@elar.ru, info@prosoft-m.ru

190000, Санкт-Петербург,
ул. Декабристов, д.6, пом.10-н
Тел./факс: +7 (812) 925 8198
<http://www.elar.spb.ru>,
e-mail: spb@elar.ru